

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

БУДЫЛИН Николай Владимирович

**ЗАПРЕТ НА ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Потапов Василий Джонович

Ульяновск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. ИНСТИТУТ ЗАПРЕТА НА ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	18
§ 1. Понятие, содержание, сущность уголовно-процессуального запрета на поворот к худшему.....	18
§ 2. Запрет на поворот к худшему в системе принципов уголовного процесса.....	72
§ 3. Запрет на поворот к худшему как элемент позитивно-правовой формы обвинения, доказывания и правоприменения в уголовном процессе определенного типа.....	102
Глава II. ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАПРЕТА НА ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ В РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	140
§ 1. Запрет на поворот к худшему в стадии назначения судебного разбирательства и при рассмотрении уголовного дела по существу.....	140
§ 2. Запрет на поворот к худшему как общее свойство апелляционного производства по уголовному делу	183
§ 3. Действие запрета на поворот к худшему в кассационном и надзорном производствах по уголовному делу.....	222
Заключение	254
Список литературы	261
Приложения № 1	312
Приложения № 2	317
Приложения № 3	335

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В теории уголовно-процессуального права назрела потребность в оценке через призму запрета на поворот к худшему результатов более чем двадцатилетнего достаточно сложного и противоречивого строительства судебных стадий, при неизменности следственного досудебного производства, институтов обвинения и доказывания.

Учение о запрете на поворот (преобразование) к худшему (*non reformatio in rejus* или *ne rejus*) в постсоветское время испытало немало серьезных перемен вместе со сменой курса уголовной политики. От господства концепции категоричного запрета на поворот к худшему в период либерального подъема (конец 1990-х - 2010 г.г.), в современный период времени произошел возврат к «советской» – активно-ревизионной модели отношений суда к предмету спора и позиции сторон, закономерно ослабившей этот запрет.

В отечественной науке накопилось немало противоречий относительно понимания как сущности запрета на поворот к худшему, так его воплощения в позитивно-правовой форме. Фундаментальный вопрос состоит о мере активности суда, которая может преодолевать запрет на его участие в преобразовании к худшему положения обвиняемого. На его решение оказывает влияние не только следственная идеология, но и организационно-прагматические соображения об удобстве судебной власти, далекие от идеалов справедливого правосудия.

Правовая неопределенность относительно запрета на поворот к худшему усугубляется противоречиями в позициях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, которые дают основания для различных его толкований.

Нужно объективное знание об этом феномене, очищение его от чуждых, имеющих следственное происхождение, элементов и риторических

наслоений. Важно понимание того, что запрет суду преобразовывать к худшему положение обвиняемого имеет знаковый характер для уголовно-процессуальной системы: он указывает на меру состязательности в ней.

В этой связи актуальным является выяснение связи ослабления запрета на поворот к худшему с нарастанием в уголовном судопроизводстве обвинительного уклона. Так, в последний период времени произошло резкое увеличение количество уголовных дел, по которым при рассмотрении в апелляционном порядке были изменены обвинительные приговоры с усилением наказания: в 2017 г. было 1775 таких дел, из них с изменением квалификации - 126 и без изменения квалификации – 1649. В 2018 г. из 2856 уголовных дел, по которым были изменены обвинительные приговоры в худшую сторону, с изменением квалификации было 242 и без изменения квалификации – 2614¹. С усилением наказания изменена квалификация по уголовным делам в 2019 г. из 15300 – 172, в 2020 г. из 15448 – 156, в 2021 г. из 16880 – 154, в 2022 г. из 17114 – 157. Усилено наказание без изменения квалификации в 2019 г. – 2379, в 2020 г. - 1964; в 2021 г. – 2245; в 2022 г. - 3062².

В порядке кассации отменено оправдательных приговоров в: 2017 г. – 16, в 2018 г. – 18, в 2019 г. – 6, в 2020 г. – 53, в 2021 г. – 52, в 2022 г. – 64³.

Особо надо отметить рост количества отмененных оправдательных приговоров, вынесенных при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей: в 2017 г. – 0, в 2018 г. – 30, в 2019 г. – 120, в 2020 г. – 148, в 2021 г. – 255, в 2022 г. – 243⁴.

Усиление тенденции при пересмотре судебных решений вышестоящими судами к преобразованию положения осужденного

¹ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2023).

² Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2023).

³ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2023).

⁴ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2023).

(оправданного) в худшую сторону, подрывает доверие населения к независимости суда, веру в справедливость правосудия, что разрушительно для государства.

Актуальность темы исследования усугублена наступлением новой эпохой в российской истории, в связи с чем необходимо твердое обозначение границы, за которой ослабление данного правового запрета приводит к произволу. Важно принципиально определиться с тем, какие ценности необходимо оберегать, а от каких отказаться. Запрет суду на поворот к худшему положения обвиняемого является как раз такой ценностью, за сохранение которого надо бороться, так как он является одной из гарантий прав и свобод человека и гражданина, участвующего в уголовном процессе.

Степень разработанности темы характерна тем, что запрет на поворот к худшему традиционно изучался учеными изолированно, то есть в контексте отдельных судебно-контрольных процедур и потому общего целостного учения о нем не создано. В виде исключения можно назвать несколько исследований, в которых есть задатки такого учения, принадлежащие авторству А.С. Александрова, М.А. Воробейникова, И.С. Дикарева, А.Х. Гольмстена, Н.Н. Ковтуна, М.Ю. Рябых, И.Л. Петрухина, В.Д. Потапова.

Основы учения о запрете на поворот к худшему применительно к стадиям судебного разбирательства и апелляционного производства по Уставу уголовного судопроизводства заложены М.В. Духовским, Н.А. Неклюдовым, К.З. Постовским, В.К. Случевским, Н.Н. Розиным, И.Я. Фойницким, А.К. Фон-Резоном, Е.Н. Тарновским и другими.

В советский период запрет на поворот к худшему в контексте кассационного и надзорного производств исследовался Т.В. Альшевским, К.С. Банченко-Любимовой, М.И. Бажановым, Г.П. Батуровым, С.А. Бордоновым, М.А. Воробейниковым, И.М. Гальпериным, В.С. Глушковым, М.М. Гродзинским, И.С. Зайцевым, Н.Я. Калашниковой, К.В. Ласкиным, И.И. Мухиным, Л.И. Козаком, Э.Ф. Куцовой, Л.И. Лазаревой, В.П.

Масловым, Т.Г. Морщаковой, Я.О. Мотовиловкером, П.Ф. Пашкевичем, А.Л. Ривлиным, И.Д. Перловым, И.Л. Петрухиным, В.А. Познанским, М.С. Строговичем, О.П. Темушкиным, М.А. Чельцовым-Бebutовым и другими учеными.

Применительно к первой российской модели апелляционного производства запрет на поворот к худшему исследовался в научных сочинениях В.А. Азарова, А.С. Александрова, С.И. Беззубова, А.А. Динера, В.В. Дорошкова, Н.Н. Ковтуна, Н.В. Лантух, И.Б. Михайловской, Н.Г. Муратовой, И.Л. Петрухина, А.В. Победкина, А.Н. Разинкиной, Н.В. Сидоровой, А.В. Смирнова, Т.В. Трубниковой, А.С. Червоткина. В последующем апелляционный запрет на поворот к худшему освещался в трудах Л.И. Алтынниковой, И.А. Бабенко, С.В. Бурмагина, Л.А. Воскобитовой, Л.В. Гайворонской, Л.В. Головки, А.В. Григорьева, В.Н. Григорьева, В.А. Давыдова, С.М. Даровских, О.В. Добровляниной, В.В. Ершова, К.В. Ивасенко, К.А. Комогорцевой, Н.А. Колоколова, Н.Н. Ковтуна, А.В. Кудрявцевой, П.А. Лупинской, Н.Н. Мaziной, Н.С. Мановой, М.А. Михеенковой, И.Л. Петрухина, В.В. Плетнева, В.П. Попова, В.Д. Потапова, А.Д. Прошлякова, В.В. Пшавы, А.А. Романовой, А.В. Смирнова, И.Г. Смирновой, С.А. Трухина, Е.С. Шмелевой, Р.В. Ярцева, Ю.К. Якимовича и других.

Запрет на поворот к худшему в стадиях пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, российского уголовного процесса затрагивался в работах В.В. Бородиновой, В.М. Бозрова, В.П. Верина, С.А. Ворожцова, Д.Х. Геховой, Л.В. Головки, А.В. Григорьева, Н.А. Громова, В.А. Давыдова, И.С. Дикарева, С.П. Ефимичева, О.Р. Идрисова, К.Б. Калиновского, В.Б. Калмыкова, Н.Н. Ковтуна, Н.А. Колоколова, О.В. Качаловой, И.Б. Михайловской, Т.Г. Морщаковой, Н.Г. Муратовой, М.Е. Нехороших, М.Л. Позднякова, А.С. Омаровой, И.Л. Петрухина, В.Д. Потапова, А.В. Смирнова, М.С. Спиридонова, А.Г. Халиулина, А.Н. Тарана, В.И. Фалеева и других.

Известно и последнее (по времени) исследование учения о запрете на поворот к худшему, предпринятое в диссертации И.В. Килиной (2019), в рамках которой дан не только теоретический анализ института «поворота к худшему», но и сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, с целью обеспечения прав потерпевшего и лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу. Вместе с тем, исследование ограничено пределами деятельности суда апелляционной инстанции.

Несмотря на богатые традиции, последовательного учения о запрете на поворот к худшему в уголовном судопроизводстве в отечественной науке не сложилось. Оно подвержено значительным конъюнктурным колебаниям, особенно в последнее время. Отсутствует идеал, к которому надо стремиться. Отличие диссертационного исследования от других исследований по данной теме состоит в опоре на учение о процессе как правоотношении сторон и суда, исковой трактовке правопритязания стороны к суду, то есть обвинения, жалобы, и вытекающего из них общего требования к тождеству позиции сторон(ы) и предмета, пределов судебного процесса в любой стадии. В этом и есть состязательная доктринальная подкладка понимания сущности запрета на поворот к худшему: соблюдение этого запрета судом обеспечивается зависимостью его от позиции сторон. В противовес набравшей силу неоконсервативной тенденции, в авторской трактовке запрета на поворот к худшему утверждается идеология состязательного (обвинительного) процесса.

Объектом исследования является совокупность уголовно-процессуальных отношений, возникающих между субъектами уголовно-процессуальной деятельности, под влиянием запрета на поворот к худшему.

Предметом исследования выступают нормы уголовно-процессуального права, регулирующие запрет на поворот к худшему, правовые позиции отечественной судебной власти, материалы судебной

практики по уголовным делам, а также относящиеся к теме исследования наработки отечественной уголовно-процессуальной науки.

Целью диссертационного исследования является разработка научных положений о запрете на поворот к худшему как необходимой конструктивной принадлежности справедливого уголовного судопроизводства, а также вытекающей из этих положений системы предложений по оптимизации правового регулирования отношений суда и сторон, складывающихся при повороте к худшему, в отдельных стадиях и при исходе дела.

Выбранная цель исследования обусловила постановку и решение соответствующего круга **задач**:

– формирование авторского подхода к пониманию запрета на поворот к худшему с опорой на классические представления теории процесса о тождестве иска и процесса;

– изучение генезиса учения о запрете на поворот к худшему, выявление сомнений в его доктринальных трактовках;

– очищение идеала запрета на поворот к худшему от чуждых идеологических наслоений и использование его в качестве критерия измерения справедливости существующих судебных процедур;

– выработка концептуальных представлений о запрете на поворот к худшему как продукта уголовно-процессуальных принципов состязательного ряда;

– формирование позиции относительно дислокации и специфики проявлений запрета на поворот к худшему в структуре уголовного процесса;

– обоснование тезиса об уникальности российской уголовно-процессуальной модели со встроенной в нее версией запрета на поворот к худшему;

– выявление действия запрета на поворот к худшему в досудебных стадиях и в суде первой инстанции;

- анализ действия запрета на поворот к худшему в стадии апелляционного производства по уголовному делу;
- изучение действия запрета на поворот к худшему в стадиях кассационного, надзорного производств;
- разработка предложений по изменению законодательства, вытекающих из модели абсолютного запрета на поворот к худшему.

Методология и методика исследования. Методологическая база диссертационного исследования традиционно представлена общенаучным методом диалектического материализма, позволивший исследовать объект в его диалектической взаимосвязи с реалиями отечественного уголовного судопроизводства. Применение нашли общепринятые в юридической науке методы, в том числе аналитический метод, с помощью которого были выявлены и исследованы составляющие объект составные элементы. Метод синтеза позволил показать цельное и последовательное представление о содержании запрета на поворот к худшему. С помощью исторического, сравнительно-правового и системного методов удалось проследить генезис запрета на поворот к худшему в контексте смены курсов правовой политики и развития уголовно-процессуального законодательства, установить институциональное значение данного запрета для российского уголовно-процессуального права. С помощью формально-юридического метода интерпретировался нормативно-правовой материал. Посредством статистического, социологического методов была получена эмпирическая основа для авторской аргументации теоретических позиций и предложений по изменению законодательства.

Специфику методологии исследования определила опора на теорию о процессе как правоотношении, постулаты о тождестве процесса и иска, исковую трактовку обвинения, жалобы, которые восприняты от А.Х. Гольмстена, А.М. Кулишера, П.И. Люблинского, Н.Н. Полянского, В.А. Рязановского, иных классиков русской процессуальной мысли.

Эмпирическую основу исследования составили материалы обобщения следственной, прокурорской и судебной практики, статистические данные о деятельности судов. Автором по специально разработанной анкете изучено 211 судебных решений, принятых в различных стадиях уголовного судопроизводства. По актуальным и спорным вопросам проведено анкетирование 115 судей, 96 прокуроров и 112 адвокатов, Сбор эмпирического материала осуществлялся в Центральном и Северо-Западном федеральных округах в период с 2018 по 2022 годы.

Научная новизна исследования. Впервые в исторической перспективе и одновременно в современном контексте с позиций межотраслевых связей уголовно-правовых наук осуществлена комплексная разработка теоретических и прикладных аспектов запрета на поворот к худшему как одного из принципиальных положений уголовно-процессуального типа России.

Новизна исследования определяется последовательным развитием учения о запрете на поворот к худшему в состязательном направлении на основе теории о тождестве предмета процесса и «иска» (публичного обвинения). Это позволило аргументировать положение об детерминированности предмета уголовно-судебного спора, в его материальной и процессуальной составляющих, позицией сторон и в первую очередь – обвинением.

Впервые, притом на фоне усиления консервативных воззрений, подрывающих запрет на поворот к худшему, сущность данного уголовно-процессуального запрета усмотрена в глубинных взаимосвязях между ним и обвинением, доказыванием, уголовно-процессуальной формой. Обоснована закономерность между абсолютизацией запрета на поворот к худшему и справедливостью уголовного судопроизводства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сущность запрета на поворот к худшему заключается в превосходстве воли сторон над волей суда в развитии процесса. В нем

выражен императив о тождестве обвинения (его юридической формулы и фактического наполнения) с предметом процесса (уголовно-правового спора сторон). Наиболее последовательно это тождество соблюдается в состязательном (обвинительном) процессе. Чем более состязательнее процесс, тем категоричнее выражен в нем запрет на поворот к худшему. В идеале предмет судебного спора определяется обвинением и суд вправе сам преобразовывать положение обвиняемого только к лучшему.

2. В позитивно-правовой формулировке и доктринальной трактовке запрета поворота к худшему выражается способ развития типа процесса, соотношение в нем частного и публичного начал, баланс которых отражается в сущности уголовного судопроизводства. В случае полновластия следственно-судебной власти отсутствует какое-либо правовое препятствие для преобразования к худшему положения привлекаемого к уголовной ответственности лица. При разделении обвинения и суда неизбежен запрет на поворот к худшему как первичное условие для правомерного развития справедливого уголовного процесса.

3. Выделяются три варианта запрета на поворот к худшему в зависимости от типа процесса: абсолютный, относительный, условный (фиктивный). При любом складе не следственного уголовного процесса в нем присутствует запрет на поворот к худшему, степень категоричности которого колеблется, коррелируя меру справедливости судебной процедуры.

4. В состязательном (обвинительном) уголовном процессе запрет на поворот к худшему адресован исключительно суду и носит абсолютный характер. Категорический запрет на поворот к худшему обеспечивает тождество предмета судебного разбирательства и обвинения. В силу данного запрета суду нельзя брать на себя выполнение функции обвинения и изобличения, выходить за пределы обвинения, и тем самым прямо или косвенно участвовать в преобразовании положения обвиняемого в худшую сторону. Суд не вправе назначить наказание более строгое, чем то, которое предложили суду гособвинитель и потерпевший. Суд по своей инициативе

обязан преобразовать к лучшему положение лица, в отношении которого ведется дело.

5. Запрет на поворот к худшему действует во всех судебных стадиях, где между сторонами и судом складываются отношения, предметом которого является обвинение и наказание. Он проявляется на стыке стадии предварительного расследования с самостоятельной частью процесса, регулируемой главой 31 УПК РФ, а также статьями 226, 226.8 УПК РФ, где прокурор решает вопрос о направлении дела в суд и утверждении итогового процессуального обвинительного акта.

6. Есть несколько уровней укорененности (феноменальности) запрета на поворот к худшему в уголовно-процессуальной системе. В своей исходной сущности данный запрет связан с разделением властей и с самоограничением правового государства. Далее запрет на поворот к худшему, адресованный суду, восходит к запрету на выполнение судом функции обвинения и является его развитием: суд в любой стадии и любом производстве не должен брать на себя выполнение функции обвинения-изобличения и выходить за пределы правопритязаний обвинителя на поворот или исход дела. На институционально-структурном уровне запрет на поворот к худшему связан с обвинением и доказыванием: форма того и другого определяют содержание запрета.

7. Запрет на поворот к худшему генетически связан с публичным обвинением: формой его предъявления и перепредъявления в сторону утяжеления при пересмотре и дополнительном расследовании уголовного дела в различных стадиях. Исключения из запрета составляют содержание запрета, а он сам вместе с ними превращается в условие поворота к худшему в современном уголовном судопроизводстве. Содержание запрета на поворот к худшему составляют правила, регулирующие (а) изменение публичного обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от прежнего, (б) применение судом уголовного закона, в

том числе назначение вида и размера наказания, (в) доказывание обвинения в суде.

Обоснована формула запрета на поворот к худшему: «Суд не вправе по своей инициативе совершать действия и принимать решения против защищаемого от обвинения лица, которые выходят за пределы требований стороны обвинения. На любом повороте и при исходе процесса суд вправе выйти за пределы позиции сторон только в интересах человека, против которого выдвинуто и поддерживается обвинение».

8. Авторский вывод об универсализме или принципиальности запрета на поворот к худшему. В ближайший родственный круг запрета на поворот к худшему входит триада принципов, предусмотренных статьями 14–16 УПК РФ: состязательность, презумпция невиновности, обеспечение обвиняемому права на защиту. Каждый из этих принципов сказывается в запрете на поворот к худшему в соразмерности от большего к меньшему так: состязательность – презумпция невиновности – обеспечения обвиняемому права на защиту.

9. Вывод о том, что реальное решение проблемы изменения в суде обвинения в худшую для подсудимого сторону требует системной реформы всего уголовного процесса и прежде всего – переход на судебный порядок выдвижения публичного обвинения. При переходе на судебную процедуру предъявления обвинения получает основание процедура изменения обвинения в суде на более тяжкое при установлении в ходе судебного следствия оснований для этого решения.

10. Запрет на поворот к худшему судом первой инстанции входит в правовой стандарт о неизменности обвинения, о прямой связи предмета судебного процесса - судебного разбирательства - с предметом обвинения, закрепленный в части 1 ст. 252 УПК РФ. Этим запретом судья обязан руководствоваться как при рассмотрении уголовного дела, так и при вынесении обвинительного приговора, принятии решения о возвращении уголовного дела прокурору. На практике пути обхода этого запрета судом

бывают двух видов: интеллектуальные и фактические, но в любом случае имеет место скрытая, односторонняя активность суда против обвиняемого.

11. Вывод о наличии в стадии апелляционного производства нескольких разновидностей апелляционного запрета на поворот к худшему. Строгость запрета на поворот к худшему обнуляется не только формальными изъятиями из него, но и произошедшей на практике дифференциации моделей апелляции, которая привела к раздвоению апелляционного запрета на поворот к худшему. Первая разновидность апелляционного запрета на поворот к худшему адекватна ординарной, то есть классической апелляции, которая в настоящее время практически не существует. Вторая разновидность запрета коррелирует «неполной» апелляции, в которой преобладает «формально-кассационный» метод проверки и, соответственно, выпадают общие условия судебного разбирательства, а недостача судебного доказывания фактов восполняется иными родами активности суда по устранению судебных ошибок в доказывании.

Предлагается отказаться от ревизионно-кассационного формата реагирования суда апелляционной инстанции на нарушения как правового, так и фактического характера и вернуться к изначальной формуле запрета на поворот к худшему в суде второй инстанции, что подразумевает, во-первых, запрет суду апелляционной инстанции своим решением об изменении обвинительного приговора, иного решения суда первой инстанции непосредственно изменять к худшему положение лица, в отношении которого ведется дело, во-вторых, отмена судом апелляционной инстанции решения суда первой инстанции, способная привести к ухудшению положения преследуемого лица, может состояться исключительно по воле субъекта обвинения и в пределах его апелляционного отзыва; в-третьих, суд первой инстанции при новом рассмотрении уголовного дела должен быть связан, во-первых, обвинением, по которому обвиняемый был изначально предан суду, а во-вторых, правопритязаниями, изложенными в апелляционном представлении (жалобе) стороны обвинения.

12. Ввиду расширения предмета кассационного производства, стирания различия в кассационном и апелляционном методах, а также усиления ревизионности, кассационный запрет на поворот к худшему ослаб, открылся простор для преобразования к худшему положения лица, в отношении которого ведется дело в стадиях кассационного и надзорного производств.

Предлагается запретить суду кассационной инстанции, равно как и суду надзорной инстанции, применять закон о более тяжком преступлении или назначать более суровое наказание. Кассационно-надзорное производство в идеале должно служить исключительно цели улучшения положения участника процесса, в отношении которого вступил в силу обвинительный приговор или иное решение, ограничивающее его права и законные интересы. Отмена приговора, иного судебного решения, вступившего в законную силу в связи с необходимостью тем или иным образом ухудшить положение осужденного возможна только в случае, если по этому мотиву была подана кассационная жалоба или представление со стороны обвинения.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена авторским решением ряда дискуссионных проблем, связанных с пониманием запрета на поворот к худшему и его проявлениях. Разработанные и обоснованные автором принципиально новые теоретические положения, выводы и предложения, расширяют объем научных знаний и призваны служить основой для дальнейшего теоретического исследования действия запрета на поворот к худшему в судебных стадиях уголовного процесса.

Практическая значимость диссертационных результатов состоит в системе предложений по укреплению запрета на поворот к худшему в современном российском уголовном процессе, которые могут быть применены в деятельности адвоката, прокурора и суда при производстве по уголовным делам, а также в процессе осуществления судопроизводства в контрольно-проверочных стадиях и в стадии возобновления производства по

уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Теоретически и эмпирически обоснованные выводы и предложения, разработанные в процессе исследования, могут быть использованы при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, касающиеся применения запрета на поворот к худшему. Так же они могут служить в качестве основы для разработки соответствующих разъяснений и рекомендаций, адресованных судам и сотрудникам прокуратуры. Результаты научного исследования могут быть использованы в учебном процессе, при преподавании в учебных заведениях дисциплин по научной специальности

5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Степень достоверности и обоснованности результатов исследования подтверждается использованием соответствующих методов, получения научного знания, всесторонним анализом достаточного объема, выполненных ранее исследований по теме диссертации, нормативной базы, а также использованием эмпирических данных, собранных в процессе работы над диссертационным исследованием. Автором возрождены и развиты ряд теорий отечественной науки уголовного процесса о принципиальной связи предмета уголовного процесса и обвинения, и о запрете суду нарушать эту связь. В ходе исследования использована официально опубликованная судебная статистика, а также судебная практика. Авторский подход соответствует правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, а также Верховного Суда Российской Федерации.

Апробация результатов исследования. Теоретические положения и выводы, содержащиеся в диссертации, нашли отражение в 11 научных статьях, из которых 5 опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялись в течение нескольких лет в различных формах:

путем внедрения основных результатов диссертационного исследования, изложенных в статьях, в практическую деятельность Верховного суда Республики Коми; Адвокатской палаты Республики Коми, а также в учебный процесс образовательных организаций России (юридического института Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, юридического факультета Ульяновского государственного университета);

в процессе обсуждения на заседаниях кафедры уголовного процесса юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Проблемные положения настоящего исследования изложены в выступлениях на международных, всероссийских и межведомственных научно-практических конференциях и других научных форумах в период с 2018 по 2023 годы.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав и шести параграфов, заключения, списка использованных нормативно-правовых и научных источников, а также приложений.

Глава I. ИНСТИТУТ ЗАПРЕТА НА ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Понятие, содержание, сущность уголовно-процессуального запрета на поворот к худшему

В действующем кодексе термин «ухудшение положения подсудимого, осужденного, оправданного» используется в ч. 2 ст. 252, ч. 5 ст. 321, ч. 3 ст. 339, ч. 4 ст. 389.8, ч. 1 ст. 389.24, ст. 401.6, ч. 5 ст. 401.16. Однако, прямого нормативного закрепления понятие «ухудшение положения», равно как и запрет на такое ухудшение в отечественном законодательстве никогда не имел и не имеет⁵. Он выводился доктриной из общего смысла действующего закона, принципов уголовного процесса⁶.

В научной литературе уже неоднократно звучали призывы дать общее определение «поворота к худшему», его оснований⁷. Очевидно, есть необходимость в выработке базового определения запрета на поворот к худшему, что порождает одну из главных задач нашего исследования. Максимально общее представление о запрете на поворот к худшему должно обеспечить стройность и последовательность представлений о проявлениях данного запрета в отдельных судебных стадиях. Наличие общей концептуальной основы должно обеспечить стройность и последовательность представлений о конкретных правилах, которые должны

⁵ См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики (8-е издание, переработанное и дополненное) / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2022. С. 236.

⁶ Или каких-то равновеликих «принципам» правовых начал, общих правил, относительно которых, кстати, в отечественной доктрине никогда не было единого мнения. Этой проблематике посвящен следующий параграф.

⁷ См.: *Бабенко И.А., Плетнев В.В., Пшавва В.В.* К вопросу о пределах прав суда апелляционной инстанции при принятии решений, ухудшающих положение осужденного // Российский судья. 2021. № 8. С. 25–30.

регулировать отношения суда и сторон при выработке решений об изменении обвинения и его фактической основы, что является нашей конечной целью.

В отечественной науке сложилось несколько подходов в трактовке запрета на поворот к худшему. А для его обозначения использовались различные термины: «общее свойство», «общее условие», «общее положение», «принцип (стадии)», «основное правило», «основная черта», «институт», «концепция» и пр. Какой-либо закономерности в употреблении этого ряда терминов нет, что говорит об их случайном выборе. Это, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии ясного представления о правовой природе означаемого феномена. Как его квалифицировать в системе уголовно-процессуального знания?

Для начала определимся с исходным знанием, выработанным нашей научной доктриной, об этом явлении.

Запрет на поворот (преобразование) к худшему (*ne reformatio in rejus* или *ne rejus*) считался одним из важных элементов механизма правового регулирования производств по уголовному делу в вышестоящих судебных инстанциях. Такое мнение издавна сложилось в русской уголовно-процессуальной доктрине⁸.

Запрет этот чаще всего выводился из принципа состязательности. Причем только в узком контексте: как правило, применительно к объяснению механизма апелляционного производства. Так, статья 889 Устава уголовного судопроизводства предусматривала, что прения и само рассмотрение дела не должны выходить из пределов отзыва или протеста (апелляционного). Авторы комментария Устава уголовного судопроизводства квалифицировали эту норму как принцип⁹. Комментируя статью 891 УУС, они писали, что в силу состязательного начала апелляционная инстанция пересматривает дело

⁸ См.: *Духовской М.В.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1895, изд. 2-ое. С. 44 и след.; *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. 3-е изд., пересм. Пг., 1916. С. 540, 541; *Случевский В.К.* Русский уголовный процесс. М., 1908. С. 139, 140; *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912 Т. 1. С. 62 и след.

⁹ См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Выпуск 5. Статьи 854–892 / под общей ред. М. Н. Гернета. Москва: Тип. М. М. Зива, 1916. С. 1468.

не в полном объеме, а в пределах, в которых в которые этот пересмотр поставлен жалобами сторон и протестом прокурорского надзора. Но в этих пределах приговором суда второй инстанции должны быть разрешены все вопросы, поставленные сторонами в жалобах. Пределы отзыва определяются теми требованиями, которые в них заявлены, то есть тем, чего именно он просит, а не ссылками на те или иные доказательства, опровергающие приговор. Жалоба определяет максимальный предел, до которого суд второй инстанции может идти в своем приговоре¹⁰. И наконец, сам этот запрет выводился из того, что *пересмотр приговора подлежит лишь в пользу обжаловавшего*. Из применения состязательного начала к апелляционному производству вытекает невозможность изменения приговора в пользу той стороны, которая не принесла жалобы, ибо относительно нее приговор, за необжалованием, вступает в законную силу. Впрочем, Палата *ex officio* обязана будет пересмотреть в пользу осужденного, не обжаловавшего приговор, если производя пересмотр дела по жалобе другого осужденного, придет к выводу о необходимости *reformatio in melius* (изменение к лучшему), ибо интересы правосудия может быть еще более пострадают, если приговор, отмененный Палатой в отношении одного из подсудимых, приводится в исполнение в отношении другого осужденного за те же деяния¹¹. И наконец, если отзыв подан одним осужденным, то *reformatio in rejus*, по прямому указанию статьи 890 Устава уголовного судопроизводства, не может иметь места во второй инстанции: возможна лишь отмена наказания или его уменьшение в зависимости от того, чего просил осужденный и что выяснилось на суде¹². При этом Палата вправе произвести *reformatio in melius* и в случае подачи прокурором протеста в интересах обвинения, если при рассмотрении дела придет к противоположному

¹⁰ См.: там же. С. 1467, 1468.

¹¹ См.: там же. С. 1469–1470.

¹² См.: там же. С. 1469, 1470.

выводу¹³. Статья 931 Устава уголовного судопроизводства не распространяла анализируемый запрет на те случаи, когда, при пересмотре дела откроются новые обстоятельства, изменяющие существо обвинения. В этих случаях поворот к худшему был возможен¹⁴.

Таким образом, можно утверждать, что в набор принципов уголовного судопроизводства этот запрет русской уголовно-процессуальной доктриной не включался. Однако, он оценивался как одно из важных, но имеющих ограниченное стадией апелляционного производства место применения, правил. Каких-то общетеоретических выводов относительно системного, институционального значения данного запрета для всего уголовно-процессуального механизма, кроме того, что он связан с состязательностью, не делалось. Важной особенностью понимания в то время запрета на поворот к худшему было то, что он был неразрывно связан с общим положением о связанности суда пределами жалобы, предмет судебного спора в суде вышестоящей инстанции определялся требованиями стороны (сторон), подавшей отзыв. Иными словами, изначально анализируемый нами запрет связывался с апелляционным производством, в котором позиция суда второй инстанции зависела от требований апеллянта по предмету рассмотрения и в меньшей степени – по кругу доказательств.

Более глубоко в изучение правовой природы запрета на поворот к худшему юридическая наука того времени не погружалась. Между тем, в другой области процессуалистики – гражданской – такого рода изыскания проводились. Одним из первых в отечественной процессуальной литературе использовал, заимствовав ее из германской процессуальной школы, а точнее из теории Бюлова, концепцию процесса как правоотношения А.Х. Гольмстен¹⁵. Из этой теории он развил свое учение о тождестве процесса.

¹³ См.: там же. С. 1469, 1470.

¹⁴ Здесь усматривается слабое влияние запрета на предмет доказывания в суде второй инстанции.

¹⁵ См.: *Гольмстен А.Х.* Принцип тождества в гражданском процессе: исследование Гольмстена А.Х. С.-Петербург: типография В. С. Балашева, 1886.

Сама идея о тождестве процесса во всех его составляющих происходит от аксиомы «*judicium est actus trium personarum sc. judicis, rei et actoris*» - процесс есть развитие отношений трех лиц: суда, истца и ответчика; развитие, то есть *processus* этого *actus*'а. Соответственно предмет процессуального учения составляет тождество процесса, его материально-процессуальных составляющих, прежде всего предмета иска, но также жалобы, обращенной суду, а также процессуальных (фактических)¹⁶.

Процесс есть движущееся, развивающееся отношение между сторонами и судом, объектом которого является иск. Условием развития процессуального отношения, чтобы оно не потеряло своего внутреннего тождества, является *тождество иска*¹⁷. Суд не должен разрешать такое спорное отношение, которое потеряло внутреннее тождество в течении процесса¹⁸. Принцип тождества есть принцип, в силу которого процессуальное отношение может возникнуть лишь в таком случае, когда спорное материально-правовое отношение, являющееся поводом его, свободно от всякого внешнего тождества, а затем, раз возникнув, может продолжать свое существование лишь под тем условием, что спорное правоотношение сохранит свое внутреннее тождество¹⁹. Если спорное отношение потеряло тождество, то суд не разрешает нового спора, а игнорирует то обстоятельство, из-за которого тождество было нарушено и действует так, как если бы этого обстоятельства не совершилось²⁰; суд должен рассмотреть первоначальное, а не изменившееся требование.

По мнению А.Х. Гольмстена, запрет изменять иск должно быть установлен прежде всего из соображений публичного прав – ради сохранения наивозможного «порядка» в делах отправления правосудия. Но не менее

¹⁶ См.: Гольмстен А.Х. Указ. соч. С. 2.

¹⁷ См.: там же. С. 10.

¹⁸ См.: там же. С. 29.

¹⁹ См.: там же. С. 11.

²⁰ См.: там же. С. 13.

важен этот запрет и для обеспечения прав ответчика²¹. Суд в своем решении не может присуждать требования не заявленные. Это требуется состязательным началом²². Если же истец изменяет иск, предмет иска, то ответчик вправе не вступать в процесс по измененному иску. И суд не вправе рассматривать этот измененный иск, а должен разрешить первоначальный²³.

Эти исходные теоретико-процессуальные положения были отшлифованы в рамках еще одной теоретической доктрины – *учении об иске*. Так называемое исковое право, созданное этим учением, как универсальное общепроцессуальное понятие, призвано объяснять природу любого правопритязания субъекта, направленного суду на защиты своих права, законных интересов²⁴. Кроме того, что в рамках искового учения, были развиты идеи о субъективном публичном праве – на иск, о судебной самозащите субъектами иска своих интересов, в нем получил развитие и постулат о тождестве иска. Согласно универсальному, общепроцессуальному правилу о тождестве иска, суд должен следовать в определении предмета и пределов судебного разбирательства, равно как и доказательственного материала, иску, заявленному и поддерживаемому истцом²⁵.

Итак, принцип тождества проводится по, во-первых, предмету иска и, во-вторых, кругу доказательств, относимых к нему. По поводу последних в теории иска исходили из того, что решение суда обусловлено не внепроцессуальным составом, а тем, который, будучи доказан в процессе, способен привести к другим правовым последствиям, и может образовать

²¹ См.: там же. С. 209.

²² См.: там же. С. 249.

²³ См.: там же. С. 249.

²⁴ См.: *Гордон В.М.* Иски о признании. Ярославль, 1906. С. 73, 74.

²⁵ См.: *Гордон В.М.* Указ. соч. С. 92–101; *Гольмстен А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства (переиздание). СПб., 1907. С. 130 с. 404; *он же.* В защиту процессуальной теории Бюлова // Журнал министерства юстиции. 1916. № 9. С. 319–320; *Рязановский В.А.* Единство процесса /Вступит. ст. Треушникова М.К. Фонд «Международный ин-т развития правовой экономики» М. Юрид. бюро «Городец», 1996. С. 3–75.

иной (нежели внепроцессуальный) правовой состав²⁶. Потому и на процессуальные основания иска, то есть доказательства, распространяется требование тождества – относимости к предмету иска. По отношению и к иску, и к его основаниям должно соблюдаться требование о тождестве²⁷.

На наш взгляд, в вышеизложенных доктринальных положениях надо искать корни уголовно-процессуального запрета на поворот к худшему, проводя аналогии между иском и обвинением (жалобой), а также его основанием – доказательствами. Таким образом, мы склонны выводить природу уголовно-процессуального запрета, ставшего предметом нашего исследования, из общепроцессуального постулата о тождестве процесса, то есть иска и его оснований. Этот общепроцессуальный постулат является основой концепции о связанности суда пределами требований сторон в деле, в том числе апелляционной (кассационной), надзорной жалобы.

Вполне отдаем себе отчет в том, что выбор такого подхода обосновывается тем, что запрет связывается нами с идеологией состязательного процесса, направлен против активности суда, ревизионности, которую надо понимать как идеологему противоположную той идее, что лежит, на наш взгляд, в основании анализируемого нами процессуально-правового феномена.

Рассматриваемый запрет выступает против ревизионности²⁸, которая в отечественной уголовно-процессуальной всегда связывалась со следственной моделью судопроизводства. Подчеркнем то, что А.Х. Гольмстен был вполне

²⁶ См.: *Гольмстен А. Х.* Указ. соч. С. 250–260; *Гордон В.М.* Указ. соч. С. 110–115; *Рязановский В.А.* Указ. соч. С. 10.

²⁷ Применительно к доказательствам это тождество имеет специальное обозначение: свойство относимости доказательств. Правило тождество и соответственно требование к относимости доказательств более слабое, а главное – менее выполнимое на практике. И, тем не менее, как общий вектор может оказать воздействие на модель поведения суда в проявлении активности по получению новых доказательств в ходе апелляционного производства против подсудимого. Эта тема будет поднята в следующей главе применительно к отдельным судебным производствам.

²⁸ См.: *Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография/ общ. ред. и предисл. В. А. Давыдова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. С. 331–335.

категоричен в оценке ревизионности: он расценивал активность суда как зло, которое дискредитировало правосудие: опека суда причиняет вред процессу²⁹. Конечно, здесь видится проявление частной идеологии, более развитой в области гражданского права и процесса. Однако, уместной и в уголовном процессе: в той мере, в которой тот претендует на звание «соствязательного».

В самом корне запрета на поворот к худшему видится ограничение публичной, судебной власти волею частного лица: суд не вправе выходить за пределы правопритязания истца; предмет иска определяет и предмет судебного разбирательства, спорный вопрос, а в широком смысле – «уголовного дела».

Императив о тождестве предмета судебного правопритязания субъекта (иска, жалобы и пр.) и предмета судебного разбирательства выливается в фундаментальное правило о том, что воля стороны (сторон) определяет судебный процесс в его предметных фактических составляющих – материальной и процессуальной. Суд исходит из того материально-процессуального состава, который сформировали стороны, прежде всего – истец, то есть «обвинитель» в уголовно-процессуальной терминологии.

Разумеется, нет полной аналогии между частным гражданско-процессуальным механизмом и публичным уголовно-процессуальным механизмом³⁰. При всем качественном различии между криминальной и гражданской процессуалистикой в балансировке ценностных ориентиров: публичного и частного, мы являемся сторонниками общей доктрины процесса. Исходим из допустимости и более того необходимости видеть в процессе общую – публично-правовую природу, а именно: судебное разрешение спора сторон. Это так и в гражданском и уголовном процессе.

²⁹ См.: Гольмстен А. Х. Указ. соч. С. 200.

³⁰ Который многими понимается как публично-правой инструмент противодействия государства преступности. Это аксиома лежит в подоснове представлений обо всех уголовно-процессуальных явлениях - как более публично-правовых, чем гражданско-правовые.

Отсюда и правомерность проведения аналогий между иском и обвинением, равно как и другими понятиями гражданско-процессуальной и уголовно-процессуальной доктрины, касающихся тождества иска и процесса, оснований иска и предмета судебного доказывания. Полагаем, что в уголовно-процессуальной доктрине в принципиальном плане оправданно утверждать о наличии тождества между (а) обвинением и предметом судебного разбирательства, (б) обвинением и обвинительным приговором, (в) жалобой на приговор суда и предметом судебной проверки.

В итоге, можно сделать первые выводы. Во-первых, запрет на поворот к худшему имеет глубокие корни в сфере доктрины процесса: он связан с решением вопроса о допустимой активности суда в определении предмета спора и выхода за пределы того, на что притязает истец (обвинитель) и против чего выступает ответчик (сторона защиты). В этом запрете, как в любой важной детали уголовно-процессуального механизма, заложена оппозиция частного и публичного начал. Мера того и иного в позитивно-правовой и доктринальной формулировке запрета на поворот к худшему (изменения обвинения против обвиняемого) составляет актуальную или современную сущность его. Эта мера изменчива³¹. Второй вывод (пока в виде предположения) состоит в возможном наличии глубинной связи данного процессуального запрета с двумя институтами: (1) иска – обвинения и (2) доказывания – доказательствами. Мера, о которой шла речь выше, касается меры зависимости суда, его активности в изменении обвинения и доказывании, от позиции сторон(ы) по этим двум институциональным слагаемым процесса. Вопрос о тождестве – есть вопрос о мере состязательности процесса.

Следующий ход в наших рассуждениях о мере частного/публичного в анализируемом правовом явлении состоит в переводе его из «обще-

³¹ Эта мера, очевидно, является показателем, знаком правовой культуры, психологии, той среды, которая создается в данном государстве. Представление о ней дают результаты соцопросов, которые нами проводились в ходе исследования.

процессуального» в уголовно-процессуальный контекст, где постулировано неравенство стороны обвинения и защиты. Истцом, субъектом публичного уголовного иска – обвинения является государство. От имени государства в качестве должностного публичного обвинителя выступает прокурор – глава публичной обвинительной власти, как о нем было принято говорить в классической русской уголовно-процессуальной доктрине³², и это накладывает отпечаток на правовую природу запрета на поворот к худшему. Он получает ограничение (ослабление) по следующим причинам: (1) обязательное участие в судебном процесс субъекта публичного обвинения, (2) неравенства стороны защиты и обвинения, за которым стоит государство (его исполнительная – обвинительно-охранительная власть), (3) необходимости сглаживания этого неравенства публично-правовыми, процессуальными средствами (гарантиями), (4) повышенная активность суда и его меньшая связность позицией сторон в виду публичного интереса, включая обязанность установления «объективной истины».

Мера активности уголовного суда больше, чем у гражданского, и направленность этой активности распространяется не равномерно на обе стороны спора, а главным образом должна быть расположена в пользу стороны защиты, ибо государство, его обвинительная власть в лице публичного обвинителя по должности – прокурора поддерживает сторону обвинения, и суду надо уравновесить ее со стороной защиты, презюмируемой заведомо более слабой в сравнении с государством в лице обвинителя. Потому суд активен при *reformatio in melius*, то есть может выйти за пределы требования стороны или сторон. Но суд пассивен при *reformatio in pejus*: для того, чтобы сделать своим предметом вопрос об ухудшении положения.

³² См., напр.: *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России: пособие для прокурорской службы. Т. 1. Москва: Унив. Тип., 1899. С. 3–20.

Такова самая исходная установка на понимание природы запрета на поворот к худшему положения обвиняемого в уголовном процессе, в котором он противостоит государству, как процессуальному оппоненту – государственному обвинителю во главе всей следственно-обвинительной власти.

В уголовной процессуалистике до советского периода вышеприведенные общетеоретические взгляды на уголовно-правовой спор обвинительной власти с обвиняемым (защитой), прокурора как субъекта публичного обвинения, исковое право и процесс как правоотношение «истец (обвинитель) – суд – обвиняемый», были характерны для П.И. Люблинского³³, А.М. Кулишера³⁴ Н.Н. Полянского³⁵. Забегая вперед, можем сказать, что в позднесоветский период, и в современной процессуалистике сходные идеи развиваются некоторыми учеными. И это дает нам право присоединиться к доктрине процесса как правоотношения сторон и суда, исковой трактовке правопритязания стороны к суду и вытекающего из них общего требования к тождеству позиции сторон(ы) и предмета, пределов судебного процесса в любой стадии.

Как уже указывалась, категоричность запрета на поворот к худшему, то есть поворот дела против обвиняемого, зависит от меры частного начала, допускаемой законодателем, в механизм правосудия. В области доктрины показателем этой меры частного, диспозитивного начала в правовых конструкциях (доктринальных и позитивно-правовых) является восприимчивость к такой обще-процессуальной категории как иск.

³³ См.: *Люблинский П. И.* Процесс, как судебный порядок и процесс, как правоотношение // Журнал министерства юстиции. 1917. № 1. С. 237–265.

³⁴ См.: *Кулишер А.М.* Защита субъективных публичных прав посредством иска // Юридический вестник. 1913. Кн. 4. С. 121, 122;

³⁵ См.: *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М.: Право и Жизнь, 1927. С. 95–120.

Для классической русской уголовно-процессуальной доктрины была характерна исковая трактовка обвинения, как уголовного иска³⁶. Это является самым ярким показателем того, что она была более восприимчива к теоретическим построениям в духе состязательности. И напротив, советская доктрина категорически отторгала исковую концепцию обвинения³⁷, что также имеет знаковый характер. Данное различие в понимании природы обвинения имело глобальные последствия для доктринальной и позитивно-правовой формулировки запрета на поворот к худшему.

Для советской уголовно-процессуальной доктрины представления о пассивности уголовного суда, о его связности какими-либо процессуальными (буржуазно-либеральными) «сдержками», были чужды. Ее основатели исходили из того, что суд есть государственный орган расправы (над классовыми врагами), а расправа есть тот же суд³⁸. Для того и были созданы следственная модель выдвижения обвинения, концепция объективной истины, советская кассация, чтобы обеспечить доминирование публичного начала, которая связывалось с наибо́льшим подавлением противников власти уголовно-правовыми средствами. Для советской уголовно-процессуальной доктрины была характерна апология ревизионного начала, воплощением которой стала модель советской кассации³⁹, реализованная в статье 350 УПК РСФСР (1923 г.), которая освобождала суд второй инстанции от позиции кассатора и возлагавшая на него обязанность рассмотреть жалобу и все производство по делу в ревизионном порядке.

³⁶ Уголовный иск был общепринят в русской уголовно-процессуальной доктрине классического периода (действия Устава уголовного судопроизводства) и сохранялся в ранний период советской доктрины.

См. об этом: *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. С. 95 и след.

³⁷ См.: *Александров А.С.* Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.

³⁸ См.: *Крыленко Н.В.* Судостроительство РСФСР (Лекции по теории и истории судостроительства). М.: Юридическое издательство, 1923. С. 15.

³⁹ Апелляционная модель во многом потому и была отвергнута, как менее удобная для проведения публично-правовой - следственной идеологии.

Как отмечает, И.С. Дикарев, советский законодатель, не державшийся за состязательную форму, по сути, переложил на суд выполнение процессуальных обязанностей стороны по делу. Ревизионная проверка уголовного дела изначально вошла в процедуру как средство ограничения состязательности⁴⁰. Говорить о каком-то тождестве предмета правопритязаний сторон и предмета судебного спора в контексте такой правовой идеологии невозможно.

Первоначальная модель советской кассации, которая была сделана основным судебным-контрольным механизмом⁴¹, основывалась на ревизионном пересмотре всякого дела с правом отмены приговора также по любому поводу и с обязательным назначением рассмотрения дела вновь в первой инстанции⁴².

Вместе с тем запрет на поворот к худшему получил закрепление первоначально в ст. 424 УПК РСФСР 1923 г., а затем дополнительно нашел отражение в статье 419-а УПК РСФСР, внесенной 16 октября 1924 года⁴³.

Согласно статье 424 УПК РСФСР (1923 г.), если первоначальный приговор был отменен по мотивам, указанным в жалобе осужденного, то при вторичном рассмотрении дела не может быть назначено более тяжкое наказание, нежели то, которое было избрано судом при первом рассмотрении дела.

В этой норме есть, так сказать, минимальное выражение запрета на поворот к худшему, которое сохранялось всегда, независимо от смен законодательства и доктрин⁴⁴.

⁴⁰ См.: *Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 328, 329.

⁴¹ Надзорное производство трактовалось как исключительное, экстраординарное, полностью находящееся в распоряжении публичных органов: прокуратуры и суда.

⁴² См.: *Крыленко Н.В.* Суд и право в СССР. Часть вторая. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М.: Гос. Изд-во, 1928. 158 с. С. 23.

⁴³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1924. № 78. Ст. 784.

⁴⁴ Это одно из тех необходимых правил, без которых процесс вообще не мыслим, как правовое явление.

Согласно статье 419-а УПК РСФСР (1923 г.) в случае признания Губернским Судом неправильного применения Народным Судом закона к установленным приговором обстоятельствам дела или явного несоответствия назначенного приговором наказания с деянием осужденного, Губернский Суд может, не передавая дела на новое рассмотрение, внести необходимые изменения в приговоре Народного Суда, с тем, однако, что назначенное Губернским Судом наказание не должно превышать наказание, назначенное приговором Народного Суда и не должно смягчаться ниже размера, предусмотренного соответствующей статьей Уголовного кодекса.

Именно в таком исключительном, а не принципиальном смысле трактовался этот запрет Губернскому Суду (суду кассационной инстанции) в комментариях того времени⁴⁵.

Таким образом, запрет на поворот к худшему в «раннесоветском периоде», во-первых, мало увязывался с частным, правозащитным началом⁴⁶, конкурирующим с публично-властным, во-вторых, он касался только отношений между вышестоящим и нижестоящим судами, в-третьих, он был связан только с назначением наказания судом второй инстанции размера наказания.

Ввиду господства публичности и даже публично же понимаемой целесообразности (революционной, классовой), при ревизионной модели кассации, исключения из нее, в виде некоторого недопущения на поворот к худшему положения осужденного, не могли претендовать на какую-либо существенную процессуальную ценность, что прямо отразилось на доктрине. На некоторое время сам термин «запрет на поворот к худшему» вышел из употребления в науке, что весьма показательно. На фоне рассуждений о ревизионном механизме кассационного пересмотра уголовного дела, как

⁴⁵ См.: Уголовно-процессуальный кодекс : научно-популярный, практический комментарий / под ред. П. И. Люблинского и Н. Н. Полянского. М.: Издательство «Право и Жизнь», 1928. С. 307.

⁴⁶ Минимальный стандарт безопасности для осужденного он создавал: невозможность спровоцировать против самого себя поворот к худшему путем подачи кассационной жалобы.

инструменте управления судебной практикой, обеспечения единообразия толкования и применения законодательства, обеспечения эффективности уголовной репрессии, запрет на поворот к худшему не мог не выглядеть как формальность.

Так, М.С. Строгович признавал *принципами* в кассационного производства ревизионность, обеспечение прав сторон, свободу обжалования судебных приговоров сторонами⁴⁷, однако о запрете на поворот к худшему (как той же гарантии прав осужденного-кассатора) умалчивал. Аналогичной была и позиция М. М. Гродзинского⁴⁸.

М.А. Чельцов-Бebutov также первоначально не включал в число основных черт советского института обжалования и пересмотра приговоров (кассации) запрет на поворот к худшему, придерживаясь ортодоксального советского учения о тотальной публично-правовой, официальной природе этого механизма⁴⁹. И только позднее этот ученый дополнил основные черты пересмотра приговоров охраной прав жалобщика-осужденного, позволяющей ему обжаловать приговор, не боясь ухудшения своей участи в суде второй инстанции или при новом рассмотрении дела после отмены приговора⁵⁰.

С предложениями об усилении ревизионности за счет изъятия из запрета на поворот к худшему, путем наделения суда первой инстанции полномочием повысить меру наказания при новом рассмотрении дела, если после нового расследования будут найдены иные обстоятельства, высказывались некоторые советские ученые⁵¹. Иными словами, они ратовали

⁴⁷ См.: *Строгович М. С.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956. С. 64–70.

⁴⁸ См.: *Гродзинский М.М.* Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1949. С. 48–57, 61–62.

⁴⁹ См.: *Чельцов-Бebutov М. А.* Развитие института обжалования и пересмотра приговоров в советском уголовном процессе // Ученые записки Всесоюзного юридического заочного института. 1948. С. 103–115.

⁵⁰ *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. 4-е изд. М., 1962. С. 432–434.

⁵¹ См.: *Гродзинский М.М.* Вопросы кассационного пересмотра приговоров в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 10. С. 8; *Бордонов С.А.* О праве кассационной инстанции // Социалистическая законность. 1950. № 6. С. 11; *Ласкин*

за то, чтобы полностью отвязать суд от позиции сторон и пределов наказания, изложенных в первоначальном решении суда по делу.

Изучение советской уголовно-процессуальной литературы по теме исследования показывало, что большинством авторов основные начала пересмотра судебных решений трактовались в свете приоритета публичного, государственного интереса над частным интересом кассатора, другого участника процесса, заинтересованного в исходе дела. Отсюда упор на ревизионность кассационной процедуры, активность суда второй инстанции, несвязность его позиции предметом жалоб сторон и их позицией. Запрету же на поворот к худшему не придавалось такого важного значения. Он закономерно оказался на периферии доктрины о кассации, и тем более – надзоре. Таковы последствия господства советской уголовно-процессуальной идеологии, которая несмотря на то, что называла себя состязательной (М.С. Строгович), по существу была следственной.

Заслуживает внимание идеи, высказанные в то время М.И. Бажановым: о *взаимосвязи* порядка предъявления и изменения *обвинения*, в том числе в суде, включая кассационный суд и соответственно – с запретом суду второй инстанции ухудшить положение осужденного⁵². Такого рода взаимосвязи между обвинением и активностью (ревизионной) суда кассационной инстанции были нехарактерны для советской доктрины. Хотя мы считаем, такой ход мыслей совершенно верным.

Перемена в воззрениях на механизм судебного контроля и запрет на поворот к худшему произошел в конце 1950-х годов в контексте подготовки нового уголовно-процессуального законодательства, сопровождавшейся критикой сталинских репрессий, возрождением риторики о защите личности,

К., Козак Л. Вопрос, требующий теоретической разработки // Социалистическая законность. 1948. № 10. С. 23.

⁵² См.: Бажанов М.И. Изменение обвинения в советском уголовном процессе. М., 1954. С. 48 и след.;

гарантий социалистической законности, в общем – на фоне либерализации правового режима и правовой культуры СССР⁵³.

Маятник доктринального развития в этот период слегка качнулся: от публичного начала к частному. Это проявилось в тенденции к расширению понимания содержания запрета на поворот к худшему в ходе и результате кассационного производства.

Эта тенденция проявилась в критике ранее делаемых предложений о наделении суда первой инстанции полномочием повысить меру наказания при новом рассмотрении дела, если после нового расследования будут найдены иные обстоятельства, с которой выступили И.Д. Перлов, другие ученые⁵⁴.

Новая трактовка этого запрета получилась в ст. 340, ч. 1 ст. 350, ч. 2 ст. 353 УПК РСФСР 1960 г. Суть ее состояла в переносе акцента в данном запрете на ограничение активности суда кассационной инстанции позицией кассатора – подсудимого. Поворот к худшему осужденного допускался только по требованию стороны обвинения – это дополнение было принципиально новым. Вместе с тем, суду разрешалось при новом рассмотрении дела после отмены приговора судом вышестоящей инстанции, изменить в худшую сторону положение обвиняемого – на основании новых полученных доказательств⁵⁵. Такой подход коррелировал с формулировкой

⁵³ См.: *Альшевский Т.В.* Пределы прав суда при рассмотрении уголовных дел в кассационном порядке и в порядке надзора // Советское государство и право. 1956. № 6. С. 76; *Гродзинский М.М.* Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. 2-е изд. М., 1953. С. 143; *Куцова Э.Ф.* Советская кассация как гарантия законности в правосудии. М.: Госюриздат, 1957. С. 161–169; *Мухин И.И.* Кассационное обжалование, опротестование и пересмотр приговоров. М., 1956. С. 39, 83–86; *Полянский Н.Н.* Вопросы уголовного процесса в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 6. С. 29.

⁵⁴ См.: *Перлов И.Д.* Вопросы судебного разбирательства и кассационного производства в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 4. С. 13; *Полянский Н.Н.* Вопросы уголовного процесса в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 6. С. 6; *он же* Вопросы теории советского уголовного процесса. С. 210;

⁵⁵ Изъятие из запрета, касающееся освобождения суда нижестоящей инстанции от предмета ранее выдвинутого обвинения и назначенного наказания, было новым, и смягчало произошедшее усиление запрета в целом.

части второй статьи 52 Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР: «Усиление наказания либо применение закона о более тяжком преступлении при новом рассмотрении дела судом первой инстанции допускается только при условии, если первоначальный приговор был отменен за мягкостью наказания или в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении по кассационному протесту прокурора, либо по жалобе потерпевшего, либо в порядке судебного надзора, а также если при новом расследовании дела после отмены приговора будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении обвиняемым более тяжкого преступления».

Кстати, как верно указывают современные авторы, действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, которые ограничивали бы полномочия суда, рассматривающего уголовное дело после отмены вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда⁵⁶. И в этом плане полнота запрета на поворот к худшему в современном позитивно-правовом и доктринальном оформлении *уступает* «советскому стандарту», установленному как УПК РСФСР 1923 г., так и УПК РСФСР 1960 г.

С принятием УПК РСФСР 1960 г. содержание запрета на поворот к худшему расширилось, во-первых, за счет нормативного указания на то, что его инициатором обязательно должен быть представитель стороны обвинения, во-вторых, путем направления ревизионной активности суда в русло преобразования положения уголовно-преследуемого лица в лучшую сторону.

В ходе дальнейшего развития советская доктрина не выработала единой позиции относительно того, чем является запрет на поворот к худшему: исключением из ревизионности или принципиальным правовым предписанием, претендующим на самостоятельную ценность.

⁵⁶ См.: *Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 314.

В советской процессуальной литературе периода действия УПК РСФСР 1960 г. данному правилу всегда уделялось большое внимание применительно к кассационному, надзорному производству, и при этом неизменно подчеркивалось необходимость соблюдения этого правила на практике⁵⁷.

«Стремление исправить возможно большее число судебных ошибок путем нарушения запрета «поворота к худшему» приводит к противоположному результату»⁵⁸.

В позднесоветский период, на фоне повышения чувствительности к правозащитной тематике получило развитие направление об этом запрете, как о каком-то другом нормативно-правовом требовании общего характера.

Тезисы о правозащитной направленности этого запрета, о его обеспечительной направленности по отношению к широте кассационного обжалования были общими местами в советской доктрине. Однако, вывод о его принципиальном значении для стадии кассационного производства, рассуждения о его универсальном значении были редкостью⁵⁹.

Более распространенными стали его трактовки в качестве общего условия стадии (стадий)⁶⁰ или «принципиального начала»⁶¹ и пр. Общепринятой явилась трактовка данного запрета как процессуальной гарантии прав лиц, в отношении которых судом принято окончательное

⁵⁷ См.: *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Изд-во «Наука», 1979. С. 318; *Мотовиловкер Я.О.* Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства / Под ред. П.И. Бородько. Кемерово, 1962. С. 205–256.

⁵⁸ См.: *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г.* Указ. соч. С. 318.

⁵⁹ См., напр.: *Лазарева Л.И.* Принцип недопустимости поворота к худшему // *Правоведение*. 1977. № 2. С. 101–104; *она же.* Принцип недопустимости поворота к худшему в советском уголовном процессе: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1982. С. 7 и след.

⁶⁰ См.: *Воробейников М.А.* Запрет преобразования к худшему в советском уголовном процессе: монография. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1976. С. 13

⁶¹ См.: *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г.* Указ. соч. С. 318–319.

решение по уголовному делу, и которые оспаривают его правомерность в вышестоящей судебной инстанции⁶².

Были сторонники как усиления этого запрета, так и увеличения изъятий из него, то есть ослабления. Так, И.Д. Перлов выступил за расширение понятия поворот к худшему, путем включения для него «иных кассационных оснований», прямо не указанных в законе: увеличение размера возмещения преступного вреда; увеличение размера процессуальных издержек, возлагаемых на осужденного; изменение вида наказания; признание неоконченного преступления оконченным и пр.⁶³ Тем самым, происходило расширение действия данного запрета – за счет расширения дискреции как суда второй, так и первой инстанции, которому возвращалось уголовное дело для нового рассмотрения.

Сходную с вышеуказанной позицией точку зрения на наделение кассационной инстанции правом ухудшить положение осужденного или оправданного путем решения не в его пользу вопросов частного характера (признание осужденного рецидивистом и т.п.) высказывали и другие ученые. С оговоркой о том, что это должно происходить по требованию прокурора⁶⁴.

С идеями, ослабляющими действие запрета на поворот к худшему выступала Э.Ф. Куцова⁶⁵. Она писала, что ограничивать суд второй инстанции при принятии им кассационного определения мотивами протеста было бы непоследовательным в связи с ревизионным характером проверки⁶⁶. Тем самым, этот ученый проявила следственный уклон в понимании

⁶² См., напр.: *Ривлин А.Л.* Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958. С. *Куцова Э.Ф.* Указ. соч. С. 7, 12 и след.; *Мухин И.И.* Указ. соч. С. 18.

⁶³ См.: *Перлов И.Д.* Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. С. 269, 339–340, 347–357, 360, 363.

⁶⁴ См.: *Пашкевич П.Ф.* Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 56–57; *его же.* Возможность и необходимость расширения прав суда кассационной инстанции с целью повышения эффективности правосудия / Вопросы повышения эффективности правосудия по уголовным делам / Под ред. В.З. Лукашевича. Калининград, 1981. С. 46–55; *Петрухин И.Л.* Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе // Государство и право. 2006. № 3. С. 47, 48.

⁶⁵ См.: *Куцова Э.Ф.* Указ. соч. С. 163, 168.

⁶⁶ См.: *Куцова Э.Ф.* Указ. соч. С. 162-163.

природы анализируемого нами запрета.

В поддержку доктрины запрета на поворот к худшему выступил Н.Н. Полянский, причем изобретательно приводя публично-правовой аргумент: запрет к худшему, по его мнению, является гарантией, обеспечивающей достижение публичных интересов, а именно: чем больше свободно обжалуется приговор, тем выше вероятность обнаружения и исправления судебных ошибок⁶⁷. Эту идею в последующем повторяли и другие ученые, придерживающиеся причем разных точек зрения на ее идеологию, в том числе И.Л. Петрухин и другие⁶⁸.

Интерес представляет имевшая в советское время дискуссия о распространении действия запрета на поворот к худшему на предмет доказывания. Один из ее участников – Я.О. Мотовиловкер утверждал, что запрет на поворот к худшему касается только квалификации преступления и размера наказания и не распространяется на фактические обстоятельства дела и доказательства. По его мнению, судебно-следственные органы всегда обязаны проводить всестороннее, полное, объективное расследование и потому не связаны позицией сторон в доказывании⁶⁹. Эта позиция, которую можно считать проявлением следственной идеологии, концепции ревизионности, нашла поддержку некоторых авторов⁷⁰. Ему возражали другие ученые, выступавшие за более широкую трактовку запрета на преобразование к худшему и распространявшие его действие на доказывание фактических обстоятельств дела⁷¹.

⁶⁷ См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 209.

⁶⁸ Об этом подробнее будет сказано далее в ходе нашего диссертационного исследования.

⁶⁹ См.: Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства / Под ред. П.И. Бородин. – Кемерово, 1962. С. 205–256.

⁷⁰ См.: Воробейников М.А. Запрет преобразования к худшему в советском уголовном процессе. С. 65, 67.

⁷¹ См.: Лазарева Л. И. Принцип недопустимости поворота к худшему в советском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 43–46; Морщакова Т.Г. Запрет поворота к худшему как гарантия прав личности в советском уголовном процессе // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном

Мы являемся сторонниками второй позиции, а именно: запрет на поворот к худшему связан с доказыванием. И хотя его сила и, главное, способность оказать свое ограничивающее воздействие в факто-процедурной части более ограничено, чем в обвинительной, уголовно-правовой, тем не менее, в качестве «мягкого стандарта», своего рода рекомендации, этот запрет-ограничитель должен оказывать свое влияние. Суд не должен стремиться доказывать-изобличать более того, что вытекает из позиции сторон. Суд в любой стадии не должен проявлять активности в изобличении обвиняемого, в получении против него дополнительных доказательств.

Таким образом, в советской доктрине в период ее зрелости наметились две тенденции: консервативная и либеральная в трактовке запрета на поворот к худшему. Обозначился основной круг вопросов, ставших традиционными для определения его содержания, включая изъятия из этого запрета, позволяющие суду осуществить такой поворот, в том числе и по своей инициативе.

В целом надо отметить чуждость данного запрета, имеющего, как уже отмечалось, частный заряд, советской процессуальной идеологии, которой было более близко ревизионное начало, оправдывающее активность суда в установлении объективной истины, невзирая на то, что это связано с обвинением.

Вообще, для советской юридической доктрины содержание жалобы, протеста не имело большого значения для процедуры пересмотра судебного решения⁷². Господствовала публично-правовая, следственная трактовка этого запрета во всех составляющих его содержания: уголовно-правовой, процессуальной, фактической. В этой связи не ставилось под сомнение господство ревизионности и публично-толкуемой свободы обжалования приговоров, не вступивших в законную силу.

праве и процессе. Сборник научных трудов. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1985. С. 36–45.

⁷² См.: Панокин А.М. Основные начала апелляционного производства в уголовном процессе // Юридические исследования. 2017. № 8. С. 39.

Идеологическая среда советского времени породила публично-правовой перекося уголовно-процессуальной доктрины, детерминированной, в свою очередь, тотализацией власти по различным направлениям (суд и предварительное следствие, суд и прокуратура) в полном соответствии с изначальной установкой В.И. Ленина: у нас нет ничего частного, мы ничего «частного» не признаем, для нас все есть публично-правовое, а не частное⁷³. Воплощением этому стали все советские уголовно-процессуальные институты, включая обвинение, доказывание, кассационное производство, в которых развивается учение о запрете на поворот к худшему.

По идеологической и нормативно-догматической причинам преобладал подход в трактовке запрета в узком смысле: только как один из нормативно-правовых атрибутов советской модели кассации.

Независимо от доктринальной квалификации данного запрета, по мнению советских ученых, он имел значение только для регулирования полномочий судов кассационной, надзорной инстанций по определению предмета обвинения, в пределах которого будет пересматриваться уголовное дело, а также выступает важной процессуальной гарантией использования подсудимым (осужденным) прав на защиту и доступ к правосудию. Большинство авторов, оперировавших этим понятием, связывали его обеспечением права на защиту подсудимого, указывали на его правозащитную сущность⁷⁴.

Несмотря на отдельные попытки, можно констатировать отсутствие в советской науке доктринальных предпосылок для проведения системных связей между данным запретом с общим устройством уголовно-процессуального механизма, в том числе с порядком выдвижения и изменения обвинения и доказыванием.

⁷³ См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 398. <http://leninvi.com/t44/p398>

⁷⁴ См.: Петрухин И.Л. Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе // Государство и право. 2006. № 3. С. 48, 49.

Уже в «позднесоветский период» имело место некоторое возрождение интереса к общей теории процесса и к его основам⁷⁵, в числе которых состоит положение о тождестве предмета процесса и иска (обвинения, жалобы) и вытекающий из него принципиальный запрет нарушать данное тождество, то есть изменять суду произвольно предмет судебного процесса. Это важная теоретико-методологическая предпосылка к более глубокому пониманию сущности анализируемого нами уголовно-процессуального феномена, но она не получила сколько-нибудь широкого развития и не сказалось на учении о запрете на поворот к худшему.

Возрождение интереса к этому правовому предписанию произошло на фоне реабилитации состязательно-диспозитивного направления в отечественной процессуалистике. Эта перестройка на идеологическом фронте произошла в постсоветский период – под влиянием Концепции судебной реформы в РСФСР (1991 г.)⁷⁶. Новая предпосылка к пониманию сущности запрета на поворот к худшему бала заложена в запрете суду осуществлять уголовное преследование: «суд должен быть освобожден от любых рудиментов функции уголовного преследования». Это, в свою очередь, повлияло на понимание авторами указанной Концепции сути запрета на поворот к худшему, в том числе И.Л. Петрухиным⁷⁷.

Комментируя правовую организацию отношений суда и прокурора в связи с выявившейся при рассмотрении дела порочностью обвинения, ученые отмечали, что суд по своей инициативе ни прямо, ни косвенно не должен допускать преобразования положения обвиняемого в худшую

⁷⁵ См.: Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников; Под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1983. С.112.

⁷⁶ Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

⁷⁷ См.: *Петрухин И.Л.* Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе. С. 46–53; *он же.* Доследование: расхождения закона и практики // Уголовный процесс. 2007. № 8. С. 27–30.

сторону⁷⁸; «суд не вправе вынести обвинительный приговор, скорректировав обвинение в истинную, но неблагоприятную для обвиняемого сторону»⁷⁹.

Такой же была и позиция Председателя Верховного Суда РФ: «органы предварительного расследования уже реализовали представленную им возможность по собиранию доказательств, и если суд посчитает данные доказательства недостаточными для вывода о виновности обвиняемого, это должно вести к постановлению оправдательного приговора»⁸⁰.

Об уровне развития отечественной доктрины относительно запрета на поворот к худшему свидетельствует и ст. 520 Модельного УПК для государств – участников СНГ⁸¹. В ней был зафиксирован категоричный запрет на поворот к худшему по инициативе суда.

Таким образом, в 1990-х годах создались предпосылки для развития состязательной доктрины запрета на поворот к худшему положения обвиняемого в уголовном процессе.

Подход к широкой трактовке запрета на поворот процесса (к худшему) в свете состязательной, частно-исковой доктрины произошел в период создания первоначальной модели апелляционного производства в составе еще УПК РСФСР⁸².

⁷⁸ См.: Ванян К.Д., Лысов Н.Н., Тащилин М.Т., Шуйский А.С., Гильманов И.Р., Костерин В.В. Принципиальное значение запрета на поворот к худшему для уголовно-процессуальной системы // *Правоприменение*. 2022. Том 6. № 3. С. 212–223.

⁷⁹ См.: Калиновский К.Б., Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный. / Под общ. ред. А.В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., Питер, 2004. С. 406.

⁸⁰ См.: Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. М, 2004. С. 58.

⁸¹ Модельный УПК для государств – участников СНГ, принятый в качестве рекомендательного законодательного акта на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.

⁸² См.: Александров А.С., Ковтун Н.Н. Апелляция в русском уголовном судопроизводстве. Н. Новгород: Волго-вятская академия государственного управления, 1999; *они же*. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы и решения. Н. Новгород: НА МВД РФ, 2000; *они же*. Комментарий к УПК РСФСР / Отв. ред. В.И. Радченко; Под ред. В.Т. Томина. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2001. – Разд. XII. С. 732–814.

В дальнейшем расширительный подход к трактовке запрета на поворот к худшему развивался ими в контексте толкования первоначальной модели апелляционного производства в новом уголовном процессе по УПК РФ⁸³. Суть этого расширительного подхода заключается в том, что запрет на поворот к худшему трактуется не только как атрибут судебного-контрольного производства в судебных стадиях, но как обще-процессуальное, универсальное правовое требование к обвинительным и судебным властям относительно изменения предмета обвинения, его оснований и вытекающих из них уголовно-правовых последствий.

Следует отметить подход А.С. Александрова к деконструкции публично-следственного смысла ключевых уголовно-процессуальных категорий, погружение их в состязательную, диспозитивную правовую среду, что подготовило почву для трактовки запрета на поворот к худшему на новой теоретико-идеологической основе⁸⁴. Был восстановлен общепроцессуальный подход к трактовке уголовно-процессуальных феноменов, через постулаты о тождестве процесса – уголовного иска, а главное – предложена аргументация определения предмета судебного спора в его материальной и процессуальной составляющей позицией сторон. В этом и есть состязательная доктринальная подкладка к пониманию сущности запрета на поворот к худшему: запрет осуществляется судом не по своему дискреционному усмотрению, чем бы оно не было продиктовано («высокими» публично-правовыми мотивами), но позицией сторон.

⁸³ См.: *Ковтун Н.Н., Александров А.С.* Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы и решения // Государство и право. 2001. № 3. С. 38–45; *Александров А.С., Ковтун Н.Н.* Основания к отмене (изменению) приговора в суде апелляционной инстанции // Государство и право. 2001. № 10. С. 55–62; *Александров А.С., Ковтун Н.Н.* Апелляционное производство в уголовном процессе // Правоведение. 2001. № 5. С. 153–160; *Александров А.С., Ковтун Н.Н.* Субъекты апелляционного обжалования приговора: пределы процессуальных прав и полномочий // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 107–115; *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002.

⁸⁴ См.: *Александров А.С.* Диспозитивность в уголовном процессе. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. С. 8 и след.

Близкие к такому подходу идеи развивали в то время и другие авторы. Так, И.С. Дикарев развил диспозитивное направление непосредственно к трактовке права субъекта на судебное обжалование. Это позволило увязать предмет судебного процесса с предметом жалобы. Заявителю, как субъекту материальной диспозитивности принадлежит право распоряжения предметом этого процесса, как субъекту формальной диспозитивности, ему принадлежит право распоряжаться доказательствами и в этом плане формировать предмет доказывания в процессе⁸⁵.

Как верно отмечает А.М. Панокин, выделение ограниченности пределов рассмотрения дела предметом жалобы или представления представляет собой попытку разрыва с советской юридической доктриной⁸⁶. Диспозитивный подход – это принципиально новый идеолого-правовой подход к трактовке сущности уголовно-процессуального запрета на поворот к худшему.

Сильным импульсом к переосмыслению анализируемого нами уголовно-процессуального запрета стало восстановление апелляции одновременно с институтом мировых судей в российском уголовном судопроизводстве. Сам по себе факт восстановления апелляционной модели воспринимался как отход от советской модели кассации и, тем самым, стимулировал к осмыслению ее основ.

Комментируя нормы апелляционного производства, созданного в период действий УПК РСФСР, А.С. Александров и Н.Н. Ковтун, опираясь на мнение дореволюционных авторов, писали, что запрет на поворот к худшему, закрепленный в ст. 487, ч. 3 ст. 498, ч. 2 ст. 500 и ч. 1 ст. 501 УПК РСФСР, ограничивает предмет апелляционного рассмотрения уголовного дела⁸⁷; прокурор при подаче апелляционного протеста связан пределами обвинения,

⁸⁵ См.: Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: дисс. ... кандидата юридических наук. Волгоград, 2004. С. 14.

⁸⁶ См.: Панокин А.М. Основные начала апелляционного производства в уголовном процессе // Юридические исследования. 2017. № 8. С. 26–45.

⁸⁷ См.: Комментарий к УПК РСФСР / Отв. ред. В.И. Радченко; Под ред. В.Т. Томина. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2001. С. 736.

по которому обвиняемый был предан суду⁸⁸; поворот к худшему допускается только по протесту (жалобе) обвинителя и только в пределах обвинения – пределах содержащихся требований⁸⁹ со стороны обвинения⁹⁰. Суть подхода этих авторов к правовой организации апелляционного производства выражается в следующих словах: «Институт апелляционного производства имеет своим назначением защиту прав и свобод человека и гражданина. Наилучшей гарантией этого должно почитаться во-возможности сдержанное вмешательство публичной власти в дела гражданина, в том числе судебной власти в лице апелляционного суда. Поэтому ревизионный порядок апелляционного пересмотра дела судом по своей инициативе должен рассматриваться как исключение из общего правила»⁹¹.

Это был важный сдвиг в сторону состязательной идеологии и к расширительному толкованию данного уголовно-процессуального запрета. По мнению вышеуказанных ученых-исследователей, предмет судебного апелляционного пересмотра определяется не столько нормативно, сколько вопросами, которые были поставлены перед судом, выйти за пределы которых, то есть интересов жалующего субъекта, суд уже не может⁹². Они выступили против противоречивой позиции законодателя, которая проявила себя в нормах части первой и части второй статьи 487 УПК РСФСР, и непоследовательности, отсутствие безоговорочности ограничения судебного пересмотра уголовного дела пределами апелляционного⁹³; в чем усматривалась дань советской публично-правовой традиции, чисто советскому пониманию так называемой «соцзаконности»⁹⁴.

⁸⁸ См.: там же. С. 737.

⁸⁹ Характерно использование этими авторами англо-саксонского варианта наименования субъекта апелляционного производства: «апеллятор», которое в последующем было вытеснено термином апеллянт.

⁹⁰ См.: там же. С. 772.

⁹¹ Комментарий к УПК РСФСР / Отв. ред. В.И. Радченко; Под ред. В.Т. Томина. 5-е изд., перераб. и доп. С. 753.

⁹² См.: там же. С. 753.

⁹³ См.: там же. С. 753, 754, 775, 776.

⁹⁴ См.: там же. С. 754.

Преимственность постсоветской и классической русской доктрины в понимании запрета на поворот к худшему проявилась в вышеприведенных доктринальных положениях, выведенных нижегородскими учеными, первыми давшими научный анализ апелляционной модели, усматривается в переносе акцента при толковании правовых норм на частный, антропологический, гуманистический момент. Была разорвана публично-следственная традиция толкования содержания запрета на поворот к худшему.

Важен и такой ход на доктринальном уровне, сделанный этими авторами, а именно выявление связи запрета на поворот к худшему при апелляционном производстве с «обвинением», толкуемом в широком смысле. Комментируя часть 3 статьи 498 УПК РСФСР А.С. Александров и Н.Н. Ковтун пишут: «Под термином «обвинение» формулировки ч. 3 комментируемой ст. следует понимать требование обвинителя к суду второй инстанции, изложенное в апелляционной жалобе или протесте. В свою очередь, апеллятор не может выйти за пределы обвинения, по которому обвиняемый был предан суду первой инстанции»⁹⁵.

Так намечается в доктрине связь запрет поворота к худшему с институтом обвинения: правилами, регулирующими процедуру его выдвижения и изменения в стадиях уголовного процесса. В последующем, как будет показано далее, это связь была аргументирована доказано в работах ряда других ученых.

Следующий этап в развитии доктрины о запрете на поворот к худшему связан с принятием УПК РФ, который содержал в первоначальной редакции статьи 360 УПК РФ совершенно новую модель тождества предмета апелляционного, кассационного производства и предмета жалобы (представления), поданной на приговор, иное окончательное решения суда, не вступившее в законную силу.

⁹⁵ Там же. С. 754.

Как правильно указывает А.М. Панокин, положения указанной нормы исключали ревизионные полномочия судов апелляционной, кассационной инстанции и в большей степени соответствовали состязательному и диспозитивному началам уголовного процесса⁹⁶.

Еще в более категоричной форме запрет на поворот к худшему был сформулирован ст. 405 УПК РФ «Недопустимость поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора». Можно считать ростком новой правовой культуры нормы, содержащиеся в статьях 360, 405 УПК РФ.

В немалой степени способствовал образованию либерально-демократической традиции в трактовке запрета на поворот к худшему и Конституционный Суд РФ, который сформулировал позицию: «исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве *крайней меры*, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших»⁹⁷. Хотя, позднее Конституционный Суд РФ обозначил и поворот в другую сторону: публично-правовую, которая проявляется в расширении ревизионности за счет ослабления запрета на поворот к худшему⁹⁸, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, на определенном этапе создались благоприятные условия для возрождения в отечественной доктрине демократической, состязательной традиции в трактовке запрета на поворот к худшему. Авторы

⁹⁶ См.: Панокин А.М. Указ. соч. С. 40.

⁹⁷ По делу о проверке конституционности положений статей 342, 371, 373, 378, 380 и 382 УПК РСФСР, статьи 41 УК РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3160. С. 8098.

⁹⁸ См.: По делу о проверке конституционности ст. 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

одного из первых комментариев к УПК РФ⁹⁹ расценили норму, содержащуюся в части второй 360 УПК РФ как ликвидацию ревизионного порядка проверки уголовного дела в суде второй инстанции. В этой связи они объясняли «универсальное правило» запрета на поворот к худшему (ч. 3 ст. 360 УПК РФ), которое по-разному проявляло себя в апелляционном (ст. 369, 370 УПК РФ) – относительный запрет, и в кассационном суде (часть 3 ст. 360 УПК РФ) – абсолютный запрет.

Близкое к указанной позиции мнение относительно принципиального значения запрета на поворот к худшему для новой модели судебного контроля, а также его содержания высказали еще ряд авторов¹⁰⁰.

Вместе с тем доктрина испытывала известные колебания относительно запрета на поворот к худшему, в том числе по вопросу о самом существовании данного запрета в апелляционном производстве.

Такие сомнения, например, высказала Н.В. Сидорова. Она, с одной стороны, назвала этот запрет принципом, а с другой стороны, пришла к выводу, что в самом апелляционном производстве он отсутствует, а действует только на этапе апелляционного обжалования в части изменения и дополнения подаваемых апеллянтами жалоб, представлений¹⁰¹.

Сходную позицию заняла и А.Н. Разинкина, утверждавшая, что существенным отличием апелляционного производства от кассационного является наличие возможности у суда апелляционной инстанции ухудшить положение подсудимого, в том числе посредством отмены оправдательного

⁹⁹ См.: Комментарий к УПК РФ. Вводный /Томин В.Т., Поляков М.П., Александров А.С. /под ред. заслуженного деятеля науки, д.ю.н., профессора В.Т. Томина. М.: Юрайт, 2002. С. 79, 80.

¹⁰⁰ См.: *Победкин А.В.* Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы становления // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 62; *Беззубовов С.И.* Свойства апелляции в российском уголовном судопроизводстве силу /Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов. В 2 ч. / Под ред. проф. В.М. Баранова и доц. М.А. Пшеничникова. Н. Новгород: НА МВД России, 2006. Вып. 12. Ч. 1. С. 3–6; *он же.* Порядок производства по уголовному делу в апелляционной стадии уголовного процесса (учебно-практическое пособие) Н. Новгород, 2006. С. 14, 20.

¹⁰¹ См.: *Сидорова Н.В.* Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. С. 21–22.

приговора и вынесения вместо него обвинительного¹⁰². Она выступила в пользу усиления ревизионности, полагая что отсутствие ревизионного порядка пересмотра уголовных дел в апелляционном порядке имеет негативные последствия¹⁰³.

Наряду с умеренно-либеральным развивалось и другое - консервативное направление относительно «надлежащего» понимания запрета на поворот к худшему и перспективы развития его в отечественном уголовно-процессуальном праве. Его можно считать продолжением советской традиции: когда запрет на поворот к худшему трактовался как *исключение* из «общего условия» ревизионности¹⁰⁴. Так, например, Н.Г. Муратова, будучи в плену советской доктрины¹⁰⁵, не придала запрету на поворот к худшему какого-либо принципиального значения. К «общим условиям» апелляционного производства запрет на поворот к худшему она не отнесла; предпочтя ему общие рассуждения о состязательности, правозащите и пр.¹⁰⁶.

Таким образом, обозначилась позиция отрицания запрета в стадии апелляционного производства¹⁰⁷. Так, к выводу о неприменении «запрета

¹⁰² См.: *Разинкина А.Н.* Апелляция в уголовном судопроизводстве. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2004. С. 16, 144.

¹⁰³ См.: *Разинкина А.Н.* Указ. соч. С. 115, 116.

¹⁰⁴ См.: *Лантух Н.В.* Формы проверки не вступивших в законную силу приговоров: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 19, 21 и след.; *Палиева О.Н.* Апелляционное производство в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 16–17.

¹⁰⁵ Между тем категория «судебный контроль», будучи общим понятием для отдельных процедур, могло бы быть осмыслено в связи с теорией процесса и его ключевым тезисом о тождестве процесса. Однако, с такого рода ходам Н. Муратова оказалась неспособна, ограничившись воспроизводством азов советского учения о судебно-контрольных стадиях.

¹⁰⁶ См.: *Муратова Н. Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: дисс. ... докт. юрид. наук. Казань, 2004. С. 294–295.

¹⁰⁷ См.: *Разинкина А.Н.* Апелляция в уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 47.

преобразования к худшему» в апелляционном производстве пришел Н.И. Шелепанов¹⁰⁸.

Между прочим, эту позицию, хотя и по другим соображениям, разделял и И.Л. Петрухин¹⁰⁹, объясняя отсутствие действия в стадии апелляции запрета на поворот к худшему своеобразием апелляционного производства, состоящего в том, что суд заново исследует доказательства, положенные в основании приговора¹¹⁰. Следуя этой логике, суд апелляционной инстанции в части доказывания не связан ни ранее выдвинутым обвинением, ни даже позиций заявителей¹¹¹.

Нельзя не отметить противоречивость позиции И.Л. Петрухина по вопросу о концепции объективной истины и запрета на поворот к худшему: обеспечиваемая запретом поворота к худшему свобода безбоязненного обжалования приговора дороже, чем достижение истины по уголовному делу¹¹².

На наш взгляд, концепция объективной истины, оправдывающая активность суда, враждебна как состязательности, так и запрету на поворот к худшему.

Радикальным сторонником состязательного понимания запрета на поворот к худшему выступил С.И. Беззубов, Он трактовал анализируемый запрет как комплексное «апелляционно-кассационное» уголовно-процессуальное явление и квалифицировал его как «общее свойство» стадии. Его суть он усмотрел в гарантировании невозможности поворота к худшему

¹⁰⁸ См.: Шелепанов Н.И. Правовое регулирование апелляции в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург: МВД РФ, 2005. С. 10, 97–98.

¹⁰⁹ Это, очевидно, было обусловлено его приверженностью концепции объективной истины, доказывание которой, по его мнению, входит в компетенцию и обязанность суда, не терпя никаких формальных ограничений.

См.: Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М. : ТК Велби, 2004. Ч. 1. С. 199–206.

¹¹⁰ См.: Петрухин И.Л. Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе // Государство и право. 2006. № 3. С. 47, 48.

¹¹¹ Под влиянием такой позиции находились многие авторы, комментировавшие апелляционное производство в его первоначальной модели.

¹¹² См.: Петрухин И.Л. Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе. С. 48.

решения по делу в суде апелляционной инстанции, инициированному им самим (при отсутствии представления (жалобы) стороны обвинения)¹¹³. С.И. Беззубов придерживался позиции своего научного руководителя – А.С. Александрова о том, что пределы проверки дела апелляционным судом задаются апелляционной жалобой, позицией сторон. Суд апелляционной инстанции вправе выйти за пределы позиции апелляционных отзывов, возражений на них исключительно в сторону улучшения положения лица, в отношении которого осуществлялось обвинение. *Reformatio in pejus* возможно, во-первых, только по жалобе или представлению стороны обвинения; во-вторых, только в пределах содержащихся в них требований. При этом апеллирующий с целью осуществить через суд поворот к худшему осужденного, оправданного мировым судьей лица, не может выйти за пределы обвинения, по которому обвиняемый был предан суду¹¹⁴. В полном соответствии с либерально-правовой доктриной С.И. Беззубов обосновывал свою позицию ссылкой на то, что права и свободы человека и гражданина имеют высшую ценность в праве, в том числе, в уголовно-процессуальном институте апелляционного производства. Таким образом, он занял максимальное диспозитивно-состязательную позицию относительно соотношения объективно истины и запрета на поворот к худшему: необходимость установления истины по делу не должно поставит под угрозу высшую ценность – права и свободы человека и гражданина¹¹⁵.

Трактовку запрета на поворот к худшему в первоначальной модели апелляции поддерживали и другие ученые. Так, Е.С. Шмелева высказалась в поддержку положения, при котором пределы рассмотрения уголовного дела определяются требованиями апелляционных жалоб (представления). Ревизионное начало проверки, по ее мнению, должно служить улучшению

¹¹³ См.: *Беззубов С.И.* Производство по уголовному делу в апелляционном суде: проблемы теории, нормативного регулирования и правоприменительной практики: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: НА МВД РФ, 2007. С. 95.

¹¹⁴ См.: *Беззубов С.И.* Указ. соч. С. 96-98.

¹¹⁵ См.: *Беззубов С.И.* Указ. соч. С. 98.

положения осужденного или оправданного, не обжаловавших решение суда¹¹⁶. Она высказала опасения относительно расширения границ проверочных действий апелляционного (кассационного) суда в части объема обжалуемого акта правосудия, допущенные Верховным Судом РФ, который «свел на нет» требование законодателя о составлении апелляционных (кассационных) жалоб (представления) по определенным правилам (ч. 1 ст. 363, ч. 1 ст. 375 УПК)¹¹⁷.

В качестве одного из «начал» апелляционного производства по уголовному делу запрет преобразования к худшему был истолкован в состязательном смысле в нескольких учебниках¹¹⁸.

В этот период относительного «расцвета» либерализма в отечественной уголовно-процессуальной доктрине подверглась переосмыслению и советская доктрина кассационного производства, что закономерно проявилось и в трактовке запрета на поворот к худшему. Так, характеризуя современную ему модель кассации, В.Б. Калмыков, утверждал, что любые исключения из запрета на поворот к худшему, какими бы благами соображениями они не обосновывались, в суде кассационной инстанции недопустимы¹¹⁹; приоритет, несмотря на всю важность ревизионности, должен отдаваться запрету на поворот к худшему¹²⁰.

Сходную позицию в понимании кассационного запрета на поворот к худшему в то время занимал М.Л. Поздняков¹²¹.

¹¹⁶ См.: Шмелева Е.С. Правовое регулирование апелляционного производства в современном уголовном судопроизводстве: дисс... канд. юрид. наук. Челябинск: Южно-Уральский госуниверситет, 2010. С. 183.

¹¹⁷ См.: Шмелева Е.С. Указ. соч. С. 184.

¹¹⁸ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации // ред.: И. Л. Петрухин. 2-е изд. М., 2007. С. 544.

¹¹⁹ См.: Калмыков В.Б. Кассационное производство в уголовном процессе: теоретико-прикладной аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва: Московский институт экономики и права, 2010. С. 12.

¹²⁰ См.: Калмыков В.Б. Запрет на поворот к худшему при кассационном пересмотре уголовного дела // Следователь. 2006. № 11. С. 24–25.

¹²¹ См.: Поздняков М.Л. Принятие решения по существу в суде кассационной инстанции // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 29.

Итак, можно сказать, что расцвет либерального направления в трактовке запрета на поворот к худшему в процедурах апелляционного и кассационного производств в отечественной доктрине пришелся в период действия, когда они составляли единый судебный механизм проверки судебных решений по уголовным делам, не вступивших в законную силу. В дальнейшем, в связи с подготовкой и изменением, законодательства, создавшему современную модель апелляции и кассационно-надзорного производства, произошел определенный откат на исходные – традиционные для нашей доктрины позиции, которой более близка идеология *сильного суда*, не связанного позицией сторон.

В дальнейшем, в том числе и главным образом под влиянием изменений законодательства, консервативного направления было большинство, к ним примкнул даже И.Л. Петрухин.

Хотя оставались актуальными воззрения, что этот запрет (1) имеет действие во всех судебных стадиях, хотя и с разной силой; (2) ревизионная активность суда должна быть направлена главным образом в пользу, а не против осужденного, оправданного; (3) ухудшение положения осужденного (оправданного) происходит по инициативе стороны обвинения и пр. Общепринятым является мнение, что данный запрет гарантирует защиту как частного, так и публичного интересов¹²².

Значительный вклад в разработку либеральной трактовки запрета на поворот к худшему: как одного из основных начал новой модели судебно-контрольных производств, внес В.Д. Потапов¹²³. Он последовательно проводил установку на недопустимость поворота к худшему в качестве

¹²² См.: Романова А.А. Изъятия из запрета на поворот к худшему в стадии апелляционного производства по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 182–186; Ринчинов Б.А. Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебно-правовой реформы: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва: Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2013. С. 9, 36–50; Шмелева Е.С. Указ. соч. С. 9.

¹²³ См.: Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2013. С. 58.

противовеса ревизионного порядка апелляцияционного-кассационного пересмотра уголовного дела¹²⁴. Особо надо подчеркнуть то, что позиция В.Д. Потапова относительно запрета на поворот к худшему выстроена в связи с состязательностью и диспозитивностью, как главных детерминант производств в суде апелляцияционной и кассационной инстанции. Этим обусловлена критика новелл в правовом регулировании, демонстрирующих отход от этих принципов.

В частности, В.Д. Потапов выступил за усиление определенности в нормативном закреплении этого запрета и изъятий из него. В частности, им предлагалось (а) четко определить по каким именно мотивам должны быть принесены отзывы прокурора и потерпевшего (частного обвинителя), чтобы быть основанием для поворота к худшему; (б) восстановить указание на то, что при ревизионной проверке дела апелляцияционный суд не вправе отменить, изменить решение по мотивам, ухудшающим положение осужденных, в отношении тех из них, которых соответствующие жалоба потерпевшего, представление прокурора не касаются (ч. 2 ст. 389.19 УПК), ибо данная оговорка призвана сдерживать публичную активность суда по «восстановлению» публичной законности¹²⁵.

По мнению В.Д. Потапова, применительно к кассации коллизии в регламентации начала недопустимости поворота к худшему проявляются в том, что в статье 401.6 УПК отсутствует указание закона на существенность допущенных нарушений как основание для кассационной проверки. Негативное последствие, по его оценке, повлекло устранение из ст. 401.6 УПК знаковых оговорок относительно субъектов обжалования судебных решений по ухудшающим основаниям, а также легитимных оснований для поворота к худшему¹²⁶. В.Д. Потапов выступил за их восстановление. Наконец, с его точки зрения, не могут быть восприняты в качестве

¹²⁴ См.: *Потапов В.Д.* Указ. соч. С. 52.

¹²⁵ См.: там же. С. 69–70.

¹²⁶ См.: там же. С. 70.

идентичных основания для возбуждения кассационного, надзорного производства как основания отмены окончательного акта суда, по мотивам, ухудшающим положение осужденного¹²⁷. В целом позиция В.Д. Потапова относительно запрета на поворот к худшему может быть охарактеризована как укрепление через конкретизацию изъятий из него и возврат к модели апелляции-кассации, бывшей в первоначальной редакции УПК РФ.

С такой же позиции выступили и еще некоторые авторы. Так, С.А. Трухин указал на необходимость более конкретного определения в законе ограничения ревизионных полномочий суда апелляционной инстанции при пересмотре приговоров и иных судебных решений. Это позволит предметно ограничить ревизионную активность суда апелляционной инстанции. Он выступил за закрепление в законе критериев понятия «ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого прекращено уголовное дело», исходя из конкретных оснований отмены или изменения приговора, предусмотренных ст.ст.389.15-389.18 УПК РФ¹²⁸.

Подчеркнем сходство его позиции относительно трактовки «ухудшение положения лица»¹²⁹ с доктринальными положениями советских классиков на этот счет, о которых мы писали ранее. Так что здесь скорее имеет место продолжение позднесоветского учения о запрете на поворот к худшему в кассации и надзоре, чем классическая русская либерально-правовая традиция.

В свете доктринальных положений о советской кассации, объясняли природу запрета на поворот к худшему в апелляции, в новой кассации другие авторы¹³⁰. Они высказывались в пользу расширения возможности проверки

¹²⁷ См.: там же. С. 70.

¹²⁸ См.: *Трухин С.А.* Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: дисс. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА, 2016. С. 12.

¹²⁹ См.: *Трухин С.А.* Указ. соч. С. 51.

¹³⁰ См.: *Кудрявцева А.В., Смирнов В.П.* Апелляционное производство в уголовном процессе России. М., 2013. С. 26; *Соловьева Н.А., Тришина Н.Т.* Юридикто-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве. М., 2013. С. 47; *Ринчинов Б.А.* Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебной реформы : дисс. ... канд. юрид. наук. Москва: Акад. Генер. прокуратуры РФ,

вышестоящим судом всего уголовного дела, независимо от доводов жалобы или представления¹³¹.

Как это обычно бывает, оправдывается такой ход самыми благими намерениями: ухудшение положения осужденного вышестоящим судом допустимо по причине нарушения судом первой инстанции требований *справедливости* наказания¹³².

Это говорит о том, что на этом этапе развития российского права вновь приоритет получила публичность-ревизионность – в противовес запрету на поворот к худшему¹³³.

Нам же более импонирует позиция Н.Н. Ковтуна, который выступил за то, чтобы ревизионное начало проверки было исключено из реформированного кассационного и надзорного порядка пересмотра судебных решений¹³⁴. Против безграничного расширения усмотрения суда вышестоящей инстанции в определении пределов пересмотра дела выступили и другие ученые¹³⁵. К сожалению, эта позиция не нашла поддержки ни на доктринальном, ни на законодательном уровнях в последующем.

Характерна позиция сторонников консервативного – следственного тренда не увязывать решение вопроса о недопущении ухудшения положения осужденного, оправданного, с правилами, определяющими «пределы прав»

2013. С. 36–51; *Червоткин А.С.* Апелляция и кассация: пособие для судей. М., 2013. С. 12–13.

¹³¹ См.: *Колоколов Н.А.* Пределы прав суда апелляционной инстанции / Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрист, 2011. С. 72, 73; *Бородинова Т.Г.* Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: дисс. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 226.

¹³² См.: *Бородинова Т.Г.* Указ. соч. С. 251.

¹³³ См.: *Паночкин А.М.* Основные начала апелляционного производства в уголовном процессе // *Юридические исследования.* 2017. № 8. С. 39.

¹³⁴ См.: *Ковтун Н.Н.* Апелляция, кассация, надзор: анализ содержания / Апелляция, кассация, надзор новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрист, 2011. С. 84.

¹³⁵ Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учеб. для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М.: Юрайт, 2012. С. 394.

судов вышестоящих инстанций¹³⁶. Между тем, как нам представляется связь здесь имеется, если не прямая, то косвенная. В свете теории о тождестве процесса она вполне очевидна.

Проявлением отхода от запрета поворота к худшему расцениваем критику многими учеными запрета на отмену оправдательного приговора судом апелляционной инстанции с заменой его обвинительным приговором, а не возвращением в суд первой инстанции. Такая позиция аргументируется тем, что суд апелляционной инстанции вправе непосредственно исследовать доказательства, как суд первой инстанции, поэтому он имеет право самостоятельно выносить обвинительный приговор взамен оправдательного, если: 1) жалоба, представление по мотиву ухудшения положения подана стороной обвинения; 2) оправданный участвует в рассмотрении дела в апелляционной инстанции¹³⁷.

Считаем, напротив, данную новеллу в контексте превращения апелляции в общую форму судебной проверки судебных решений по уголовным делам, не вступивших в законную силу, совершенно оправданной.

По данному вопросу более правильной мы считаем позицию представителей нижегородской школы процессуалистов, которая традиционно придерживается либерально-согласительной трактовки запрета на поворот к худшему, то есть его категоричность, допускающую преобразование судом положения уголовно-преследуемого лица только по требованию и в пределах требования обвинителя¹³⁸.

В условиях противоборства согласительной и следственной трактовки, в современной науке применительно к действующему законодательству

¹³⁶ См.: *Бородинова Т.Г.* Указ. соч. С. 228, 229.

¹³⁷ См.: *Ивасенко К.В.* Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. С. 11, 87–89.

¹³⁸ См.: *Романова А.А.* Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: монография. М., 2018. С. 78.

укоренились следующие представления относительно запрета на поворот к худшему.

Во-первых, запрет на поворот к худшему трактуют как принадлежность (атрибут) правовой организации судебных стадий: апелляции и кассации, но также надзорного производства. Это исходное, можно сказать формальное проявление универсализма исследуемого нами процессуального феномена.

Во-вторых, в современной уголовно-процессуальной литературе этот запрет трактуют как принцип уголовного процесса¹³⁹, как общее свойство или общее начало, общее условие судебных форм проверки судебных решений¹⁴⁰, основное правило¹⁴¹, основная черта, характеризующая производство в судебных стадиях, в апелляционном производстве в том числе¹⁴². Тем самым делается указание на глобальное значение этого запрета.

Недопустимость поворота к худшему является правилом, имеющим важное институциональное значение для пересмотра судебных решений, которое ограничивает, во-первых, публичную активность суда вышестоящей инстанции и, во-вторых, усмотрение суда нижестоящей инстанции при возвращении ему уголовного дела¹⁴³. Остается только добавить относительно чего происходит ограничение усмотрения суда. На наш взгляд, оно касается

¹³⁹ См.: *Калинин В.Н.* Принцип недопустимости ухудшения положения осужденного при пересмотре судебных решений // *Следователь*. 2004. № 5. С. 18; *Килина И.В.* Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке : дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2019. С. 5, 13 и др.; *Тертышник В., Щерба С.* Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения // *Уголовное право*. 2001. № 4. С. 75; *Палиева О.Н.* Апелляционное производство в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 78.

¹⁴⁰ См.: *Потапов В.Д.* Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: монография. М., 2012. С. 52.

¹⁴¹ См.: *Ивасенко К.В.* Указ. соч. С. 12.

¹⁴² См.: *Ринчинов Б.А.* Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебно-правовой реформы. С. 9, 36–50; *Шмелева Е.С.* Правовое регулирование апелляционного производства в современном уголовном судопроизводстве. С. 9.

¹⁴³ См.: *Паночкин А.М.* Основные начала апелляционного производства в уголовном процессе // *Юридические исследования*. 2017. № 8. С. 26–45.

усмотрения относительно обвинения и доказательств, приводимых в его поддержку и образующих пределы доказывания.

Распространена трактовка данного запрета как гарантии в традиционном смысле, сложившемся в нашей уголовно-процессуальной доктрине, т.е. прежде всего, гарантии реальной свободы обжалования¹⁴⁴, (2) гарантии права на защиту, и наконец (3) гарантии в целом прав личности в уголовном процессе.

Как отмечают ученые, в позитивно-правовом закреплении *pop reformatio in reius* лежат не только соображения законодателя относительно обеспечения свободы обжалования, но также учет им реальных познавательных возможностей судов кассационной и надзорной инстанций, которые весьма ограничены в силу узости предмета судебной проверки. Поэтому закон запрещает судам кассационной и надзорной инстанций самостоятельно вносить в судебные решения такие изменения, которые приводят к реальному ухудшению положения участвующих в деле лиц¹⁴⁵. В этих суждениях мы видим выход на достаточно высокий уровень в трактовке запрета на поворот к худшему.

В-третьих, данный запрет трактуется как средство разрешения противоречий между частным и публичным началом, между объективной истиной и родственной ему ревизионности и защитой частного интереса и близкой ему дипозитивности, между интересами правосудия и частных лиц¹⁴⁶.

В-четвертых, надо особенно подчеркнуть выход некоторых авторов при обсуждении правовой природы запрета на поворот к худшему на обвинение и доказывание. Как например, это делает И.С. Дикарев¹⁴⁷. Это

¹⁴⁴ См.: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 306.

¹⁴⁵ См.: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 306, 307.

¹⁴⁶ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 306.

¹⁴⁷ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 306.

одно из самых перспективных направлений в понимании сущности и значения запрета на поворот к худшему в уголовном судопроизводстве.

В-пятых, верным является вывод о том, что возвращение судом дела прокурору есть своего рода «поправка» или конструктивное дополнение к запрету на поворот к худшему: с механизмом возвращения уголовного дела судом прокурору для предъявления более тяжкого обвинения, это уже не просто запрет на поворот к худшему, а качественно другое правовое положение¹⁴⁸.

Запрет на поворот к худшему закономерно связывается учеными с механизмом возвращения уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ, о чем далее мы будем еще неоднократно писать¹⁴⁹.

Универсализм запрета на поворот к худшему проявляется в еще одном модном научном направлении: учении о *favor defensionis*. Ход рассуждений ученых¹⁵⁰ придерживающегося данного направления, состоит в утверждении того, что краеугольным камнем современного уголовного процесса является принцип состязательности и равноправия сторон. В то же время наличие определенных преимуществ у стороны защиты в некоторых случаях бесспорно - например, при обжаловании в порядке надзора или в связи с урегулированием прений сторон и последнего слова подсудимого. Ясно, что подобные преференции не могут быть произвольными, и в их основе лежит *favor defensionis*, включающий уголовно-процессуальные нормы и институты, наделяющие сторону защиты дополнительными правами или освобождающие ее от обязанностей либо иным образом ставящие ее *de jure* в более выгодное положение по сравнению со стороной обвинения¹⁵¹.

¹⁴⁸ См.: Ванян К.Д., Лысов Н.Н., Тацилин М.Т., Шуйский А.С., Гильманов И.Р., Костерин В.В. Указ. соч. С. 212-223.

¹⁴⁹ Конкретно институциональное значение процедуры возвращения уголовного дела судом прокурору в связи с выявившейся необходимостью поворота к худшему будет раскрыто в параграфе третьем первой главы нашей диссертации.

¹⁵⁰ См.: Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе : дисс. ... канд. юрид. наук. Москва: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 10.

¹⁵¹ См.: Михеенкова М.А. Указ. соч. С. 10

Конструкция благоприятствования защите находит свое процессуальное проявление в ряде норм и институтов, включающих, в том числе, и *non reformatio in peius*¹⁵².

В русле правовой конструкции *favor defensionis* объясняют сущность запрета на поворот к худшему многие современные авторы, с традиционными заходами на проблематику процессуальных гарантий, правозащиты и пр.¹⁵³.

Представляет интерес еще одна оригинальная попытка осмыслить и объяснить сущность запрета на поворот к худшему: через общее понятие «уголовно-процессуального запрета»¹⁵⁴. По мнению М.Ю. Рябых, действие запрета на поворот к худшему не ограничивается пределами стадий кассационного и надзорного производства, но распространяется *на стадию предварительного расследования* – при утверждении прокурором обвинительного заключения (ст. 221 УПК РФ), а также на стадию судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ)¹⁵⁵.

Совершенно верным является утверждение М.Ю. Рябых о глубокой связи запрета на поворот к худшему с институтом обвинения: содержанием обвинения и правилами, регулирующими порядок изменения обвинения. В свою очередь, лишь в рамках обвинения может быть разрешен основной вопрос уголовного дела о виновности и применении к виновному нормы уголовного права¹⁵⁶.

Общий критерий недопустимости изменения обвинения в худшую для обвиняемого сторону лежит в основе всех тех уголовно-процессуальных

¹⁵² См.: *Михеенкова М.А.* Указ. соч. С. 11.

¹⁵³ См.: *Ивасенко К.В.* Указ. соч. С. 12; *Дикарев И.С.* Указ. соч. С. 307, 310; *Вдовин С.А.* Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 9, 57 и след.; *Вдовин С.А., Качалова О.В.* Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 10; *Килина И.В.* Указ. соч. С. 12.

¹⁵⁴ *Рябых М.Ю.* Запрет поворота к худшему в системе уголовно-процессуальных запретов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 1. С. 313–319.

¹⁵⁵ См.: *Рябых М.Ю.* Указ. соч. С. 316.

¹⁵⁶ См.: там же. С. 319.

норм, которые устанавливают пределы изменения обвинения в различных стадиях уголовного процесса. Его решающее значение не ограничивается определением изменения обвинения, он касается и решения вопросов изменения наказания, оснований оправдания и пр.¹⁵⁷

В тех стадиях, где может возникнуть вопрос об изменении обвинения/наказания, действует и означенный запрет. Поэтому, делает закономерно вывод М.Ю. Рябых, запрет на поворот к худшему не действует в трех стадиях уголовного процесса: возбуждения уголовного дела, исполнения приговора и возобновления дела в виду новых и(или) вновь открывшихся обстоятельств¹⁵⁸. Основные положения, определяющие пределы изменения обвинения в худшую для обвиняемого сторону, являются общими для всех стадий, на которых возникает вопрос об изменении обвинения и наказания. Хотя, законодатель предусмотрел особенности решения этих вопросов, исходя из специфики стадии¹⁵⁹.

По нашему мнению, запрет на поворот к худшему не действует в стадиях возбуждения уголовного дела и исполнения приговора. Во всех же судебных стадиях он действует. Сущность это запрета неизменна, но проявляет он себя по-разному в различных судебных стадиях.

Эта сущность состоит в том, что «при отсутствии условий, установленных законом в интересах обеспечения права обвиняемого на защиту, не допускается ни изменение обвинения на более тяжкое, ни отмена оправдательного приговора без обращения стороны обвинения, ни усиление наказания, ни решение иных уголовно-правовых вопросов не в пользу обвиняемого»¹⁶⁰.

Нельзя не согласиться и с его итоговой оценкой запрета на поворот к худшему как демократического начала отечественной уголовно-процессуальной юстиции, стабилизирующей правовое положение

¹⁵⁷ См.: там же. С. 316.

¹⁵⁸ См.: там же. С. 319.

¹⁵⁹ См.: там же. С. 319.

¹⁶⁰ См.: там же. С. 318.

осужденного, но также обеспечивающего достижение целей правосудия: чем более приговор обжалуется и проверяется, тем более шансов для выявления и исправления допущенных судебных ошибок¹⁶¹.

И наконец, верно замечено: «Запрет преобразования к худшему – это «процессуальное правило, в силу которого в предусмотренных законом случаях во имя определенных интересов ... лишаются права: вышестоящий суд – отменить приговор не в пользу обвиняемого ... суд первой инстанции, вновь рассматривающий дело после отмены приговора, – ухудшать положение обвиняемого в любой форме»¹⁶².

Есть и другие доктринальные подходы к пониманию сущности и раскрытию содержания запрета на поворот к худшему. Так, И.В. Килина приходит к выводу, что суть поворота к худшему не сводится к одному лишь действию принципа запрета поворота к худшему, но представляет собой институт права, образуемый правовыми нормами, регламентирующими допустимость / недопустимость поворота к худшему в апелляционной инстанции¹⁶³, а также в вышестоящих судебных инстанциях. Этот автор выступила за признание принципом недопустимость поворота к худшему (*non reformatio in rejus*), который, по ее мнению, является составной частью института поворота к худшему. Указанное правило закреплено в ст. 389.24 УПК РФ, которую необходимо именовать «Недопустимость поворота к худшему»¹⁶⁴. По И.В. Килиной понятие поворот к худшему является общим по отношению к запрету на поворот к худшему. Это весьма показательная смена акцентов в понимании того, что является *общим*: поворот к худшему, а что является частным – запрет на поворот.

По мнению этого автора, поворот к худшему представляет собой сложный, межотраслевой, регулятивный институт уголовно-процессуального права, систему взаимодействующих правовых норм, обеспечивающих

¹⁶¹ См.: там же. С. 319.

¹⁶² См.: Воробейников М.А. Указ. соч. С. 16.

¹⁶³ См.: Килина И.В. Указ соч. С. 5.

¹⁶⁴ См.: там же. С. 13.

соблюдение прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется или велось производство по уголовному делу, в ходе принятия сопряженных с поворотом к худшему процессуальных решений дознавателем, следователем, прокурором, судом на различных этапах уголовного процесса¹⁶⁵.

Самое важное в данной позиции состоит не только в проведении следственной идеологии и умалении значения запрета на поворот к худшему в уголовно-процессуальной организации, но и в постановке вопроса о распространении действия анализируемого нами запрета на весь процесс, включая досудебное производство. Такой ход является достаточно редким в нашей доктрине, но считаем его весьма плодотворным, если бы автор его не был проводником следственно понятой публичности данного уголовно-процессуального запрета.

Можно сказать, что сам запрет и система исключений из него, каждое из которых и все они в совокупности не подрывают его, а должны делать универсальным. Исключения из правила должны быть исключительными. В этом вся суть.

Основная гарантия защиты состоит в том, что обвиняемый знает обвинение, от которого он защищается. Позиция защиты основывается на выдвинутом обвинении. Поэтому каждое изменение обвинения должно обставляться гарантиями обеспечения возможности защиты защищаться от нового обвинения. Наилучшей из таких гарантий был бы запрет в рамках судебного процесса по данному уголовному делу на изменение обвинения в худшую сторону по сравнению с тем, по которому подсудимый был предан суду. Данное общее положение может быть проведено в той или иной степени последовательности в позитивно-правовой системе.

¹⁶⁵ См.: там же. С. 12.

Поэтому плодотворным является подход¹⁶⁶, согласно которому можно выделить как минимум три модели правового регулирования пределов судебного разбирательства, апелляционной проверки и пределов изменения обвинения. Из этого вытекает теоретический вывод о возможности трех вариантов запрета на поворот к худшему: 1) категорический – абсолютный запрет на поворот к худшему, который действует в обвинительной уголовно-процессуальной системе, где суд и обвинительная власть и их функции разделены, где суд ни прямо, ни косвенно не вовлечен в уголовное преследование и связан позицией сторон; 2) относительный запрет на поворот к худшему, который свойственен смешанному типу уголовного процесса, в котором самостоятельная позиция суда не связана позицией сторон, и где допускается активное вмешательство суда в доказывание, а через различные процессуальные инструменты влиять на изменение обвинения в худшую сторону и определять вид и размер наказания; 3) формальный или декларативный вариант запрета на поворот к худшему, когда его соблюдение не обеспечивается конкретными правовыми требованиями-предписанию суду по принятию решений.

Полагаем, что в отечественной уголовно-процессуальной доктрине сложились две главные позиции в истолковании сущности запрета на поворот к худшему:

1) либеральная позиция, которая основана на идеологии состязательности и приоритета прав частных лиц – участников процесса (апелляции и пр.) над ревизионным публично-правовым, но также и следственным, усмотрением и образом действия суда, в чьем производстве находится дело;

¹⁶⁶ См.: *Трухин С. А.* Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: дисс. ... канд. юрид. наук. М. : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2016. С. 16, 87 и след.

2) консервативная позиция, которая оправдывает подчинение запрета на поворот к худшему ревизионному началу активности суда в доказывании, определении направления процесса.

Мы разделяем либеральный подход, согласно которому суд должен рассматривать и разрешать уголовное дело по предмету и в пределах позиции сторон. Тем самым обеспечивается справедливое разрешение судом вопроса по существу, переданного ему на рассмотрение. Предоставление же суду полномочий определять предмет, пределы рассмотрения, в том числе выходить и за пределы требований стороны обвинения подрывает запрет на совмещение функции правосудия и обвинения. Оказывая прямо или косвенно содействие органам уголовного преследования, суд нарушает запрет на поворот к худшему, что разрушает состязательную конструкцию судопроизводства¹⁶⁷.

Надо откровенно признать, что согласно соцопросам, данная позиция в настоящее время не разделяется большинством судей и прокуроров¹⁶⁸, и имеет определенную поддержку только среди адвокатов¹⁶⁹.

Есть два способа истолкования анализируемого нами доктринального запрета на поворот к худшему, которые тесно связаны с идеологическим выбором, но полностью им не определяются:

(1) при ограничительном толковании содержания запрета на поворот к худшему он признается важным, но имеющим ограниченное поле действия, правилом.

¹⁶⁷ См.: Александров А.С., Лапатников М.В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6-12; Бурмагин С. В. Разделение обвинительной и судебной власти в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 893; Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98–103.

¹⁶⁸ См.: Ответы судей на вопросы №№ 6-9, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 8-14, Таблица 2.2.

¹⁶⁹ См.: Ответы адвокатов на вопросы №№ 2–4, 12–17, Таблица 2.3.

(2) через расширительное толкование данного запрета и придание ему принципиального значения он выводится на уровень приоритета уголовно-процессуальной деятельности: по воле сторон.

Нам расширительная трактовка запрета на поворот к худшему представляется предпочтительнее. Мы придаем действию данного запрета системное значение для устройства уголовного процесса. Действие его не ограничивается отношениями между судебными инстанциями, но распространяется и на отношения между судом и обвинителем-прокурором, объектом этого отношения становится «обвинение» в широком смысле, т.е. как угроза привлечения к уголовной ответственности, усиления наказания, наступления иных неблагоприятных для подвергаемого уголовному преследованию участника процесса последствий.

Поддерживаем точку зрения¹⁷⁰, согласно которой корни этого запрета как всех прочих важных процессуальных явлений находятся в двух базовых институтах: обвинения и доказывания. Данный процессуальный запрет, во-первых, адресован суду, во-вторых, предметом его являются вопросы, касающиеся изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от прежнего¹⁷¹.

В первую очередь, проводим прямую связь между запретом на поворот к худшему с (а) процедурой предъявления и изменения обвинения. Далее к нему относится общее условие о тождестве обвинения в суде (ст. 252 УПК РФ), которое можно расширительно толковать как правило об определении предмета доказывания, пределов судебного разбирательства.

Из связи запрета на поворот к худшему с обвинением можно выводить его связь со стандартом определения круга фактических обстоятельств, и доказательств, относимых к предмету доказывания, который может в

¹⁷⁰ См.: *Амиянц К.А., Головина О.А., Гильманов И.Р.* Особенности действия запрета на поворот к худшему в современном апелляционном производстве по уголовному делу // *Российская наука и образование: проблемы и перспективы.* 2015. № 1(4). С. 44-48; *Ванян К.Д., Лысов Н.Н., Тащилин М.Т., Шуйский А.С., Гильманов И.Р., Костерин В.В.* Указ. соч. С. 218-219.

¹⁷¹ См.: там же. С. 219.

большей степени определяться: или позицией сторон, или усмотрением суда. В этой части наша доктрина менее всего склонна поддаваться либеральной трактовке запрета на поворот к худшему¹⁷².

Подтверждением тому являются и исследования последних лет, в которых акцент делается на особенности апелляционного доказывания, обусловленные ревизионным порядком проверки. Установлены категории нарушений, которые апелляционный суд вправе исправлять в порядке ревизии: это все нарушения норм уголовно-процессуального закона, а также неправильное применение уголовного закона и очевидные нарушения фактического характера¹⁷³.

Важным ходом будет, на наш взгляд, связать рассматриваемый нами запрет с разделением властей и функций: обвинения и суда. Этот ход вполне созвучен решениям судов: «Формулирование обвинения является прерогативой органов следствия. Суд же в соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или стороне защиты»¹⁷⁴.

Что вполне закономерно, если исходить из того, что Россия – это правовое государство. Значит, рассуждения о природе запрета на поворот к худшему прямо выводят нас на идею правового государства, которая является аксиомой.

В свете запрета на совмещение функций обвинения и правосудия, запрета суду обвинять, вытекает его связность с предметом обвинения и пассивность в плане выдвижения обвинения и даже получения новых – обвинительных доказательств. Суд должен быть пассивным в плане получения новых доказательств. И ограничиваться в доказывании теми

¹⁷² Это отражается в законодательстве на всем протяжении его развития: ст. 931 УУС, ст. 353 УПК РСФСР (1960 г.), ст. 252 УПК РФ.

¹⁷³ См.: *Гайворонская Л.В.* Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 16, 17, 126–128.

¹⁷⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 5-УД20-108 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.01.2022).

вопросами, которые поставлены по инициативе обвинителя. Активность суда в доказывании может быть проявлена в интересах защиты, то есть для улучшения положения обвиняемого лица.

Выводы по параграфу.

Уголовно-процессуальный запрет суду преобразовывать положение обвиняемого в худшую сторону по сравнению с тем, что заложено в обвинение, имеет системное, институциональное значение для всего уголовно-процессуального механизма. Данный запрет вытекает из состязательности и является показателем меры состязательности конкретного типа уголовного судопроизводства. Поэтому идеологически этот запрет направлен против следственного мировоззрения, оправдывающего активность суда по направлениям процессуальной деятельности, которая должна принадлежать исключительно сторонам.

Он восходит к учению о тождества иска и предмета процесса, к теории процесса как уголовно-процессуального отношения истец (обвинитель) – суд – ответчик (обвиняемый). Это теория о зависимости суда от позиции сторон, стороны активны – суд пассивен. Активность уголовного суда должна быть направлена в пользу стороны защиты, ибо государство, его обвинительная власть в лице публичного обвинителя по должности – прокурора поддерживает сторону обвинения, и суду надо уравновесить ее со стороной защиты, презюмируемой заведомо более слабой в сравнении с государством в лице обвинителя. Потому суд активен при *reformatio in melius*. Но суд пассивен при *reformatio in pejus*.

Запрет на поворот к худшему связан с императивом состязательного процесса о тождестве между (а) обвинением и предметом судебного разбирательства, (б) обвинением и обвинительным приговором, (в) жалобой на приговор суда и предметом судебной проверки. Поэтому предмет судебного спора в суде первой инстанции и вышестоящих судах определялся требованиями стороны обвинения (сторон). Процессуальный постулат о тождестве процесса и иска, предмета процесса и его пределов с обвинением и

его фактическими основаниями является основой концепции о связанности суда пределами требований сторон в деле, в том числе апелляционной (кассационной), надзорной жалобы.

Императив о тождестве предмета судебного правопритязания субъекта (иска, жалобы и пр.) и предмета судебного разбирательства выливается в фундаментальное правило о том, что воля стороны (сторон) определяет судебный процесс в его предметной – материальной и процессуальной – фактической составляющих. Суд исходит из того материально-процессуального состава, который сформировали стороны, прежде всего – «обвинитель» в уголовном процессе.

В самом корне запрета на поворот к худшему заложено самоограничение публичной, судебной власти волею частного лица: суд не вправе выходить за пределы правопритязания истца; предмет иска определяет и предмет судебного разбирательства, спорный вопрос, а в широком смысле – «уголовного дела».

Запрет на поворот к худшему как и любая важная конструктивная процессуальная идея существенно связан с обвинением и его доказыванием. Суть этого запрета, адресованного суду, состоит в запрете обвинять и изобличать обвиняемого, как непосредственно, так и косвенно.

Запрет на поворот к худшему взаимосвязан с общей правовой организацией (формой или типом) уголовного судопроизводства. В зависимости от типа процесса можно выделить три типовых варианта, три позитивно-правовых способа существования этого запрета: абсолютный, относительный и формальный (симуляционный, фейковый). В состязательном процессе действует абсолютный запрет суду выходить за пределы обвинения, правопритязаний стороны обвинения и изменять к худшему положение подсудимого по своей инициативе. Подобный запрет определяет активность сторон и пассивность суда в развитии процесса, то есть в доказывании и в выдвижении и изменении в сторону усиления обвинения.

В смешанном уголовном судопроизводстве запрет обрастает системой исключений, делающих возможным для суда вмешательство в той или иной степени в изменении обвинения в сторону его усиления и в доказывании фактов против подсудимого, а главное освобождает судью в решении вопроса о мере уголовной ответственности при применении уголовного закона, заложенного в обвинение. В уголовно-процессуальной системе близкой к следственной/инквизиционной запрет превращается в фикцию, и суд получает фактическую вседозволенность в доказывании, изменении обвинения в сторону усиления и применении уголовного закона, отрицания зависимости позиции суда от волеизъявления сторон. При этом акцент в его трактовке смещается на (а) отношения между вышестоящим и нижестоящим судами и (б) определение размера наказания судом вышестоящей инстанции, (в) обеспечение единообразия судебной практики – управление судами.

Запрет действует в стадии предварительного расследования, во всех судебных стадиях - на поворотах и окончательном исходе процесса по уголовному делу, но не в стадии возбуждения уголовного дела и не в стадии исполнения приговора.

В российском уголовном судопроизводстве, имеющем смешанную форму, данный запрет конструктивно связан с механизмом возвращения судом дела прокурору в связи с необходимостью изменения обвинения в худшую сторону.

Ослабление запрета на поворот к худшему в смешанном процессе происходит по следующим причинам: (1) обязательное участие в судебном процессе субъекта публичного обвинения, (2) неравенства стороны защиты и обвинения, за которым стоит государство (его исполнительная – обвинительно-охранительная власть, (3) необходимости сглаживания этого неравенства публично-правовыми, процессуальными средствами (гарантиями), (4) повышенная активность суда и его меньшая связность позицией сторон в виду публичного интереса, включая обязанность установления «объективной истины».

Между тем, каждое из исключений из запрета на поворот к худшему и все они в совокупности не подрывают его, а должны делать универсальным. Исключения из правила должны быть исключительными. В этом вся суть правового запрета. При любых вариациях он должен сохранять свою сущность как признак правоты – справедливости процесса и гарантия от того чтобы суд скатился к орудию расправы – репрессии. Запрет на поворот к худшему как продолжение запрета суду обвинять и изобличать выступает гарантией права на защиту, исправления судебных ошибок, которая делает процесс правовым – цивилизованным инструментом.

Тезис о принципиальности запрета на поворот к худшему в том числе и процессе смешанного типа нуждается в развитии, что и будет сделано в следующем параграфе, где будет дан ответ на вопрос является ли самостоятельным принципом или составляет часть одного или нескольких принципов.

§ 2. Запрет на поворот к худшему в системе принципов уголовного процесса

Использование научной категории «уголовно-процессуальный принцип» позволит в принципиальном плане определиться с общепроцессуальным значением запрета на поворот к худшему, пределами его действия, мерой проявления в отдельных стадиях процесса, формами проявления запрета на поворот к худшему и другими вопросами.

Как отмечалось в предыдущем параграфе некоторые ученые трактуют правила о запрете на поворот (преобразование) к худшему (*ne reformatio in rejus* или *ne rejus*) как отдельный принцип уголовного процесса¹⁷⁵ или как проявление, развитие тех или иных принципов¹⁷⁶.

¹⁷⁵ См.: *Лазарева Л. И.* Принцип недопустимости поворота к худшему // *Правоведение.* 1977. № 2. С. 101–104; *Лазарева Л. И.* Принцип недопустимости поворота к худшему // *Правоведение.* 1977. № 2. С. 101–104; *Калинин В.Н.* Принцип недопустимости

Присоединяемся к точке зрения, согласно которой данный запрет является если не самостоятельным *принципом* уголовного процесса¹⁷⁷, то имеет принципиальное значение всех стадий уголовного процесса, где есть обвинение и суд.

С категорией принцип связано устойчивое представление как о чем-то самом важном в устройстве уголовно-процессуального механизма. Поэтому российская научная школа выработала целое учение о принципах уголовного процесса как основе основ уголовно-процессуального права.

Рассмотрение того или иного процессуального феномена в качестве принципа или позиционирование его по отношению к тому или иному принципу или нескольким таковым является вполне оправданным ходом в теоретических рассуждениях о сущности, содержании и форме этого феномена.

Предварительно можно наметить круг вопросов, которые должны быть здесь разрешены: является ли запрет отдельным самостоятельным принципом уголовного процесса; или это структурный элемент, какая-то часть принципа; и если верно последнее, то какого принципа или принципов?

Но вначале необходимо определиться с трактовкой самого понятия принцип уголовного процесса.

Несмотря на наличие достаточно разработанного учения о принципах уголовного процесса, единого мнения среди ученых относительно понятия, признаков «принципа» не существует.

ухудшения положения осужденного при пересмотре судебных решений // Следователь. 2004. № 5. С. 18;

¹⁷⁶ См.: *Тертышник В., Щерба С.* Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения // Уголовное право. 2001. № 4. С. 75

¹⁷⁷ См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Выпуск 5. Статьи 765–999 / под общей ред. М. Н. Гернета. Москва: Тип. М. М. Зива, 1916. С. 1468. <https://znanium.com/catalog/document?id=136063> (дата обращения: 30.10.2022).

Наиболее распространенным и авторитетным остается позитивно-правовой подход¹⁷⁸, который был господствующим в советское время¹⁷⁹, к определению этого понятия. В настоящее время он основывается на главе 2 УПК РФ, которая прямо претендует на исчерпывающее установление системы принципов уголовного процесса.

К перечню принципов, приведенному в главе 2 УПК РФ, нормативисты добавляют еще систему конституционно-правовых принципов уголовного судопроизводства¹⁸⁰. Однако, и в этот перечень запрет на поворот к худшему не входит.

В главе второй УПК РФ нет упоминания о запрете на поворот к худшему. Следуя логике нормативизма, надо категорически отвергнуть мысль о наличии у анализируемого нами запрета статуса принципа.

Между тем, есть и другой подход к пониманию принципа уголовного процесса, который более многообразен как в риторическом, так и в стилистическом отношениях. В нем представлены несколько школ¹⁸¹, одна из

¹⁷⁸ См.: *Безруков С.И.* Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса: монография. 2016. С. 17, 23–26; *он же.* Принципы уголовного процесса: дисс. ... докт. юрид. наук. М.: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ, 2016. С. 11–13, 41–58; *Гриненко А. В.* Система принципов уголовного судопроизводства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2007. № 2. С. 63–68; *Давлетов А.А.* Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Правоведение. 2008. № 2. С. 92–102; *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса / Уголовный процесс. Проблемные лекции В 2 т. Том 1. Общие положения уголовного судопроизводства: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 207–218.

¹⁷⁹ См.: *Добровольская Т. Н.* Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М.: Юрид. лит., 1971. С. 25–28; *Томин В. Т.* О понятии принципа советского уголовного процесса // Труды Высшей школы МООП РСФСР. М., 1965. Вып. 12. С. 191–200.

¹⁸⁰ См.: Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. Вступит. статья В.Д. Зорькина. 8-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 52; *Безруков С.И.* Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса. С. 22–23.

¹⁸¹ См., напр.: *Безруков С.И., Безруков С.С.* Принципы уголовного судопроизводства: понятие, система и общая характеристика: учебное пособие / под общ. ред. В. В. Никулюка. Омск: Омская акад. МВД России, 2005. С. 23; *Газетдинов Н.И.* Принципы уголовного судопроизводства и их система: вопросы теории и практики. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. С. 17.

которых имеет своим приоритетом развитие именно учения о принципах¹⁸², на которое мы и будем ориентироваться¹⁸³. Для всех этих учений о принципах характерно то, что используя те или иные аргументы¹⁸⁴ в пользу расширения списка принципов уголовного процесса, указывая признаки принципа, они выводят доктринальные принципы уголовного процесса.

Так, выделяются следующие признаки уголовного процесса: во-первых, принципом может быть признана мировоззренческая, основополагающая идея, выражающая сущность данного типа уголовного процесса – одну из его сущностных сторон, во-вторых, нормативно-правовое закрепление этой идеи может быть различным, а не обязательно в виде прямой законодательной дефиниции и квалификацией как принципа, в-третьих, принцип должен проявляться *во всех* стадиях уголовного процесса, хотя это проявление может быть различной степени интенсивности и в различных формах¹⁸⁵.

Если следовать этому критерию, то можно констатировать, что запрет на поворот к худшему не является принципом. Хотя, как указывалось в первом параграфе, есть в науке сторонники такого мнения.

Но нельзя не согласиться с тем, что этот запрет не действует во всех стадиях. Он совершенно точно не действует в стадии возбуждения уголовного дела, в стадии исполнения приговора.

¹⁸² См.: Школы и направления уголовного-процессуальной науки. <https://www.iuaj.net/lib/konf-MASP/tomin.htm>; Научная школа «Теоретические и практические проблемы разработки и реализации принципов современного уголовного процесса» https://xn--80az.xn--b1aew.xn--p1ai/Nauka/Nauchnye_shkoly

¹⁸³ Следует отметить, что научный руководитель данного диссертационного исследования профессор В.Д. Потапов относит себя к представителям этой школы и соответственно, для нас быть ее последователем также является вполне естественным.

¹⁸⁴ Чаще всего используется такой ход, как ссылка на Конституцию РФ и (или) международно-правовые акты.

См., напр.: *Божьев В.П.* Конституционные принципы уголовного процесса / Уголовный процесс: учебник для вузов. М.: Спарк, 1998. С. 41; Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. С. 98.

¹⁸⁵ См.: *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса / Уголовный процесс. Проблемные лекции. В 2 т. Том 1. С. 207–212.

Но еще более существенным является сомнение в том, является ли этот запрет самодостаточной идеей, отражающей какую-то отдельную сущностную сторону процесса.

Как уже отмечалось ранее, мы связываем этот запрет с институтом обвинения. Процедура выдвижения и изменения обвинения должна включать данный запрет. Поскольку обвинение – это главная деталь уголовно-процессуального механизма, постольку интерстадийное правило регулирующее его, не может не иметь принципиального характера.

Можно также предположить, что запрет на поворот к худшему является частью целого, то есть частью какого-то принципа и или нескольких принципов. При этом наличие у него свойства «принципиальности» допускается в том виде и в той мере, как, например, у «общего условия» предварительного следствия или судебного разбирательства.

Значит, следует тогда задаться вопросом: не входит ли данный уголовно-процессуальный запрет в состав какого-либо из принципов, приведенных в главе второй УПК РФ?

Из ранее проведенного доктринального анализа явствует, что запрет на поворот к худшему чаще всего связывают со следующими, нормативно закрепленными в УПК РФ, принципами: обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (статья 16 УПК РФ), презумпция невиновности (статья 14 УПК РФ), состязательность сторон (статья 15 УПК РФ).

Можно утверждать, что каждый имеет из них самостоятельность, но можно говорить и то, что все они составляют некое единство, аксиологическое, идеологическое, системное – они принадлежат к системе ценностей состязательного или обвинительного процесса.

Предварительно можно сказать, что запрет на поворот к худшему входит в то правовое пространство, которое образуется указанными принципами. Другими словами, предполагаем, что запрет на поворот к

худшему входит в триаду принципов, предусмотренных статьями 14-16 УПК РФ. Во всяком случае, он идеологически весьма близок им.

Свобода распоряжения обвинением должна быть ограничена гарантиями защиты от обвинения. И эти гарантии в идеале должны быть судебными. Понятно, что подобное возможно только в системе обвинительного (состязательного) процесса. В смешанном процессе эти гарантии не могут не быть следственными в досудебном производстве, а потому и не полными, непринципиальными.

Более близко этот запрет стоит к состязательности, что признается, как было выяснено нами в первом параграфе, большинство ученых. Это положение вошло и в отечественное «прецедентное право». Формулирование обвинения является прерогативой органов следствия. Суд в соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты¹⁸⁶.

Поэтому в качестве гипотезы можем предположить, что запрет на поворот к худшему принадлежит к состязательности, толкуемой в смысле статьи 15 УПК РФ: равные в своих правах стороны борются перед беспристрастным, объективным судом за свои утверждения, претендующие на правовые последствия в виде судебного решения. Стороны активны в том, что касается определения предмета спора и использования средств доказывания своих утверждений перед судом. Суд пассивен или обладает субсидиарной (вспомогательной, дополняющей) активностью, то есть вмешивается в спор только тогда, когда это требуется для обеспечения его законности, справедливости. По своему усмотрению суд не вправе изменить предмет спора, предмет доказывания, средства доказывания. Он принимает решение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Самый главный из которых ставится обвинением – о виновности обвиняемого в совершении обвинения.

¹⁸⁶ См., напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.10.2018 № 5-УД18-122/СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12 декабря 2022 г.).

Разумеется, это идеальная модель состязательности. В реальном уголовном процессе ее нет. Но именно идеальная модель состязательного правосудия позволяет увидеть новую грань сущности запрета на поворот к худшему. Этот запрет вытекает, во-первых, из запрета суду изменять предмет спора, который в свою очередь изначально составляет предмет иска (уголовного), то есть обвинение. Суд не вправе изменять по своему усмотрению предмет и пределы судебного спора. Он вправе это сделать только по требованию сторон и при наличии к тому доказательств, представленных сторонами.

В состязательности есть и еще один фундаментальный запрет: запрет суду обвинять. Разделение функций суда и сторон, прежде всего функции обвинения – это еще одна коренная предпосылка запрета на поворот к худшему. Суду запрещено это делать по своей инициативе, а лишь только по требованию стороны обвинения. И этот поворот опять же в силу состязательности должен сопровождаться выполнением такой процедуры, которая обеспечивает соблюдение прав и интересов обеих сторон, но прежде всего той стороны, против которой происходит поворот процесса.

Итак, первое, что можно заключить. Утверждаем, что один из корней запрета на поворот к худшему находится в состязательности – принципе современного уголовного судопроизводства¹⁸⁷. Состязательной должна быть процедура поворота к худшему, то есть суд должен делать это по требованию обвинителя, а не по своему произвольному решению¹⁸⁸.

Однако, рассматриваемый запрет имеет и другие корни. Второй из них, находится в принципе опровержимой презумпции невиновности (*praesumptio*

¹⁸⁷ В этом месте усматривается смычка учения о тождестве процесса, предмета и оснований иска, с концепцией состязательности. А глобально здесь все покрывается понятием справедливости. Поворот к худшему должен быть справедливым, то есть не нарушать фундаментальных правил ведения спора.

¹⁸⁸ Следует подчеркнуть то, что опрошенные нами судьи, прокуроры и адвокаты едины во мнении том, что запрет на поворот к худшему связан с разделением функций обвинения и правосудия, состязательностью.

См.: Ответы судей на вопросы №№ 3, 17–18, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 3, 5, 9, Таблица 2.2; ответы адвокатов на вопросы №№ 1-6, Таблица 2.3.

innocentiae), которая, как известно, является уголовно-процессуальным продолжением общеправовой презумпции добросовестности человека (praesumptio integritatis)¹⁸⁹. Бремя опровержения предположения о невиновности обвиняемого (ответчика по уголовному иску) всегда лежит на обвинителе (субъекте уголовного иска). Не суд, но сторона обвинения доказывает обвинение, а значит и предмет процесса. Соответственно, истец и его аналог в уголовном процесс – обвинитель обязан доказывать необходимость изменения обвинения против обвиняемого, то есть поворот к худшему. Сама же процедура поворота к худшему должна обеспечивать соблюдение принципа презумпции невиновности, то есть сам этот поворот не должен быть истолкуем участниками процесса, включая нижестоящий суд, которому дело может поступить для продолжения процесса, как подтверждение виновности обвиняемого: как по-прежнему, так и по-новому более тяжкому обвинению. Измененное в худшую сторону обвинения остается изначально предположением обвинителя о том, что обвиняемый виновен в преступлении, но не предположением суда.

Сам по себе поворот к худшему обвинения не означает, и не предполагает ни прямо, ни косвенно, доказанности обвинения ни в части, ни, тем более, полностью. Новое обвинение должно быть доказано заново во всех своих элементах обвинителем перед судом. Значит доказано должно быть основание решения об изменении обвинения и второе – должно быть доказано новое обвинение, выдвинутое в суде.

От презумпции невиновности мы перебрасываем мостик к принципу, предусмотренному статьей 16 УПК РФ: принципу обеспечения обвиняемому права на защиту. Он имеет несколько измерений. В широком смысле как уже указывалось он трактуется как принцип favor defensionis. Ранее, в советской

¹⁸⁹ См.: *Вилкова Т.Ю.* Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы: монография. М.: Издательство Юрайт, 2021. С. 12–14, 31 и след.

уголовно-процессуальной доктрине, но также и современной, говорилось и говорится о принципе обеспечения прав личности¹⁹⁰.

В плоскости доказывания он пересекается с презумпцией невиновности и обуславливаемой ею обязанностью обвинителя доказывать обвинение и в том числе изменение его в худшую сторону, то есть выдвижение нового обвинения в совершении более тяжкого преступления или иного преступления, не связанного с тем, по которому было выдвинуто первоначальное обвинение.

Наилучшей гарантией использования обвиняемым права на защиту будет презюмирование судом его невиновности при повороте обвинения к худшему и справедливость процедуры поворота, которая в итоге сводится к соблюдению состязательности, равноправию сторон.

Обобщая сказанное относительно триады принципов и запрета на поворот к худшему, усматриваем такую генеральную закономерность в мере их проявления в данном «запрете» от большего к меньшему: состязательность – презумпция невиновности – обеспечения обвиняемому права на защиту. Более всего в запрете на поворот к худшему явлена состязательность, в меньшей мере – презумпция невиновности и наконец – обеспечение обвиняемому права на защиту¹⁹¹. Каждый из этих принципов сказывается в этом запрете, но мера этого воздействия, на наш взгляд, именно в указанной соразмерности.

Итак, мы провели системные, перекрестные взаимосвязи между запретом на поворот к худшему и с тремя официально закрепленными в тексте кодекса принципами. Это можно сказать официально-принципиальное ядро анализируемого нами уголовно-процессуального запрета.

¹⁹⁰ См., напр.: *Кондрат И. Н.* Права личности и некоторые общетраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. 2012. № 8. С. 43–54; *Мельников В.Ю.* Права личности в уголовном процессе Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 67 и след.

¹⁹¹ Называемый принципом «*favor defensionis*» в этом контексте выступает не самостоятельным принципом, а частью принципа обеспечения обвиняемому права на защиту.

Между тем, отечественная доктрина увязывала данный запрет и с другими «принципами уголовного процесса», формально не прописанными в УПК РФ, но, тем не менее, по мнению ведущих специалистов присутствующих в нем.

Поскольку ни один из этих принципов прямо не указан в главе второй УПК РФ, хотя тот же принцип публичности (официальности) является общепризнанным, следует признать недостаточность нормативистского подхода к трактовке категории принцип и заодно и понимания запрета на поворот к худшему в свете этой категории.

Очевидно, можно констатировать меньшую степень близости к запрету на поворот к худшему тех «принципов», о которых пойдет речь ниже. Тем не менее их влияние на этот запрет вполне различимо.

Наиболее часто среди этих принципов называется принцип *публичности* (официальности), то есть ведение уголовного дела *ex officio* – по долгу службы. Выдвижение уголовного иска (обвинения) и его изменение происходит не по частной воле обвинителя, а в силу требования закона, которое он обязан выполнять, как правоохранительный орган обвинительной власти. Речь идет о прокуроре, но также и о других субъектах публичного уголовного преследования. Распоряжение уголовным иском (обвинением) происходит в силу публичного интереса.

В современной уголовно-процессуальной доктрине принято придавать принципу публичности универсальное значение, то есть распространять его действие не только на публичное обвинение, его субъектов - публичного обвинителя, органы публичного уголовного преследования, но и на суд¹⁹². И даже обеспечение прав личности видится ими в свете этого принципа¹⁹³, что отрицает концепцию самозащиты лицом своих прав, включая право на

¹⁹² См.: *Аширбекова М. Т.* Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 8, 15.

¹⁹³ См.: *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности и принцип публичности в уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 4. С. 97.

обращение в суд с жалобой, выдвижение частного обвинения. Мы не склонны к беспредельному, а потому и неконструктивному распространению значения публичности на уголовно-процессуальные средства самозащиты участником процесса своих прав. И поскольку право на подачу жалобы мы относим к средству такой правовой самозащиты, постольку ограничиваем предел действия принципа публичности – диспозитивностью.

Принцип публичности напрямую связан с «ревизионностью» – активной деятельностью суда, в том числе и при повороте к худшему процесса для обвиняемого: как в части определения предмета проверки, так и средств этой проверки. Поэтому состязательная трактовка анализируемого нами уголовно-процессуального запрета входит в противоречие со следственно-публичной трактовкой принципа публичности, оправдывающей поворот к худшему по усмотрению суда, без обращения к нему с соответствующим требованием представителя стороны обвинения. Публичность враждебна запрету на поворот к худшему, она открывает простор для изъятий из него. Однако, укорененность запрета на поворот к худшему в самой организации процесса, в обвинении, тем и подтверждается, что в нем, как в любом процессуальном феномене есть доза публичности, которая, впрочем, не изменяет его анти-ревизионной направленности. Публичность уголовному процессу придает ведение его органами публичной власти – судебной власти прежде всего, участие в нем прокурора, преследующего публичный интерес как в уголовном преследовании, так и доказывании. Разумеется, все органы следственной власти, в полномочия которых входит выдвижение обвинения в стадии предварительного расследования, также находятся под воздействием этого принципа.

Разделяем мнение многих известных ученых, согласно которому запрет на поворот к худшему, имеет выход на принцип публичности. Данный принцип проявляется в следующих моментах запрета на поворот к худшему: обеспечение широты обжалования, распространения судебной проверки на максимальное число судебных решений и соответственно увеличение шансов

на исправление судебных ошибок, о чем впервые (в нашей науке) написал Н.Н. Полянский¹⁹⁴.

Сказанное позволяет нам усматривать в запрете на поворот к худшему проявления диалектики противоположностей: публичности+следственности¹⁹⁵ – диспозитивности. В запрете на поворот к худшему присутствует влияние принципа публичности процесса¹⁹⁶. Этот уголовно-процессуальный запрет, безусловно, обеспечивает достижение целей правосудия, а не только интересов тяжущихся сторон¹⁹⁷.

Принцип справедливости, который имеет доктринальное признание у части научного сообщества¹⁹⁸, может быть увязан с запретом на поворот к худшему в таком же ракурсе, как и состязательность. В этом плане являемся сторонниками точки зрения, согласно которой справедливость надо связывать не с результатом процесса (уголовно-правовым, материальным), и не с нравственностью¹⁹⁹, но с его процедурой. Состязательная процедура преобразования положения обвиняемого к худшему – то есть переход

¹⁹⁴ А потом многократно повторяли последующие поколения отечественных ученых-процессуалистов.

См.: *Петрухин И.Л.* Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе // Государство и право. 2006. № 3. С. 46.

¹⁹⁵ Нагруженность или даже перегруженность принципа публичности следственной идеологией обостряет его противопоставление запрету на поворот к худшему.

¹⁹⁶ Вообще любой процесс, в том числе гражданский, публичен уже в силу самого того факта, что ведется любой процесс судом – органом публичной власти, государства. Поэтому все процессуальные институты публичны, в том числе и те, которые имеют внешне «чисто состязательное» содержание.

¹⁹⁷ Хотя сторону обвинения представляет прокурор, которому чужд личный интерес, тем не менее суд должен исходить из заинтересованности обеих сторон в исходе спора в свою пользу. Такова логика борьбы и последствие вовлеченности в нее людей. Прокурор – тот же человек. Только суд дает полную гарантию беспристрастности и объективности. Хотя это тоже юридическая презумпция.

¹⁹⁸ См., напр.: *Васильев О.Л.* Справедливость как принцип уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 28–31.

¹⁹⁹ См.: *Манова Н.С., Баранова М.А.* Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593; *Володина Л.М.* Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2018. № 2 (42). С. 16–23; *Вилкова Т.Ю.* Принципы уголовного судопроизводства России: правовые основы, содержание, гарантии. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 8–11.

процесса на более тяжкое в фактическом и уголовно-правовом отношении обвинение.

Однако, говорить о вхождении запрета в содержание как принципа публичности, так и принципа справедливости, на наш взгляд нельзя. В первую очередь, это касается принципа публичности. Принцип публичности прямо обуславливает ревизионное начало судебной проверки – противоположность запрету на поворот к худшему. Начало ревизионности входит в принцип публичности, это идеологически родственные явления. Запрет же на поворот к худшему выступает как бы внешним к публичности, хотя испытывает влияние последнего и вместе они обеспечивают справедливость и правовую определенность.

По нашему мнению, такие категории как справедливость, правовая определенность есть скорее оценочные, а не инструментальные понятия. Они выступают способом оценки баланса, соразмерности в процессе и отдельной его форме частного и публичного начал.

Как писал еще Е.В. Васьковский, «справедливость представляет собой не принцип, а постулат процесса, верховную цель, достижение которой должны обеспечивать конструктивные принципы»²⁰⁰.

О любом принципе, любом правовом предписании можно говорить, как средстве обеспечения справедливости или той же самой правовой определенности, в том числе на это может претендовать и анализируемый нами уголовно-процессуальный запрет. Однако, такого рода констатация мало что дает в плане конкретизации содержания и формы данного запрета, к которой мы стремимся.

Как писал А.С. Александров, не обладающие свойством процессуальной конструктивности такие идеи, как демократизм, гуманизм, справедливость, принципами уголовного судопроизводства не являются. Для уголовного процесса должны быть выделены в качестве принципов правила,

²⁰⁰ См.: *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. М., 1913. Т. 1. С. 360.

способные оказать влияние на формирование порядка судопроизводства²⁰¹. Запрет на поворот к худшему, несомненно, обладает указанным признаком конструктивности. Это не абстрактная, а вполне конкретная мировоззренческая идея на то, как должно быть устроено обвинение в уголовном процессе.

Поэтому обратимся к идеям, доктринально признаваемым принципами, которые более конкретны в плане объяснения действия уголовно-процессуального механизма. Такой идеей, на наш взгляд, является диспозитивность. Диспозитивность не входит в официальный список принципов российского уголовного процесса. Однако, некоторые ученые относят диспозитивность к принципам уголовного процесса²⁰².

Доктринальный принцип диспозитивности уместно рассмотреть в связи с запретом на поворот к худшему уже по той простой причине, что его часто отождествляют с состязательностью. Чаще всего диспозитивность определяют как свободу распоряжаться своими правами²⁰³, «субъективными публичными правами»²⁰⁴, как признак состязательности процесса, как условие обеспечения состязательности. Более того есть точка зрения, согласно которой диспозитивность, но не состязательность более верно определяют сущность правовой организации и действия уголовного процесса состязательного (обвинительного) типа²⁰⁵. Можно сказать, что учение о диспозитивности приводит к чистому учению о состязательном процессе. Но

²⁰¹ См.: Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 47–48.

²⁰² См.: Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. С. 156.

²⁰³ См. там же. С. 165.

²⁰⁴ См.: Александров А.С. Система принципов уголовного процесса / Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 86.

²⁰⁵ См.: Кучинская О. П. Диспозитивность как принцип уголовного процесса // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 4. С. 278–282; Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дисс. ... д-ра юр. наук. М., 2000. С. 11, 12, 47 и др.; Пономаренко С.С. Диспозитивные начала в уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2002. С. 50.

в равной степени можно то же самое сказать и о понимании запрета на поворот к худшему: диспозитивность открывает выход на него в свете состязательной идеологии. Диспозитивное понимание запрета на поворот к худшему обеспечивает последовательное понимание его сущности, содержания и возможных форм закрепления.

Без истца нет суда, без иска нет процесса. Стороны, как субъекты диспозитивности являются хозяевами процесса в том смысле, что их решения и действия перед судом детерминируют предмет судебной деятельности и пределы, в которых суд этот предмет исследует и принимает окончательное решение по делу.

Общий вывод из вышесказанного состоит в том, что запрет на поворот к худшему концептуально связан с диспозитивностью, независимо от того признается за ней статус принципа уголовного процесса или нет.

Как пишет А.А. Романова, диспозитивность сторон, участвующих в рассмотрении жалобы, и дискреционность суда взаимно определяют судьбу дела в апелляционном производстве и взаимно находят проявление в запрете на поворот к худшему²⁰⁶.

Недостатком диспозитивного подхода является то, что он входит в противоречие с современным позитивным уголовно-процессуальным правом России и на доктринальном уровне также уже не пользуется прежней поддержкой в научном сообществе, как это было в конце двадцатого – начале двадцать первого веков.

О принципе благоприятствования защите уже сформулирована доктринальная позиция, согласно которой запрет на поворот к худшему есть проявление или последствие этого принципа. Однако, в равной мере такой ход рассуждений уместен и в контексте иных доктринальных положений, претендующих на формулирование «принципа»: «принцип обеспечения прав

²⁰⁶ См.: Романова А.А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: монография. М., 2018. С. 38

личности», принцип гуманизма, принцип антропоцентричности²⁰⁷ и пр.²⁰⁸ Все они, так или иначе, затрагивают тему о правах человека и ставят в приоритет уголовно-процессуального и правового регулирования права и свободы человека и гражданина. Эта гуманистическая традиция близка либеральной и даже, наверное, шире таковой, если брать ее позитивно-правовую, догматическую оболочку, ибо выходит в плоскость естественного права, с его постулированием вне государственной и вне позитивно-правовой самоценности человека и его естественных прав.

Нам импонирует такой ход мыслей. Но мы стремимся ближе к правовым реалиям, от которых естественно-правовые философские абстрактные модели достаточно далеки. Поэтому вполне разделяя гуманистические ценности, вместе с тем склонны оперировать конструкциями более конкретными и реалистичными, а главное – удобными в плане воплощения их в процессуальную форму. Запрет на поворот к худшему должен быть пропитан гуманизмом и заботой о правах человека, но находить конкретику в диспозитивности и состязательности.

Он воплощает принцип самоограничения обвинительной и судебных властей государства в решении вопросов, касающихся выдвижения, изменения обвинения и его фактических оснований. Впрочем, выход на принцип разделения властей как причину самоограничения правового государства более уместно анализировать в свете другого принципа – обвинительности («принципа обвинения»), о котором пойдет речь далее.

Но что еще важнее, так это то, что этот запрет должен быть не благим пожеланием, а системой четких правил регулирующих поведение участников данного поворота процесса, которые делают его справедливым, а правовые последствия определенными.

²⁰⁷ См.: *Власова С.В.* Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху: монография. М., 2022. С. 9–12.

²⁰⁸ См., напр.: *Корнуков В.М., Куликов В.А., Манова Н.С.* Принцип личной неприкосновенности и его реализация в российском досудебном производстве. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2001. С. 29–30.

Одним из спорных, совершенно отрицаемых позднесоветской доктриной, травмированной «революционной целесообразностью», является доктринальный принцип «целесообразности», который иногда называют «принципом процессуальной экономии»²⁰⁹ или даже «принципом экономической целесообразности»²¹⁰, что уже уводит от сути идеи, с которой классическая доктрина изначально увязывала значение этого принципа. А суть этой идеи состоит опять-таки в свободе²¹¹ распоряжения истцом – иском, а соответственно обвинителем – обвинением, в обеих его составляющих – материальной и процессуальной (фактической) составляющих. Причем если частный истец распоряжается иском в своих частных интересах, делая это наиболее целесообразным для себя образом, то публичный истец – обвинитель в уголовном процессе делает это в публичных интересах, но опять же избирая наиболее целесообразный способ достижения цели.

В отличие от многих других авторов, исследовавших явление целесообразности в уголовном процессе²¹², мы не склонны распространять ее на всех правоприменителей, органы, ведущие процесс, то есть и на прокурора, и на суд, и на следователя и пр.

Следуем классическому учению об *Opportunitats-Prinzip*, которое было создана в германской криминальной процессуалистике и заимствовано

²⁰⁹ См., напр.: *Поляков М.П., Смолин А.Ю.* Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. С. 9, 11.

²¹⁰ См.: *Александров А.С., Варяник А.А.* О факторе экономической целесообразности, подлежащем учету при прекращении публичного уголовного преследования по некоторым нереабилитирующим основаниям // *Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения* // *Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2004. № 4. С. 48–50.

²¹¹ Свободе, ограниченной правовыми пределами, что и делает распоряжение, усмотрение судьи правовым. Целесообразность – это не произвол, а выбор правоприменителем наиболее результативного решения вопроса.

См.: *Никонов М.А.* Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 7, 8.

²¹² См.: *Апостолова Н.Н.* Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2011. С. 7 и след.

оттуда русскими классиками²¹³. Так, И.Я. Фойницкий отмечал, что *Opportunitats-Prinzip* - начало практического удобства (целесообразности) обвинительной власти в каждом случае решения вопрос о привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предоставляется решить находит ли она удобным, уместным и целесообразным его уголовное обвинение или полагает удобным от него воздержаться и предпочесть иные правовые средства воздействия²¹⁴. Это положение может быть продолжено таким образом: уместным и целесообразным будет ли прокурору принимать решение с целью повернуть положение обвиняемого в худшую сторону.

В новейшее время представления о принципе целесообразности именно в таком смысле, то есть в увязке с запретом на поворот к худшему, развито представителями нижегородской школы процессуалистов²¹⁵.

Целесообразность характеризует прокурора как субъекта диспозитивных полномочий на обвинение и на представление в вышестоящий суд. Выдвигать и изменять обвинение, подавать представление в вышестоящий суд, то есть распоряжаться предметом обвинения и его основаниями – это, в нашем представлении, субъективное публичное право прокурора как субъекта диспозитивности – стороны обвинения, которая преследует публичный интерес наиболее эффективным образом.

Обвинитель вправе изменить обвинение по мотиву целесообразности достижения публичного интереса, прежде всего, в сторону смягчения, вплоть до полного отказа от уголовного преследования. Изменить обвинение в

²¹³ См.: *Духовской М.В.* Указ. соч. С. 139; *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М. Т. 1. 1889. С. 15-20; *Розин Н.Н.* Указ. соч. С. 245-246; *Случевский В.К.* Указ. соч. С. 44 и след.; *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. Т. 1. С. 74, 75; *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М.: «Право и жизнь», 1927. С. 46–50.

²¹⁴ См.: *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. Т. 1. С. 75.

²¹⁵ См.: Комментарий к УПК РСФСР / Отв. ред. В.И. Радченко; Под ред. В.Т. Томина. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2001. С. 288; Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 179.

сторону ухудшения положения обвиняемого по мотивам целесообразности обвинителю запрещено. Прокурор вправе распоряжаться обвинением только в сторону благоприятствования защите – в ответ на позитивные посткриминальные действия с ее стороны. Таково, если угодно, ограничительное проявление принципа целесообразности на запрет на поворот к худшему. Обвинителю, а тем более суду, запрещено ухудшать положение обвиняемого по мотиву целесообразности, но не запрещено по данному мотиву улучшать его положение.

Следовательно, можно говорить о своеобразном вкладе принципа целесообразности в стандарт поворота к худшему положения обвиняемого: усиления его исключительности.

И наконец, в продолжение нашего «принципиального» исследования запрета на поворот к худшему нельзя не упомянуть дискуссионного принципа *объективной истины*²¹⁶ и его антагониста – принципа формальной или юридической истины.

Не погружаясь в полемику между представителями этих двух учений о цели уголовно-процессуального доказывания²¹⁷, скажем, что присоединяемся к сторонникам концепции формальной – юридической или судебной истины в уголовном процессе²¹⁸. Допуская даже договорную ее трактовку²¹⁹, при которой (судебное) решение по делу может быть результатом соглашения спорящих сторон, удостоверенную судом. При всей несообразности такой

²¹⁶ С ним неразрывно связан еще один «принцип» из набора следственного учения: «принцип всесторонности, полноты и объективности» расследования – предварительного и судебного. Так же, как и принцип объективной истины, он оправдывает активность суда и игнорирование судом в той или иной степени позиции сторон.

См., напр.: *Деришев Ю.В., Олефиренко Т.Г.* Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела как принцип современного уголовного судопроизводства // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1 (30). С. 56–60.

²¹⁷ См.: *Корнакова С. В.* Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России в свете принципа состязательности уголовного процесса // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1 (11). С. 73–79.

²¹⁸ *Смирнов А.В.* Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. Монография. М: Норма, 2018. С. 8, 23–25.

²¹⁹ См.: *Зайцев О.А.* Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 73–81.

точки зрения господствующей доктрине, надо признать ее последовательность и взаимосвязанность с состязательной идеологией и сущностью обвинительного процесса²²⁰. Поэтому находим отдаленную родственную связь между запретом на поворот к худшему и формальной (юридической) истиной.

Следуя теории парной оппозиционности принципов (публичность - диспозитивность, законность - целесообразность, объективная истина - юридическая истина)²²¹, можно сделать вывод о том, что запрет на поворот к худшему основан на следующих принципах: состязательности (диспозитивности), целесообразности, презумпции невиновности, обеспечения права на защиту, судебной истины.

Ему идеологически, концептуально противостоят принципы следственного ряда: публичности, объективной истины, «законности»²²², презумпции виновности²²³. При спорности этой научной точки зрения, впрочем, как и почти всякой научной точки зрения, ей нельзя отказать в последовательности. Это подтверждает (от обратного) и то, например, что сторонники ограничения действия запрета на поворот к худшему в тех или иных стадиях, чаще всего опираются на принципы публичности и неразрывно связанной с ней ревизионностью, то есть активностью суда, объективной истины.

Примечательно замечание И.С. Дикарева о том, что запрет преобразования к худшему выступает в качестве одного из гарантий-условий, посредством которых законодатель обеспечивает полноценную реализацию принципов правовой определенности и права на защиту в

²²⁰ Как, возможно, скажут некоторые – англо-саксонской уголовно-процессуальной, правовой модели.

²²¹ См.: *Александров А.С.* Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 162–175.

²²² Понимаемой не в смысле статьи 7 УПК РФ, а как общий императив деятельности суда и обвинителя к обеспечению неотвратимости уголовной ответственности.

²²³ См.: *Александров А.С.* Система принципов уголовного процесса. С. 79—83.

уголовном судопроизводстве, достижение их оптимального соотношения (баланса)²²⁴.

С учетом того, что концепция принципа правовой определенности стала в нашей современной уголовно-процессуальной доктрине своего рода проводником идеологии публичности и одновременно свертывания состязательности, можно усмотреть и такой аспект отношения запрета на поворот к худшему и правовой определенностью. Впрочем, мы не признаем правовую определенность в качестве уголовно-процессуального принципа, это скорее общеправовой принцип, наряду, например, с принципом равенства перед законом и судом. Уголовно-процессуальный принцип, как указывалось выше, должен иметь конструктивный содержательный момент, то есть оказывать влияние на уголовно-процессуальную конструкцию того или иного типа.

Следующий доктринальный, официально не признанный принцип уголовного процесса, с которым уместно проследить связь запрета на поворот к худшему, будет «принцип обвинения». Это как раз пример конструктивности – выразителя состязательности в конструкции уголовного процесса.

В современной уголовно-процессуальной науке не сложилось единого мнения относительно понятия «принцип обвинения». Более того, распространена негативная трактовка «обвинительности процесса», как противоречащая состязательности²²⁵. На самом деле это не так. В классический период развития русской уголовно-процессуальной мысли, когда она находилась под влиянием западно-европейской процессуальной культуры, в том числе германской, среди ученых было распространено мнение о наличии двух типов процесса: инквизиционном и обвинительном. В

²²⁴ См.: *Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография. С. 306, 307.

²²⁵ См.: *Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. Вступит. статья В.Д. Зорькина. 8-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 94, 581.*

наше время этот подход было воспроизводится в работах А.В. Смирнова, К.Б. Калиновского и ряда других ученых²²⁶.

Если следовать этой традиции, которая продолжается в современной германской, австрийской уголовно-процессуальных научных школах, но также и в украинской, казахстанской, которые тяготеют к двум вышеназванным, то надо признать, что здесь есть логика в том, чтобы выделять этот принцип.

Во всяком случае признаем принцип обвинения, который на наш взгляд, более точно, чем состязательность в ее современном доктринальном понимании и диспозитивность, объясняют сущность процесса и запрета на поворот к худшему в этом – «обвинительном» процессе.

Состязательность не столько принцип, сколько общая характеристика совместной деятельности сторон и суда: стороны состязаются, суд рассуживает их состязание. Диспозитивность делает акцент на активности сторон в определении предмета спора и средств его разрешения.

Между тем, сама активность сторон развивается вокруг обвинения, его доказывания. Поэтому принцип обвинительности и диспозитивности – в совокупности определяют состязательную правовую организацию процесса, при которой процесс происходит в виде состязания сторон перед независимым и объективным судом. Обвинение – это двигатель процесса в целом и запрета на поворот к худшему в частности.

В отечественной уголовно-процессуальной науке общепризнано важнейшее значение института обвинения в уголовно-процессуальном праве. По мнению многих ученых, обвинение является главной деталью уголовно-процессуального механизма²²⁷. Особенно это мнение распространено среди

²²⁶ См.: *Смирнов А.В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 8–9.

²²⁷ См.: *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М.: «Право и жизнь», 1927. С. 46–50; *Зеленецкий В.С.* Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. С. 22, 23; *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и судебный приговор. Казань Издательство Казанского университета. 1965. С. 14.

представителей учения об уголовном иске²²⁸. Ход их рассуждений таков. Через предъявление и поддержание обвинения развивается уголовный процесс, продолжается уголовно-правовой спор. Нет обвинения, нет спора – процесс прекращается. Поэтому обвинение – это то, что движет и изменяет процесс, но также и определяет его исход.

В доктринах некоторых государств идея о ведущем значении обвинения (публичного уголовного иска) в уголовном судопроизводстве воплотилась в принципе обвинения.

Так, например, «принцип обвинения» закреплен в ч. 2 ст. 90 Конституции Австрии. В §§ 2, 90, 105, 259 УПК Австрии раскрывается сущность этого принципа, которая состоит в том, что функция уголовного преследования и судебная функция разделены между различными органами и суд рассматривает дело только в пределах обвинения, поддерживаемого прокурором²²⁹. Согласно обвинительному принципу производство по уголовному делу не может быть начато либо продолжено без предъявления прокуратурой соответствующего обвинения²³⁰.

В уголовно-процессуальном кодексе ФРГ принцип обвинения закреплен в параграфе 151-ом. Судебное разбирательство может быть начато только на основе предъявленного государственного обвинения (§ 151 ФРГ). Из обвинительного принципа вытекает, что суд расследует только тот состав деяния, который был отражен прокуратурой в обвинительном заключении. Компетенция суда по расследованию и вынесению приговора распространяется только на те деяния, которые зафиксированы в

²²⁸ См.: Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.

²²⁹ См.: Бутов В.Н. Уголовный процесс Австрии. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1988. С. 10.

²³⁰ См.: Терехов Е.В. Дискреционные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства России и Австрии: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2009. С. 159–161.

обвинительном заключении (§§ 151, 155 УПК ФРГ)²³¹. Возможность дополнительного обвинения в отношении других деяний и лиц, установленных в ходе судебного разбирательства, при соблюдении определенных требований закона не противоречит этому принципу²³².

Принцип обвинения закреплен и в законодательстве ряда других европейских государств, в том числе княжества Лихтенштейн²³³.

В германской уголовно-процессуальной литературе принцип обвинения признается в числе состязательных элементов «обвинительно-следственного» уголовного судопроизводства²³⁴.

В результате конституционной реформы 2016 года²³⁵ принцип обвинения вошел в Конституцию Украины. Так, согласно статьи 129 Конституции Украины в число принципов судопроизводства входит выдвижение и поддержание публичного обвинения в суде прокурором (пункт 4). Хотя в принятом в 2012 году УПК Украины, этот принцип не нашел нормативного определения, его проявление можно (как и в нашем кодексе) усматривать в содержании части 4 статьи 12 УПК Украины «Принцип состязательности». В современной украинской уголовно-процессуальной

²³¹ См.: Вернер Б. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Учебник 6-е издан. С доп. и изм. Перевод с нем. Я.М. Плошкиной под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 35, 36.

²³² См.: Уголовный процесс западных государств / Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А.; Под ред.: Гуценко К.Ф. М.: Зерцало-М, 2001. С. 406.

²³³ См.: Трефилов А.А. Правоохранительные органы в Лихтенштейне. Уголовное судопроизводство в Лихтенштейне. Ювенальное уголовное судопроизводство в Лихтенштейне. // Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 3. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2020. С. 86.

²³⁴ См.: Хегер М. Состязательные и инквизиционные элементы в системах уголовного правосудия европейских государств как вызов европеизации уголовного процесса // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 9-12 ноября 2017 г. / БГУ, юридический факультет, кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора; Берлинский университет им. Гумбольдта; редкол. : В. И. Самарин (отв. ред.), М. Хегер, О. В. Мороз. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. С. 189–205.

²³⁵ Про внесення змін до Конституції України (щодо правосуддя): Закон України від 2 червня 2016 р. № 1401-VIII. Відомості Верховної Ради України. 2016. № 28. Ст. 532. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1401-19#Text> (дата обращения: 25 января 2022 г.).

литературе вполне укрепились идея о наличии уголовно-процессуального принципа обвинения²³⁶.

В уголовно-процессуальном кодексе России принцип обвинения нормативно не закреплен. По своему содержанию он ближе всего к двум принципам: презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) и состязательности (ст. 15 УПК РФ). Из содержания формулировок того и другого из этих принципов вытекает, что обвинитель, как равноправная с защитой сторона процесса предъявляет и поддерживает обвинение, неся бремя его доказывания; суду же запрещено выполнять обвинительную функцию.

На наш взгляд, можно говорить о проявлении принципа обвинения в части 7 статьи 246 УПК РФ, в соответствии с которой отказ государственного обвинителя в суде об обвинении влечет прекращение уголовного дела. По смыслу этой нормы о действии принципа обвинения можно говорить только в судебных стадиях; и даже не во всех судебных стадиях, а только в стадии судебного разбирательства и в стадии назначения судебного разбирательства. В статье 252 УПК РФ сформулировано общее условие судебного разбирательства «Пределы судебного разбирательства», в содержании которого увязаны принцип обвинения (часть 1) и запрет на поворот худшему (часть 2).

Отсюда можно сделать вывод, что принцип обвинения может быть признан на доктринальном уровне и в отечественном уголовном процессе. Наиболее близкую к такому выводу точку зрения высказал в свое время профессор А.С. Александров²³⁷, по мнению которого нормативность принципа уголовного процесса не сводится к формальному его закреплению в главе второй УПК РФ. Наряду с публичностью (официальностью) принцип

²³⁶ См.: *Організація та діяльність органів прокуратури України: навч. посіб.* П. М. Каркач, В. В. Кривобок, В. С. Бабкова та ін.; за ред. П. М. Каркача. Харків : Право, 2019. С. 43.

²³⁷ См.: *Александров А.С.* Принципы уголовного судопроизводства // *Правоведение.* 2003. № 5. С. 162–175; *Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин.* М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 86–87.

обвинения (нет обвинения – нет преступления) может считаться принципом современного российского уголовного судопроизводства²³⁸.

Принципиальность «обвинения» для процесса состоит в первичности, активности, влиятельности первого и вторичности, необязательной активности второго института, что конкретно проявляется в следующем: а) обвинение отделено от правосудия; б) суд рассматривает дело только в пределах обвинения; в) прокурор – публичный обвинитель – по должности обязан выдвинуть обвинение при наличии доказательств; любое лицо (потерпевший) вправе выступить обвинителем; г) бремя доказывания обвинения лежит на обвинителе; е) «благоприятствование защите» (*favor defensionis*), подразумевающее возможность пассивной защиты²³⁹.

В свете подобной трактовки содержания принципа обвинения становится очевидно как соотношение запрета на поворот к худшему, так и его соотношение с принципом обвинения. На наш взгляд, запрет на поворот к худшему неразрывно связан с институтом обвинения, порядком изменения, выдвинутого против обвиняемого обвинения и потому его можно считать содержательной компонентой или частью принципа обвинения.

Поворот к худшему, точнее деятельность участников стороны обвинения по инициированию его в судебных стадиях надо трактовать как уголовное преследование, но также и поддержанием государственного обвинения в суде любой инстанции.

Итак, следует говорить о запрете на поворот к худшему как составной части принципа обвинения, а последний, в свою очередь, может по-разному пониматься в контексте состязательной или следственной уголовно-процессуальной системы.

Выводы по параграфу.

²³⁸ Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства. 171–172.

²³⁹ См.: Александров А.С., Александрова И.А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 6–19.

Запрет на поворот к худшему обладает признаками уголовно-процессуального принципа. Это конструктивная мировоззренческая идея о том, как должно развиваться центральное правоотношение сторон и суда в судебных стадиях, предметом которых является обвинение и наказание.

Однако, самостоятельным принципом уголовного судопроизводства этот правовой запрет не является.

Запрет на поворот к худшему является результатом совместного, комплексного проявления нескольких, идеологически близких принципов. При этом степень близости родства этого запрета с тем или иным принципом может быть различной. Можно выделить несколько уровней близости (родства) данного запрета с различными принципами, как имеющими позитивно-правовое воплощение, так и доктринальное. В ближайший круг окружения запрета на поворот к худшему входит триада принципов, предусмотренных статьями 14-16 УПК РФ.

Главный корень запрета на поворот к худшему находится в состязательности. Запрет на поворот к худшему непосредственно связан с запретом суду обвинять и по своей инициативе ухудшать положение обвиняемого. Запрет суду выполнять функцию обвинения и обязанность суда обеспечить стороне защите возможность защиты от обвинения. Преобразование к худшему положения обвиняемого в суде в силу состязательности должно сопровождаться выполнением такой процедуры, которые обеспечивает соблюдение прав и интересов обеих сторон, но прежде всего той стороны, против которой происходит поворот процесса. Состязательной должна быть процедура поворота к худшему, то есть суд должен делать это по требованию обвинителя, а не по своей инициативе, произвольно.

В принципе презумпции невиновности находится другой корень данного запрета. Требование или решение о повороте к худшему обвинения не означает, и не предполагает ни прямо, ни косвенно, доказанности обвинения ни в части, ни тем более полностью. Новое обвинение должно

быть доказано заново во всех своих элементах обвинителем перед судом. Значит доказано должно быть основание решения об изменении обвинения и второе – должно быть доказано новое обвинение, выдвинутое в суде.

Третьим источником и составной частью запрета на поворот к худшему является принцип обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

Таково официальное позитивно-правовое принципиальное ядро анализируемого нами уголовно-процессуального запрета.

Усматриваем такую генеральную закономерность в проявлении триады указанных принципов в запрете на поворот к худшему – от большего к меньшему: состязательность – презумпция невиновности – обеспечения обвиняемому права на защиту.

Более всего в запрете на поворот к худшему явлена состязательность, в содержание которого можно включить данный запрет.

Кроме того, данный запрет диалектически взаимосвязан с принципом публичности (официальности). Принцип публичности проявляется в следующих моментах запрета на поворот к худшему: обеспечение широты обжалования, распространения судебной проверки на максимальное число судебных решений. Но самое главное, данный уголовно-процессуальный запрет обеспечивает достижение целей правосудия, обеспечивает общественный интерес в правовом противодействии преступности.

В то же время избыточное – следственное проявление публичности – в ревизионном начале судебной проверки составляет противоположность запрету на поворот к худшему и конкурирует с ним. «Ревизионность» надо понимать как антитезу запрету на поворот к худшему, как идеологему противоположную этому процессуально-правовому феномену.

Вместе с тем диалектически-парная оппозиция «запрет на поворот к худшему – ревизионность» вносит вклад в уравновешенность, правовую определенность уголовного судопроизводства смешанного типа.

Принцип справедливости может быть увязан с запретом на поворот к худшему. Преобразование положения обвиняемого к худшему – то есть переход процесса на более тяжкое в фактическом и уголовно-правовым отношении обвинение должен быть справедливым, то есть базироваться на балансе частного и публичного начал.

Диспозитивность есть содержательная характеристика состязательного процесса, в котором стороны свободны в распоряжении своими «материальными» правами на иск (обвинение) – его предмет и процессуальными правами – по доказыванию его. Диспозитивное понимание запрета на поворот к худшему как проявление свободы распоряжения сторонами обвинением обеспечивает последовательное понимание его сущности, содержания и возможных форм закрепления в состязательном судопроизводстве.

Запрет на поворот к худшему есть проявление или следствие принципа благоприятствования защите. Запрет на поворот к худшему должен быть пропитан гуманизмом и заботой о правах человека. Он есть воплощение идеи самоограничения государства правом, а точнее – самоограничения обвинительной и судебных властей государства в решении вопросов, касающихся выдвижения, изменения обвинения и его фактических оснований.

Запрет на поворот к худшему близок концепции формальной – юридической или судебной истины в уголовном процессе, концепция же объективной истины враждебна ему, ибо оправдывает активность суда, ревизионное начало.

Принцип целесообразности также входит в окружение запрета на поворот к худшему. Целесообразность характеризует прокурора как субъекта диспозитивных полномочий на обвинение и на представление в вышестоящий суд. Выдвигать и изменять обвинение, подавать представление в вышестоящий суд, то есть распоряжаться предметом обвинения и его основаниями – это процессуальное право прокурора как субъекта

диспозитивности – стороны обвинения, которая преследует публичный интерес наиболее эффективным образом. При этом изменить обвинение в сторону ухудшения положения обвиняемого по мотивам целесообразности обвинителю запрещено. Прокурор вправе распоряжаться обвинением только в сторону благоприятствования защите – в ответ на позитивные посткриминальные действия с ее стороны. Таково ограничительное проявление принципа целесообразности на запрет на поворот к худшему. Следовательно, мы можем говорить о своеобразном вкладе принципа целесообразности в стандарт поворота к худшему положения обвиняемого: усиления его исключительности.

Следует заключить, что в той или иной мере запрет на поворот к худшему основан на следующих принципах: состязательности (диспозитивности), целесообразности, презумпции невиновности, обеспечения права на защиту, судебной истины.

В контексте состязательной доктрины можно говорить о запрете на поворот к худшему как составной части принципа обвинения. Автор выступает за то, чтобы считать запрет на поворот к худшему проявлением «принципа обвинения».

Принцип обвинения находит нормативное закрепление в статьях 14, 15, 246, 252 УПК РФ. Запрет на поворот к худшему составляет неотъемлемую часть этого принципа и действует во всех судебных стадиях и в стадии предварительного расследования.

Запрет на поворот к худшему неразрывно связан с институтом обвинения, с порядком выдвижения и изменения обвинения в сторону ужесточения и потому его можно считать содержательной компонентой или частью принципа обвинения.

Поворот к худшему, точнее деятельность участников стороны обвинения по инициированию его в судебных стадиях надо трактовать как уголовное преследование, но также и поддержанием государственного обвинения в суде любой инстанции.

§ 3. Запрет на поворот к худшему как элемент позитивно-правовой формы обвинения, доказывания и правоприменения в уголовном процессе определенного типа²⁴⁰

Ключевыми вопросами для нас будут, во-первых, выяснение начального момента, с которого начинает действовать этот запрет²⁴¹, во-вторых, определение того, как он действует в досудебном производстве, в-третьих, исследование связи запрета на поворот к худшему с возвращением уголовного дела (а) прокурором - органу предварительного расследования и (б) судом - прокурору.

В центре нашего внимания находится положение о связи запрета на поворот к худшему с «публичным обвинением», имеющем в российском процессе следственную форму, которая и детерминирует действие запрета на поворот к худшему; не только в досудебном производстве, но и глобально – во всех стадиях уголовного судопроизводства. Забегая вперед, сразу можем сказать, что возвращение уголовного дела прокурором – следователю (дознавателю), а судом – прокурору и далее – органу предварительного расследования, является важнейшей составляющей действия запрета на поворот к худшему в российской уголовно-процессуальной системе.

1. Первый пункт рассматриваемой нами позиции состоит в том, что сущность запрета на поворот к худшему неразрывно была связана с «публичным обвинением».

²⁴⁰ В параграфе использованы ранее опубликованные статьи автора.

См.: Будылин Н.С. Действие запрета на поворот к худшему в стадии кассационного производства по уголовному делу //Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Том 32. № 5. С. 887-893; Будылин Н.В. Действие запрета на поворот к худшему при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции //Общество и право. 2022. № 1 (79). С. 52–58; Будылин Н.С. Выдвижение и изменение частного обвинения //Мировой судья. 2023. №. 3. С. 6-13..

²⁴¹ Тем самым ставим вопрос о действии анализируемого нами запрета в стадии предварительного расследования.

Как уже отмечалось, сущность запрета на поворот к худшему связывается нами с институтом обвинения и его доказывания²⁴². А обвинение, в свою очередь, определяет сущность процесса и более того – всю правовую организацию противодействия преступности²⁴³. Поэтому в процедуре выдвижения обвинения, включая его изменение в худшую сторону, надо усматривать закономерности проявления в различных стадиях уголовного процесса запрета на поворот к худшему.

Однако, сразу надо оговориться о том, что речь идет о доминантной разновидности обвинения – публичной и частно-публичной, если иметь в виду современную систему обвинения. Что касается частного обвинения, то оно выпадает из общей схемы выдвижения обвинения, и соответственно, действие запрета на поворот к худшему по уголовным делам частного обвинения происходит по-иному. Этот вопрос будет освещен в заключении настоящего параграфа.

Если брать следственную форму, в которой публичное обвинение предъявляется в стадии предварительного расследования, то она не предполагает каких-либо запретов на изменение обвинения в худшую сторону. Орган предварительного расследования является полномочным субъектом следственного обвинения и связан в его изменении только доказыванием. Можно сказать, что следственная форма предъявления и изменения обвинения в принципе не может быть ограничена запретом на поворот к худшему. Запрет на поворот к худшему может быть образован только в уголовно-процессуальной форме, в которой содержатся отношения обвинителя – суда – защиты.

Разделение следственной и прокурорской властей создает предпосылку для появления такого запрета, как средства регулирования отношений

²⁴² См.: *Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 306.

²⁴³ См.: *Левченко О.В.* Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности. Монография. М.: Издательство «Юрлитформ», 2021. С. 23–25.

представителей этих двух властей государства. Но эта предпосылка и сам запрет не принципиальны, поскольку связаны с разделом внутри обвинительно-следственной системы, которая в своем единстве противостоит защите и отделена от судебной власти. Не менее важно и то, что само обвинение носит предварительный характер и его предъявление не предполагает наступления материально-уголовно-правовых последствий в полном объеме.

Насущная потребность в анализируемом нами запрете возникает при наличии принципиального противоречия между стороной обвинения и защиты, ставшего предметом разрешения суда. Позиционирование сторон и суда в состязательной форме судопроизводства с неизбежностью порождает потребность в таком порядке изменения обвинения, который основывается на данном запрете. Запрет на поворот к худшему надо считать неотъемлемой частью состязательного судопроизводства. Запрет на поворот к худшему является правовым средством разрешения противоречия между стороной обвинения и защиты – через суд. Мера его категоричности обусловлена мерой состязательности.

Какова форма обвинения, каков порядок его выдвижения и возможного пере-выдвижения, то есть последующего изменения в худшую для обвиняемого сторону, таков и тип уголовного процесса. Форма обвинения есть концентрированное выражение типа процесса и запрет на поворот к худшему следует этой закономерности: чем более развито состязательное начало в уголовно-процессуальной форме, тем более он категоричен и последовательно выражен. Если эта форма является абсолютно следственной, то и запрета нет. Если в уголовно-процессуальной форме появляется элемент если не состязательности, то разделения властей на обвинение и возможность спора между ними, то возможно некое подобие анализируемого нами запрета.

Принимаем идею о сущностной связи между обвинением и правовой организацией всего процесса, то есть в обвинительном процессе обвинение

выдвигается обвинителем (истцом)²⁴⁴ перед судебным органом, в следственном процессе обвинение выдвигается органом предварительного расследования (следственной властью), в смешанном уголовном процессе происходит разделение прокурорско-обвинительной власти и следственной. В смешанном уголовном процессе, каковым является современный российский процесс власть на обвинение принадлежит совместно органу предварительного расследования и прокурору. При этом полномочие на обвинение появляется у прокурорской власти тогда, когда обвинение получает судебную перспективу, которую уполномочен утвердить прокурор.

Тип уголовного процесса детерминирует процедуру выдвижения и изменения обвинения, а потому и сущность, содержание и форму запрета на поворот к худшему и механизм его действия в различных стадиях.

Как писали ученые-классики: «Разница между этими двумя типами коротко определяется следующим образом: отнюдь не исключая самодеятельности суда или судьи, состязательный процесс все же направляется, главным образом, деятельностью обвинителя, которому противостоит имеющий право состязаться с ним перед судебными органами обвиняемый; розыскной процесс направляется целиком деятельностью судьи. В состязательном процессе задача обвинителя выставить и доказать обвинение, а задача суда – проверить насколько обоснованы утверждения обвинителя (для чего он и сам может истребовать доказательства); в розыском процессе судья сам исследует преступление или событие, вызывающее предположение, что преступление совершено, сам разыскивает

²⁴⁴ Можно утверждать, что публичное обвинение в обвинительном процессе выдвигается обвинительной властью государства (прокуратурой) – представителем которой является прокурор.

См.: *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. М.: Унив. тип., 1889. С. 4–12.

и устанавливает данные, нужные для нахождения истины в уголовном деле»²⁴⁵.

Можно далее согласиться с тем, что запрет на преобразование к худшему, определяющий порядок изменения обвинения при направлении, после направления уголовного дела в суд, имеют институциональное значение для организации центрального уголовного процессуального отношения: обвинитель – суд – обвиняемый²⁴⁶.

Обвинение ставит перед судом вопрос о применении уголовного закона к обвиняемому, то есть наказанию. Суду запрещено без постановки этого вопроса обвинителем утверждать, что обвиненный является преступником и подлежит наказанию. Запрет на поворот к худшему вытекает из запрета суду обвинять и наказывать - по своей инициативе, проявлять активность, не порожденную обвинителем.

Запрет на преобразование к худшему существенным образом определяет развитие центрального уголовного процессуального отношения: обвинитель – суд – обвиняемый/подсудимый. Действие запрета на поворот к худшему, очевидно, не ограничивается судебными стадиями уголовного процесса, на досудебное производство он распространяется, но ограниченно: в виду следственной формы выдвижения и изменения обвинения в стадии предварительного расследования.

Как утверждает М.Ю. Рябых, запрет на поворот к худшему *не действует в трех стадиях* уголовного процесса: возбуждения уголовного дела, исполнения приговора и возобновления дела в виду новых и(или) вновь

²⁴⁵ Уголовно-процессуальный кодекс: научно-популярный, практический комментарий проф. П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского. М., 1928. С. 97–98.

²⁴⁶ См. об этом: *Ванян К.Д., Лысов Н.Н., Тацилин М.Т., Шуйский А.С., Гильманов И.Р., Костерин В.В.* Указ. соч. С. 212-223.

Результаты соцопросов правоприменителей подтверждают это положение.

См.: Ответы судей на вопросы №№ 1-16, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 1-17, Таблица 2.2; ответы адвокатов на вопросы №№ 1-17, Таблица 2.3.

открывшихся обстоятельств²⁴⁷, и действует во всех остальных, в том числе и в стадии предварительного расследования – на стыке с самостоятельной частью процесса, регулируемой главой 31 УПК РФ, а также статьями, 226, 226.8 УПК РФ, где прокурор решает вопрос о направлении дела в суд и утверждении итогового процессуального обвинительного акта²⁴⁸. Разделяем этот вывод²⁴⁹ и далее попытаемся развить его.

2. Поскольку мы связываем действие запрета на поворот к худшему с разрешением вопросов об изменении обвинения/наказания, постольку надо исследовать существующую уголовно-процессуальную модель выдвижения(изменения) обвинения.

Современная уголовно-процессуальная форма обвинения – это калька с советской модели предъявления обвинения²⁵⁰. С той поправкой, что ранее прокурор имел всю полноту процессуальной власти над предварительным следствием, а вместе с тем и обвинением: прокурор мог давать следователю обязательные для исполнения указания, в том числе и относительно обвинения, мог изъять дело у следователя и принять к своему производству и т.д. Следователь предъявлял обвинение под надзором и процессуальным руководством прокурора. Теперь ничего этого нет. И формально вмешательство прокурора в выдвижение обвинения до суда ограничено тем

²⁴⁷ См.: *Рябых М.Ю.* Запрет поворота к худшему в системе уголовно-процессуальных запретов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 1. С. 319.

²⁴⁸ См.: там же. С. 319.

²⁴⁹ Мнение практиков по вопросу о локации запрета на поворот к худшему в стадиях уголовном процесса, весьма близкое к вышеизложенному, отражено в результатах их опросов.

См.: ответы судей на вопросы №№ 26–27, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 23, 24, Таблица 2.2; ответы адвокатов на вопросы №№ 25-26, Таблица 2.3.

²⁵⁰ Характерно, что за все годы действия российского кодекса, отмеченные многочисленными изменениями этого закона, глава о порядке предъявления обвинения осталось не тронутой законодателем. Прослеживается полная аналогия между главой 23 УПК РФ и главой 11 УПК РСФСР. Это указывает на значение данного института для всей правовой организации процесса, включая и отношения между судом и обвинительно-следственной властью.

моментом, когда прокурор решает вопрос о направлении уголовного дела в суд.

Под выдвиганием обвинения понимались процессуальные действия обвинителя, связанные с формулированием, предъявлением обвинения в суде, а также возможным изменением обвинения²⁵¹.

По определению Конституционного Суда России, обвинение есть утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ; в обвинительном заключении отражаются существо обвинения²⁵². Вместе эти процессуальные акты (а также обвинительный акт, обвинительное постановление) составляют обвинение в широком смысле - «обвинение, выдвигаемое против обвиняемого перед судом».

Согласно современным научным воззрениям, под «выдвиганием обвинения»²⁵³ надо понимать деятельность органов уголовного преследования по формулированию обвинения, предъявлению обвинения следователем, дознавателем, утверждение прокурором резолютивного обвинительного уголовно-процессуального акта органа предварительного расследования и оглашение государственным обвинителем этого акта перед началом судебного следствия в порядке части первой статьи 237 УПК РФ.

²⁵¹ См.: *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М.: «Право и жизнь», 1927. С. 42–68.

²⁵² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Боровкова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 2095-О.

²⁵³ См.: *Ковтун Н.Н.* Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137; *Королев Г.Н.* О возможностях влияния прокурора на формирование государственного обвинения в ходе досудебного производства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. 2018. № 4. С. 126–130; *Левченко О.В.* Прокурор как субъект права на выдвигание обвинения и доказывание // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. редакторы: И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. Омск, 2022. С. 44–47.

Так, общепризнана позиция²⁵⁴, согласно которой выдвижение обвинения в уголовном процессе включает процедуры : а) привлечение в качестве обвиняемого и б) предъявления обвинения, предусмотренные главой 23 УПК РФ, (в) составление и согласование обвинительного заключения в порядке статьи 220 УПК РФ, (г) утверждение обвинительного заключения прокурором в соответствии со ст. 221 УПК РФ и направление им уголовного дела в суд (ст. 222 УПК РФ) и (д) прохождение обвинения через стадию назначения судебного разбирательства (главы 33-34 УПК РФ). В процедуру выдвижения обвинения входят также и нормы, содержащиеся в статьях 225, 226, 226.7, 226.8 УПК РФ, регулирующие деятельность органа дознания и прокурора по выдвижению обвинения перед судом. Таким образом, понятием «выдвижение обвинения» охватывается деятельность органов следственно-обвинительной власти по предварительному и окончательному формулированию требования перед судом о признании обвиняемого лица виновным в совершении преступления и привлечении его к уголовной ответственности²⁵⁵.

Поясним свою позицию относительно действия запрета на поворот к худшему в досудебном производстве – на предварительном этапе выдвижения обвинения. В контексте правовых отношений между участниками процедуры выдвижения обвинения.

В стадии предварительного расследования, проводимого в любой форме, следователь (орган предварительного следствия), дознаватель (орган дознания) не связаны никаким запретом в изменении обвинения и преобразовании к худшему положения обвиняемого, ибо они обязаны отразить в предмете обвинения все установленные ими фактические обстоятельства дела.

²⁵⁴ См.: *Ваян К.Д., Лысов Н.Н., Тащилин М.Т., Шуйский А.С., Гильманов И.Р., Костерин В.В.* Указ. соч. С. 220; *Левченко О.В.* Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования): монография. М.: «Юрлитинформ», 2022. С. 123.

²⁵⁵ См.: *Левченко О.В.* Указ. соч. С. 223.

В стадии предварительного расследования изменение обвинения следует за результатами доказывания, осуществляемого следователем, дознавателем²⁵⁶. Они вправе изменять обвинение в зависимости от результатов доказывания и их решения не только вне судебного контроля, но и прокурорского надзора. Лишь в отношении дознавателя прокурор может давать письменные указания, обязательные для исполнения, которые могут касаться как материальной, так и процессуальной сторон обвинения.

Таким образом, в современном смешанном российском уголовном процессе обвинение предъявляется в досудебной стадии – предварительного расследования – где оно носит внесудебный характер и не подпадает под судебный контроль, прокурорский надзор. Прокурорское воздействие на него носит *отложенный* характер.

Предварительная часть выдвижения обвинения, осуществляемого в стадии предварительного расследования, ввиду отсутствия посредника в отношениях обвинитель – обвиняемый, исключает запрет на поворот к худшему: этот поворот осуществляется следователем абсолютно свободно, без формальных ограничений. Сторона защиты может оспаривать его, но решение по существу обвинения откладывается на судебную стадию.

Ввиду господства следственной власти в стадии предварительного расследования следователь распоряжается обвинением и может его поворачивать в худшую сторону настолько и столько раз, сколько это необходимо, чтобы полностью и объективно отразить в предмете обвинения установленные фактические обстоятельства. Поэтому в соответствии с частью первой статьи 175 УПК РФ при появлении основания для изменения предъявленного обвинения следователь в соответствии со статьей 171 УПК РФ выносит новое постановление о привлечении лица в качестве

²⁵⁶ См.: Воскобитова Л.А. Обязанности следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого / Проблемы теории и практики исполнения уголовно-процессуальных обязанностей: сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. XVIII / под ред. С.И. Давыдова, Е.Н. Петухова, В.В. Полякова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 10–23.

обвиняемого и предъявляет его обвиняемому в порядке, установленном статьей 172 УПК РФ. Никакими формальными запретами он не ограничен. Отсутствуют как субъект запрета, так и система правоотношений, в которых этот запрет мог бы быть применен.

Обвинительно-следственная власть вправе распоряжаться обвинением во время досудебного производства без участия судебной и прокурорской власти, имея только одного контрагента по правоотношению, объектом которого является обвинение и его доказательства – обвиняемого и его защитника.

Запрет на поворот к худшему впервые проявляет себя, хотя и в ограниченном²⁵⁷ виде, только в переходной части между досудебным и судебным производствами, а именно: в самостоятельной части процесса, регулируемой главой 31 и другими нормами кодекса, которыми определяются действия и решения прокурора по поступившему к нему от органа предварительного расследования уголовному делу.

Прокурору запрещено изменять положение обвиняемого в худшую сторону по сравнению с тем обвинением, которое сформулировано в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении. Это не предусмотрено статьей 221 УПК РФ. При наличии необходимости в этом прокурор может задействовать процедуру возвращения уголовного дела следователю (дознавателю). Эту процедуру можно с определенными оговорками считать проявлением действия запрета на поворот к худшему и включать в общий механизм «возвращения уголовного дела», о котором подробнее скажем далее.

Ранее запрет прокурору изменить обвинение в худшую сторону предусматривался частью второй статьи 215 УПК РСФСР. Современная модель унаследовала советскую модель досудебного производства и

²⁵⁷ Ограниченность проявляется в отсутствии непосредственного спора сторон и арбитра между ними. Запрету на поворот к худшему нужен состязательный процессуальный механизм.

перехода дела из досудебного производства в судебное, а вместе с ней и запрет на изменение обвинения к худшему, адресованный прокурору. Этот запрет содержится в пункте втором части первой статьи 221 УПК РФ.

В общем, «прокурорская разновидность запрета на изменение обвинения к худшему для обвиняемого сторону сохранилась. Равно как и процедура возвращения уголовного дела прокурором органу предварительного расследования. Хотя появились в ней и существенные изменения, связанные с изменением общего позиционирования прокурора по отношению к органу предварительного следствия в досудебных стадиях, о чем мы уже писали и к чему мы еще вернемся далее.

Подводя итог сказанному выше, можно заключить, что после поступления уголовного дела прокурору, прокурор «подключается» к выдвиганию обвинения против обвиняемого и появляется, можно сказать, «квазизапрет» на поворот к худшему. Он действует как гарантия права обвиняемого на защиту от изменения в худшую сторону обвинения, предъявленного обвиняемому органом предварительного расследования. Этот запрет является частью общего – механизма возвращения прокурором уголовного дела органу предварительного расследования. Поэтому далее надо остановиться на нем.

3. Вхождение запрета на поворот к худшему в механизм возвращения прокурором уголовного дела является закономерным результатом сложившейся системы отношений между органом предварительного расследования и надзирающим прокурором и порядком перехода уголовного дела из стадии предварительного расследования в стадию подготовки к судебному разбирательству²⁵⁸.

В общем, эта процессуальная схема сохранилась, поэтому и запрет прокурору на поворот к худшему обвинения в принципиальном плане

²⁵⁸ См.: *Термечиков М.А.* Возвращение прокурором уголовного дела для доследования и судом прокурору для восполнения пробелов следствия, не устранимых в суде: по материалам Кыргызской Республики : дисс. ... канд. юрид. наук. Москва: Акад. упр. МВД РФ, 2010. С. 9 и след.

сохранился, хотя и утратил свою прежнюю однозначность вместе с утратой прокурором руководящей процессуальной роли и полномочия над следствием и обвинением, которые ранее у него были.

Модель возвращения уголовного дела прокурором следователю, которая была предусмотрена пунктами вторым и третьим статьей 213 УПК РСФСР, была частью правового механизма, в котором прокурор выполнял руководящую роль: он мог сам прекратить дело, пересоставить обвинительное заключение, то есть имел гораздо больше полномочий, по сравнению с теми, что предусмотрены пунктами 1-3 части первой статьи 221 УПК РФ. Пределы распоряжения прокурором правом на обвинение были гораздо шире, тем более значим был категорический запрет на поворот к худшему обвинения, сформулированный в части второй статьи 215 УПК РСФСР, а вместе с ним и процедура возвращения уголовного дела. Эта процедура была формой реализации данного запрета.

В наше время прокурор возвращает уголовное дело в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ независимо от того, в какую сторону считает необходимым изменить обвинения – в худшую или лучшую для обвиняемого сторону. Достаточно любого основания для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых, то есть для того, чтобы изменить обвинение в процессуальном, уголовно-правовом отношении, или же в фактически-существенно.

Прокурорский формат действия запрета на поворот к худшему в составе механизма возвращения уголовного дела органу предварительного расследования можно оценивать как проявление самобытности российской модели уголовного процесса.

При всей значимости прокурорского «квализапрета» на поворот обвинения к худшему при переходе уголовного дела из досудебного производства в судебное, нельзя не понимать, что в полной мере он раскрывается и становится действительно важнейшим правилом уголовно-

процессуальной игры только тогда, когда в нее непосредственно вступает суд.

Замена прокурора на суд как участника, приводящего запрет в действие, придает качественно новое значение механизму возвращения уголовного дела на нижнюю стадию уголовного процесса. Запрет на поворот к худшему надлежит проанализировать в составе этого – судебного механизма, который имеет принципиальное сходство с соответствующим прокурорским процессуальным механизмом, но и различия.

Запрет на поворот к худшему закономерно связывается учеными с механизмом возвращения судом уголовного дела в порядке ст. 237 УПК в нижестоящую судебную инстанцию или прокурору²⁵⁹. Поэтому рассмотрим запрет на изменение обвинения к худшему в составе процедуры, предусмотренной статьей 237 УПК РФ, в диалектической взаимосвязи с прокурорской процедурой возвращения уголовного дела органу предварительного расследования²⁶⁰.

Как уже неоднократно подчеркивалось нами, данный запрет является продолжением запрета суду обвинять: суд ни прямо, ни косвенно не вправе брать на себя выполнение функции обвинения. Состязательность судопроизводства, разделение судебной и обвинительной властей отрицают подобный ход судебной власти. Поэтому институт возвращения уголовного

²⁵⁹ См.: *Баева Т.Н.* Возвращение судом уголовного дела прокурору в механизме обеспечения справедливого судебного разбирательства: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006; *Дяденькин С.В.* Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом: дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Юж.-Ур. гос. ун-т, 2010; *Ежова Е.В.* Институт возвращения уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа: Башкирский госуниверситет, 2006; *Лисафьева О.Б.* Возвращение уголовного дела прокурору в системе уголовного судопроизводства России: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2010.; *Тришева А.А.* Возвращение судом уголовного дела прокурору: генезис, современное состояние, пути совершенствования: дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Академия Генеральной прокуратуры России, 2010.

²⁶⁰ Как показывают соопросы, эта связь является очевидной не только для теоретиков, но и для практиков.

См.: Ответы судей на вопросы №№ 35-36, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 31, 32, Таблица 2.2; ответы адвокатов на вопросы №№ 32, 33, Таблица 2.3

дела судом прокурору в принципиальном плане надо оценивать как способ обхода запрета на поворот к худшему. И потому сторонники состязательности выступают за его ликвидацию.

Многие авторы связывают ослабление анализируемого нами процессуального запрета с расширением оснований для возвращения судом уголовного дела прокурору из различных судебных инстанций²⁶¹.

В судах первой инстанции показатель количества дел, возвращенных прокурору для устранения недостатков в порядке ст. 237 УПК, отказом в прекращении ст. 446.2 УПК РФ в 2017 г – 9689, в 2018 г. – 10881, в 2019 г. – 12889, в 2020 г. – 14151, в 2021 г. – 13761, в 2022 г. – 10741²⁶², их них при рассмотрении с участием присяжных заседателей в 2017 г – 24, в 2018 г. – 28, в 2019 г. – 51, в 2020 г. – 55, в 2021 г. – 53, в 2022 г. – 56²⁶³.

Согласны с мнением, согласно которому расширение полномочий суда на возвращение уголовного дела прокурору подрывает запрет на поворот к худшему и вместе с тем нарушает запрет на совмещение функций обвинения и правосудия, разрушает состязательную конструкцию судопроизводства²⁶⁴.

Нельзя в связи с этим не вспомнить историю преобразования уголовно-процессуального порядка возвращения уголовного дела судом прокурору в контексте освещаемой нами темы. Отношение к нему законодателя претерпело одно из самых радикальных и знаковых перемен в новейшей истории развития уголовно-процессуального законодательства. И изменения этого института, на наш взгляд, имеют самое прямое отношение к пониманию правовой природы запрета на поворот к худшему.

²⁶¹ См.: *Александров А.С., Лапатников М.В.* Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6–12; *Дикарев И.С.* Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98–103.

²⁶² Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁶³ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁶⁴ См.: *Ванян К.Д., Лысов Н.Н., Тащилин М.Т., Шуйский А.С., Гильманов И.Р., Костерин В.В.* Указ. соч. С. 212–221.

В советском уголовном процессе уголовно-процессуальный механизм возвращения уголовного дела судом прокурору на «доследование», что подразумевало возможность предъявления нового более тяжкого обвинения, было органичной частью устройства, в котором суд позиционировался как активный субъект доказывания. Поэтому институт направления судом уголовного дела на доследование является органичной частью того судебного механизма, который основывался на активности суда в доказывании, включая его обязанность вести судебное следствие, продолжать ведение дела и в случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения и вообще рассматривать дело и выносить обвинительный приговор без участия обвинителя²⁶⁵. Считалось вполне разумным, законным и справедливым то, что суд через прокурора вправе потребовать от органа предварительного расследования восполнить следствие, дознание и предъявить новое более тяжкое обвинение по данному делу, а затем снова направить это дело в суд для рассмотрения по существу. Так, в пунктах 1 и 3 части первой статьи 232 УПК РСФСР содержались четкие и недвусмысленные формулировки о том, что суд вправе возвращать уголовное дело прокурору, как ввиду неполноты следствия/дознания, так и необходимости изменения обвинения на более тяжкое.

В советской уголовно-процессуальной литературе принято было обосновывать существование этих норм обязанностью суда устанавливать фактические обстоятельства и объективную истину²⁶⁶, для обеспечения всесторонности, полноты судебного разбирательства, восполнения судом пробелов предварительного расследования и одновременно – как гарантия защиты граждан, привлекаемых к уголовной ответственности²⁶⁷.

²⁶⁵ См.: *Гальперин И.М.* Направление судом уголовного дела на доследование. М., 1960. С. 10, 11.

²⁶⁶ См.: там же. С. 12.

²⁶⁷ См.: там же. С. 13.

Однако, затем благодаря Концепции судебной реформы в РСФСР (1991 г.)²⁶⁸ произошло отрицание этого института через постулирование запрета суду обвинять: «суд должен быть освобожден от любых рудиментов функции уголовного преследования». Авторы Концепции судебной реформы стояли на том, что суд по своей инициативе ни прямо, ни косвенно не должен допускать преобразования его положения в худшую сторону, в том числе и через процедуру возвращения уголовного дела прокурору²⁶⁹.

Следуя этой принципиальной идеологической установке, Конституционный Суд России отменил процедуру возвращения уголовного дела на следствие²⁷⁰, а затем прекратил действие статей 255, 256 УПК РСФСР²⁷¹. Тем самым произошла ликвидация механизма взаимодействия суда с прокурором и органом предварительного расследования в изменении обвинения в худшую сторону.

Так в российском уголовно-процессуальном праве был упразднен (временно) институт возвращения судом уголовного дела прокурору и органу предварительного расследования для дополнительного расследования и предъявления более тяжкого обвинения. Это можно считать возведением в абсолют запрета на поворот к худшему в суде.

²⁶⁸ Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Вестник СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

²⁶⁹ См.: Морщакова Т.Г. Запрет поворота к худшему как гарантия прав личности в советском уголовном процессе // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Сборник научных трудов. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1985. С. 36–45; Петрухин И.Л. Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе // Государство и право. 2006. № 3. С. 46–53; он же. Доследование: расхождения закона и практики // Уголовный процесс. 2007. № 8. С. 27–30.

²⁷⁰ См.: По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П // СЗ РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.

²⁷¹ См.: по делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П // СЗ РФ. 2000. № 5. Ст. 611.

Именно такая модель нашла позитивно-правовое закрепление в первоначальной редакции УПК РФ (2000 г.). В УПК РФ новая, радикальная трактовка запрета на поворот к худшему нашла отражение в первоначальной редакции ст. 237, а также в статьях 252, 405 УПК РФ.

Первоначальные редакции статей 237, 405 УПК РФ исключали возможность возвращения судом уголовного дела прокурору по причине невозможности в судебном следствии неполноты доказательств обвинения или неправильного определения его предмета²⁷². Суд обязан был рассмотреть уголовное дело по выдвинутому обвинению и вынести по нему окончательное решение. По новым фактам, выявленным в ходе судебного разбирательства против подсудимого, прокурором могло быть возбуждено новое уголовное дело. В рамках же одного процесса новые обвинения рассмотрению судом не подлежали.

Как отмечается в уголовно-процессуальной научной литературе, отказ от института возвращения уголовного дела на дополнительное расследование был одним из наиболее демократических преобразований. Однако не было предложено иного способа устранения ошибок, наличие которых не позволяло рассмотреть уголовное дело по существу²⁷³.

Прежнего механизма возвращения уголовного дела судом «на доследование» не стало. Подобное положение не устраивало ни практиков, ни законодателя. В создавшейся ситуации И.Л. Петрухин пришел к выводу о необходимости внесения в кодекс поправок двух возможных вариантов: 1) возвращение дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения; 2) введение особой процедуры для предъявления более тяжкого обвинения прокурором, когда дело уже находится в суде. Если же прокурор с этим не согласен, то суд должен вынести приговор по первоначально

²⁷² См.: См.: Ванян К.Д., Лысов Н.Н., Тащилин М.Т., Шуйский А.С., Гильманов И.Р., Костерин В.В. Указ. соч. С. 219, 220.

²⁷³ См.: Зиннатов Р.Ф. Реализация судебной власти на стадии подготовки дела к судебному заседанию в современном российском уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. 2006. Ижевск: Удмуртский госуниверситет. С. 16–17, 26 и след.

предъявленному обвинению, оговорив, что он делает это в соответствии с позицией прокурора, хотя данные судебного следствия эту позицию не подтверждают (в этом случае мотивировка в описательной части приговора должна отсутствовать)²⁷⁴.

Началась плодотворная работа над восстановлением прежней модели возвращения уголовного дела судом прокурору для предъявления более тяжкого обвинения. Это обосновывалось заботой о правах потерпевшего, но также и защитой публичного интереса, восстановлением справедливости²⁷⁵. Показательным в этом плане был и законопроект о введении принципа объективной истины, который увязывался и с восстановлением механизма возвращения судом уголовного дела на доследование²⁷⁶.

Изменения редакции статьи 237 УПК РФ в 2013-2014 годах запечатлели нелегкий поиск законодателем новой модели возвращения судом уголовного дела прокурору (на стадию предварительного расследования) без буквального повторения советской модели²⁷⁷.

Решающую роль «реаниматора» механизма возвращения уголовного дела судом прокурору «на доследование» сыграл Конституционный Суд РФ. Как отмечали некоторые исследователи, эволюция в позициях Конституционного Суда России по этому вопросу находилась в общем -

²⁷⁴ См.: *Петрухин И.Л.* Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе. С. 57.

²⁷⁵ См.: *Зыкин В.* Возвращение судом дел для дополнительного расследования: состояние и перспективы // *Российский следователь.* 2006. № 1. С. 7; *Тамбовцев В.В.* «Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе» и соблюдение прав человека, потерпевшего при отправлении правосудия // *Государство и право.* 2006. № 10. С. 122-126.

²⁷⁶ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] – URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1136/

²⁷⁷ См.: *Юнусов А.А., Калмыков В.Б.* Генезис позиций законодателя в вопросе возвращения уголовного дела прокурору // *Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института.* Серия 3: Правоведение – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2006. С. 119–130.

реакционном тренде, наметившемся в российской уголовно-процессуальной политике²⁷⁸.

Следуя позициям Конституционного Суда, законодатель дополнил статью 237 УПК РФ частью 1.1²⁷⁹. Затем последовало постановление Конституционного Суда России²⁸⁰. И сообразно обновленной конституционно-правовой позиции статья 237 была дополнена частью 1.2, а затем в ней появился и пункт шестой в части первой. Процесс восстановления прежней – советской модели возвращения уголовного дела судом прокурора для проведения дополнительного расследования, предполагающего возможность поворота к худшему был практически завершен.

Несмотря на все научные споры, которые ведутся в доктрине по сей день²⁸¹, надо признать, что в существующих условиях это единственно приемлемый способ удовлетворения насущной потребности судебно-следственной практики в механизме исправления следственных ошибок, выявившихся в суде. В модернизированном институте возвращения

²⁷⁸ См.: *Александров А.С., Лапатников М.В.* Восстановление института возвращения судом уголовного дела прокурору на доследование // *Уголовное право.* 2013. № 6. С. 77–79; *Александров А.С., Лапатников М.В., Терехин В.В.* От полу-состязательности – к полной инквизиционности: эволюция постсоветского уголовно-процессуального права // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2014. № 2(36). С. 124–127.

²⁷⁹ На этом этапе преобразования механизма возвращения судом уголовного дела прокурору можно было трактовать возможность возвращения уголовного дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения только при наступлении новых общественно опасных последствий, возникших после направления уголовного в суд, то есть ограниченно.

См.: *Александров А.С., Лапатников М.В.* Возврата к направлению дела на доследование не будет // *Уголовный процесс.* 2013. № 7. С. 10–14.

²⁸⁰ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного суда РФ от 02.07. 2013 г. № 16-П/2013 // *СЗ РФ.* 2013. № 28, ст. 3881.

²⁸¹ См.: *Муравьев К.В.* Суд как орган, исправляющий ошибки в применении уголовного закона // *Уголовный процесс.* 2013. № 11. С. 50–55; *Аристархов А.* Проблемы возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения путем предъявления более тяжкого обвинения // *Уголовное право.* 2014. № 1. С. 93–98.

уголовного дела прокурору в полной мере проявился смешанный тип современного российского уголовного процесса.

Пока сохраняется следственная процедура выдвижения обвинения иные варианты разрешения этого вопроса, которые есть в законодательстве других государств, невозможны. Именно в этом состоит значение связки запрета на поворот к худшему и процедуры возвращения судом уголовного дела в нижестоящий суд и прокурору: она определяет специфику современной уголовно-процессуальной модели.

Разумеется, полной аналогии между механизмом возвращения уголовного дела судом прокурору, предусмотренным ст. 237 УПК РФ, и уголовно-процессуальным механизмом, который был закреплен в статье 232 УПК РСФСР, нет. Но есть принципиальное, идеологическое сходство: оба они есть «сцепка» между *следственным досудебным производством* и относительно состязательным судопроизводством и в этом плане они есть продукт смешанного типа процесса, в котором и механизм выдвижения обвинения также имеет смешанный характер.

По мнению сторонников обновленной модели возвращения уголовного дела судом прокурору²⁸², главное отличие новой модели возвращения уголовного дела судом прокурору от прежней состоит в запрете для органа предварительного расследования выходить за пределы обстоятельств, установленных в ходе судебного разбирательства, при изменении обвинения в ходе дополнительного расследования. В этом проявляется запрет на поворот у худшему.

Однако, правовая реальность состоит в другом, а именно в том, что следователь является полным хозяином уголовного дела и обвинения. Он не

²⁸² См.: *Николюк В.В., Кальницкий В.В., Куряхова Т.В.* Возвращение дела прокурору для усиления обвинения стало возможным // Уголовное право. 2013. № 4. С. 84–89; *Тришева А. А., Решетова Н.Ю.* Возвращение судом уголовного дела прокурору: практика и новая позиция КС РФ // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 17; *Кальницкий В.В., Куряхова Т.В.* Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения // [Электронный ресурс] URL: <http://www.iuaj.net/node/1409> (дата обращения: 21.01.2023).

ограничен в праве получить новые обвинительные доказательства, хотя бы в ходе допроса обвиняемого, под предлогом проверки обстоятельств и доказательств, установленных судом. И у суда нет ни полномочий, ни оснований отвергнуть новые обвинения, выдвинутые следователем после проведения расследования по возвращенному уголовному делу. Другой судья будет рассматривать это уголовное обвинение по тому обвинению, по которому оно будет заново направлено в суд.

Как показывают исследования²⁸³, судьи, возвращая уголовное дело прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, исходят из того, что органы предварительного расследования, выполняя указания суда об устранении нарушений закона, в тоже время свободны в дальнейшем расследовании и квалификации действий обвиняемого, исходя из правил оценки доказательств в соответствии с положениями ст.ст. 17 и 88 УПК РФ.

Судебная практика дает представление о правовых стандартах применения норм, регулирующих возвращение судом уголовного дела ввиду выявившейся неполноты предварительного следствия. Так, в постановлении суда апелляционной инстанции об отмене постановления суда первой инстанции, которым уголовное дело было возвращено прокурору по основанию, предусмотренному пунктом 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ (в виду расхождения суммы похищенных средств, вменяемых в вину обвиняемым, тому, что было установлено проведенной в судебном следствии судебно-бухгалтерской экспертизой), отмечается: «органы предварительного расследования при предъявлении обвинения описали в соответствии со ст. 73 УК РФ, способ совершения преступления, время, место, обстоятельства, мотивы и цели, а также роль каждого из соучастников, в том виде и в том

²⁸³ См.: *Лапатников М.В., Урняева Г.Ю.* Возвращение дела прокурору: анализ судебной практики // Уголовный процесс. 2018. № 8. С. 22–33; *Бурмагин С.В., Барабанов П.К.* Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 45–53.

объеме, как было ими установлено, исходя из имевшихся у них доказательств. Из этого следует, что обвинительное заключение, утвержденное прокурором, в отношении А.С.М., И.Ю.К., М.А.А. и С.К.С. содержит тот объем предъявленного обвинения, который органы предварительного расследования посчитали в данном случае доказанным. При таких обстоятельствах принятое судом первой инстанции решение о возвращении дела прокурору нельзя признать законным и обоснованным, и соглашаясь в этой части с апелляционным представлением, суд апелляционной инстанции приходит к выводу об отсутствии у суда первой инстанции на данном этапе судебного разбирательства препятствий для рассмотрения уголовного дела по существу, в связи с чем, обжалуемое постановление подлежит отмене, а уголовное дело - передаче на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе»²⁸⁴.

Таким образом, правовой стандарт возвращения уголовного дела судом первой инстанции прокурору ввиду необходимости восполнения предварительного расследования поддерживается вышестоящей инстанцией. Как, впрочем, и свобода органа предварительного расследования распоряжаться обвинением по своему усмотрению, что и было подтверждено тем же решением Московского городского суда. Кроме того, надо признать верной указанную здесь судом апелляционной инстанции взаимосвязь уголовно-правового и уголовно-процессуального моментов в запрете на поворот к худшему²⁸⁵.

²⁸⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда 08.10.2019 по делу № 10-19458/2019 : А.С.М. (ст. 159, Ч. 4), И.Ю.К. (ст. 159, Ч. 4), М.А.А. (ст. 159, Ч. 4), Серебренников К.С. (Ст. 159, Ч. 4) (№ 01-0035/2019 (01-0767/2018)
URL:<https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/5db6bbb2-6461-408f-8e82-59b74181b668> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁸⁵ Тема о материальной, уголовно-правовой составляющей запрета на поворот к худшему уже затрагивалась нами в первом параграфе. В продолжение ее мы можем здесь еще раз подчеркнуть системную взаимосвязь запрета на поворот к худшему с уголовно-процессуальной формой применения норм уголовного права, а значит с общей правовой организацией противодействия преступности.

Опрошенные нами судьи и прокуроры разделяют мнение о том, что при дополнительном расследовании возвращенного судом уголовного дела орган предварительного расследования обязан исходить из тех фактов, что были установлены в судебном следствии против обвиняемого. Вместе с тем он самостоятелен в формулировании и выдвижении обвинения по уголовному делу²⁸⁶.

На наш взгляд, комплекс процессуальных правил, связанных с запретом на поворот к худшему и предоставляющих его развитие (ст. ст. 246, 252 УПК РФ), а равно исключения из него (ст. 237 УПК РФ) - позволяющих изменять обвинение в сторону ужесточения, составляют одну из краеугольных основ производства по уголовному делу, после того как оно поступает от прокурора в суд, и судья принимает его к производству. «Они самостоятельны, но в то же время тесно связаны между собой. Недопустимость ухудшения положения обвиняемого следует рассматривать как уголовно-правовую, а недопустимость нарушения права на защиту как процессуально-правовую гарантии для подсудимого»²⁸⁷.

Полагаем, что восстановление института возвращения уголовного дела прокурора с дополнительным ограничителем в виде запрета для следователя проводить дополнительное расследования можно считать временной мерой. Более последовательным решением было бы введение новой – судебной процедуры выдвижения обвинения, как это было по Уставу Уголовного Судопроизводства.

Такова наша позиция по вопросу о взаимосвязи запрета на поворот к худшему с процедурой выдвижения публичного обвинения и процедурой возвращения прокурором или судом уголовного дела публичного обвинения органу предварительного расследования, допускающую поворот к худшему в ходе дополнительного расследования.

²⁸⁶ См.: Ответы судей на вопрос № 32, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопрос № 28, Таблица 2.2; ответы адвокатов на вопросы № 29, Таблица 2.3.

²⁸⁷ См.: *Бравилова Е.А.* Пределы судебного разбирательства: дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 10.

Между тем, существует и частное обвинение, по отношению к которому также уместно рассмотреть проявления запрета на поворот к худшему.

Частное обвинение согласно статье 20 УПК РФ является разновидностью обвинения. В теории частное обвинение принято относить к явлениям, которые являются исключениями из общего публично-правового порядка ведения уголовных дел. Именно частная природа обвинения определяет порядок производства дел частного обвинения, который не включает следственных стадий досудебного производства, обязательных при производстве по делам публичного и частно-публичного обвинения²⁸⁸.

Согласимся с тем, что именно к частному обвинению концепция уголовного иска подходит более всего²⁸⁹. Процедура частного обвинения является судебной. Право на частное обвинение находится в полном распоряжении потерпевшего. Потерпевший выдвигает частное обвинение перед мировым судьей и в дальнейшем изменение этого обвинения также происходит в судебном порядке. Заявление потерпевшего – заявителя, частное обвинение можно трактовать как требование к суду о проверке на достоверность утверждения о совершении лицом, в отношении которого оно подано, преступления и эвентуально – применения к нему меры уголовной ответственности, предусмотренной законом за совершенное преступление.

Потерпевший-заявитель, а затем частный обвинитель является субъектом диспозитивного права на частное обвинение, то есть он обладает полной свободой распоряжения правом на выдвижение обвинения, определения его предмета и его доказывание в том, что связано с представлением своих доказательств и участия в исследовании доказательств.

²⁸⁸ См.: *Дорошков В.В.* Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения: монография. М.: Изд-во НОРМА - ИНФРА-М, 2001. С. 9–30; *Катькало С.И., Лукашевич В.З.* Судопроизводство по делам частного обвинения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. С. 12, 19.

²⁸⁹ См.: *Полянский Н.Н.* К вопросу о юридической природе обвинения перед судом // Правоведение. 1960. № 1. С. 105–115; *Жирова М.Ю.* Исковая природа частного обвинения // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 4 (85). С. 289–295.

Предмет и пределы уголовного правового спора, подлежащего разрешению мировым судьей, полностью находится в распоряжении частного обвинителя. Он вправе отказаться от него в любой момент производства по делу вплоть до удаления мирового судьи в совещательную комнату, формой отказа выступает и неявка частного обвинителя в суд без уважительных причин²⁹⁰.

Несмотря на специфику, на частное обвинение распространяются общие правила о порядке выдвижения обвинения. Выполнение этих правил обеспечивается непосредственным участием мирового судьи в процедуре выдвижения и поддержания частного обвинения. Правило о запрете на поворот к худшему входит в их число.

Частное обвинение и процедура производства по уголовным делам частного обвинения специфичны, что весомо сказывается и на проявлении принципа запрета на поворот к худшему при выдвижении и поддержании частного обвинения потерпевшим.

Как отмечается в научной литературе, в ходе подготовительного этапа мировой судья должен вынести два постановления: постановление о принятии заявления к своему производству и постановление о назначении дела к рассмотрению в судебном заседании, в случае если примирение сторон не достигнуто²⁹¹.

Полагаем, что под понятие выдвижения обвинения подпадают действия заявителя-потерпевшего и мирового судьи, регулируемые частями 1-2, 6-8 статьи 318 и статьей 319 УПК РФ. С нашей точки зрения, возбуждение

²⁹⁰ Неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин повлечет прекращение уголовного дела в связи с отсутствием события преступления.

См.: По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2021 № 13-П /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.10. 2022).

²⁹¹ См.: *Дорошков В.В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: Норма, 2004. С. 184.

уголовного дела частного обвинения включает первоначальную часть выдвижения частного обвинения. При этом суд сохраняет беспристрастность и не должен выполнять функцию обвинения. На него распространяется соблюдение запрета на поворот к худшему: своими действия и решения он ни прямо, ни косвенно не должен привести к худшему положение лица, в отношении которого потерпевшим – частным обвинителем выдвигается обвинение.

Выдвижение частного обвинения включает в себя следующие действия потерпевшего-заявителя и мирового судьи: подача потерпевшим заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения, в котором излагается требование о привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего в отношении него преступления, вынесение мировым судьей постановления о принятии заявления к своему производству, очное или заочное ознакомление с постановлением мирового судьи обвиняемого, вынесение мировым судьей постановления о назначении судебного заседания, оглашение в начале судебного следствия частным обвинителем сущности обвинения.

На наш взгляд, запрет на поворот к худшему распространяется на предъявление частного обвинения обвинителем в судебном заседании. Однако по причине отсутствия следственного досудебного производства и участия прокурора, принцип запрета на поворот к худшему, будучи гарантией права на защиту от обвинения, адресован мировому судье. Именно мировой судья должен обеспечивать через соблюдение данного принципа (1) баланс интересов частного обвинителя и обвиняемого, тождество предмета обвинения и предмета уголовно-правового спора сторон, пределы судебного разбирательства.

Прежде всего следует обратить внимание на первый этап выдвижения заявителем-потерпевшим обвинения.

Из системного толкования части 1 ст. 318, частей 1-3 статьи 319 УПК РФ вытекает то, что мировой судья в течении семи суток с момента

поступления заявления потерпевшего обязан (1) вызвать заявителя и предупредить его об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, (2) проверить заявление на соответствие требований статей 318-319 УПК РФ, (3) вынести постановление о принятии заявления к производству, (4) разъяснить потерпевшему права частного обвинителя, предусмотренные статьей 43 УПК РФ, (5) вызывает лицо в отношении, которого возбуждено уголовное дело и выдвинуто частное обвинение для выполнения требований, закрепленных в части третьей ст. 319 УПК РФ. Кроме того, по смыслу части пятой статьи 319 УПК РФ во взаимосвязи с частью шестой статьи 318 и части 2 ст. 20 УПК РФ мировой судья до вынесения постановления о назначении судебного заседания, в котором частный обвинитель вправе окончательно определиться с формулой обвинения, предъявляемой обвиняемому, должен принять меры по примирению сторон. Такая обязанность возникает у мирового судьи в том случае, если частный обвинитель выразит готовность обсуждать условия примирения, после разъяснения ему мировым судьей такого права (ч. 6 ст. 318, ч. 5 ст. 319 УПК РФ).

Сделать все это в семисуточный срок не реально, что и подтверждается практикой²⁹². Как отмечается исследователями²⁹³, на практике заявление подается не непосредственно мировому судье, а через канцелярию участка мировых судей, где оно регистрируется, а затем передается мировому судье того участка, на территории которого совершено предполагаемое преступление. Уже на этом этапе семисуточный срок не соблюдается. Производство формализовано и ведется в письменном виде, то есть путем обмена документами. Мировые судьи избегают непосредственного общения с заявителями. Постановление о возвращении заявления потерпевшему для

²⁹² См.: Практика рассмотрения уголовных дел в порядке частного обвинения // Сайт Пензенского областного суда. 2014. 2 дек. URL: <http://www.oblsud.penza.ru/item/a/899> (дата обращения: 12.04.2022).

²⁹³ См.: *Белкин А.Р.* Тонкости и недомолвки производства у мирового судьи // Мировой судья. 2020. № 8. С. 3–10; *Титов П.М.* Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 69–77.

доработки ввиду невыполнения требований статьи 318 УПК РФ направляется по почте. При этом иногда срок, отведенный мировым судьей для составления нового заявления, истекает к моменту, когда копия постановления судьи поступает к заявителю²⁹⁴. Кроме того, заявитель в отсутствие непосредственного общения с мировым судьей не всегда способен правильно понять и выполнять его требования. Подобный опосредованный способ общения заявителя и мирового судьи является бюрократическим, формальным ограничением права человека на судебную защиту, предусмотренного ст. 46 Конституции РФ, от совершенного преступления.

В связи с вышеизложенным предлагаем дополнить статью 318 УПК РФ нормой следующего содержания: «1.1. После регистрации заявления мировой судья в течение 10 суток должен вызвать заявителя для разрешения вопросов, связанных с принятием заявлением к производству».

Для повышения эффективности общения между судьей и заявителем-потерпевшим предпочтительнее технические средства связи. Поэтому заявителю сразу необходимо указать в своем заявлении на необходимость обращения к нему посредством смс-сообщений или другим каналам связи.

Следует подчеркнуть, во-первых, обязательность непосредственной встречи мирового судьи с заявителем-потерпевшим. На практике этого не происходит. Мировые судьи, следуя примеру коллег – федеральных судей – максимально избегают прямого общения с гражданами, консультаций по правовым вопросам не дают. Во-вторых, мы придерживаемся точки зрения²⁹⁵ о недопустимости вынесения постановления о возвращении заявления

²⁹⁴ См.: *Парфенова М.В.* К вопросу о возбуждении уголовных дел частного обвинения // Мировой судья. 2007. № 3. С. 5–7; *Григорьев В.Н., Голубов И.И., Селютин А.В.* Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел частного обвинения // Мировой судья. 2006. № 3. С. 2–4; *Благинина Ю.Н.* Некоторые проблемы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 396–406.

²⁹⁵ См.: *Головинская И.В., Поликарпова М.Ж.* Проблемы возбуждения и рассмотрения уголовных дел частного обвинения // Современное право. 2020. № 5. С. 85–93.

потерпевшему в отсутствии первоначального, непосредственного контакта с ним мирового судьи, без разъяснения ему его прав и обязанностей, ответственности по статье 306 УК РФ.

Мировой судья обязан оказать содействие заявителю, сформулировать суть его правопритязания, но при этом не выполнять функцию обвинения и соблюдать принцип запрета на поворот к худшему.

На этапе формулирования обвинения потерпевшим в заявлении мировой судья не должен оказывать влияния на его волю, но вправе оказать содействие в правильной юридической формализации проявления воли потерпевшего.

Заявитель должен совершенно самостоятельно выразить свою позицию, сформулировать свое утверждение о совершении определенным лицом против него преступления и требование о привлечении этого лица к уголовной ответственности.

Поэтому в постановлении мирового судьи о возвращении заявления потерпевшему-заявителю не должно содержаться формулировок и требований, навязывающих позицию судьи о предмете обвинения, квалификации преступления, круга лиц, причастных к совершению преступления.

Полагаем, что заявление может направляться неограниченное число раз на доработку заявителю. В этом нет нарушения запрета на поворот к худшему. Невыполнение заявителем требований мирового судьи с первого раза не может быть признано формальной причиной для вынесения мировым судьей постановления об отказе в принятии заявления потерпевшего. Вместе с тем мировой судья может заранее в письменном виде под роспись предупредить заявителя о том, что невыполнение данных ему указаний повлечет отказ в принятии заявления.

Считаем, что постановление судьи о возвращении заявителю-потерпевшему заявления может быть предметом апелляционного обжалования со стороны заявителя в районный (городской) суд.

Как показывает практика, мировые судьи, проявляя формализм, требуют указать точный адрес лица, в отношении которого подается заявление (п. 4 ч. 5 ст. 318 УПК РФ) притом, что в заявлении указывается место работы, телефон и прочие данные, не оставляющие сомнений в личности лица, которое заявитель требует привлечь к уголовной ответственности. В отсутствие непосредственного контакта с заявителем мировой судья выносят иногда постановление о возвращении заявления на доработку. А иногда даже находят основание для предложения потерпевшему обратиться в полицию, ссылаясь на часть 4 ст. 20, часть 3 статьи 318 УПК РФ или принимают решение о направлении материалов в орган дознания, руководствуясь ч. 1.2. ст. 319 УПК РФ. В этом можно усмотреть стремление избавиться от дела частного обвинения²⁹⁶.

Полагаем, что еще до вынесения постановления о принятии заявления к производству мировой судья может оказать содействие заявителю в получении сведений, позволяющих конкретизировать обвинение с материально-правовой и фактической сторон. Требование об этом может быть сразу изложено потерпевшим в заявлении²⁹⁷.

В этой связи предлагаем дополнить статью 318 УПК РФ следующей нормой: «6.1. Мировой судья по просьбе заявителя вправе оказать ему содействие в получении сведений, необходимых для формулирования обвинения и конкретизации сведений, предусмотренных частью 5 наст. статьи, как до принятия его заявления к производству, так и до назначения судебного заседания».

Мировой судья вызывает потерпевшего после получения запрошенных по его просьбе материалов и сведений и далее назначает срок, в течение

²⁹⁶ См.: Орлова А.А. Производство по уголовным делам частного обвинения: к вопросу об оптимизации правового регулирования // Мировой судья. 2022. № 8. С. 21–25.

²⁹⁷ См.: Александров А.С. Комментарий к статье 318 УПК РФ /Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 716–717.

которого потерпевший обязан представить в окончательном виде заявление о возбуждении уголовного дела частного обвинения.

Мировой судья при решении вопроса о вынесении постановления о принятии заявления потерпевшего к производству, то есть на этапе возбуждения уголовного дела не уполномочен входить в разрешение вопросов о соответствии утверждения заявителя действительности. Он не вправе предъявлять заявителю требований в этом плане. Если судья установит, что заявление потерпевшего соответствует и с формальной, и с содержательной сторон требованиям закона, то согласно части 3 ст. 319 УПК РФ это будет основанием для назначения им судебного заседания.

После принятия мировым судьей заявления уголовное дело считается возбужденным. Постановление мирового судьи о принятии заявления потерпевшего к своему производству считаем вторым элементом процедуры выдвижения обвинения. На него распространяется запрет на поворот к худшему. Мировой судья ни прямо, ни косвенно не вправе выйти за пределы правопритязания частного обвинителя ни по предмету обвинения, ни по предмету и пределам его доказывания. При этом надо исходить, что сформулированное в заявлении предмет и является тем, что составит предмет судебного процесса.

Еще одно действие, которое мировой судья должен совершить после принятия заявления к своему производству – это разъяснение потерпевшему его права на примирение и предоставление возможности для примирения, если от заявителя такое согласие при выдвижении каких-то условий будет получено²⁹⁸. Заявитель вправе объяснить, на каких условиях он согласен на примирение, изложив их в письменном виде. Мировой судья обязан в таком случае приобщить их к материалам дела.

²⁹⁸ См.: *Александров А.С.* Комментарий к статье 318 УПК РФ /Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 715–720.

Согласно части 3 ст. 319 УПК РФ мировой судья знакомит обвиняемого с материалами уголовного дела, и выясняет, кого, по мнению обвиняемого, необходимо вызвать в суд в качестве свидетелей защиты, о чем у него берется подписка. Мы предлагаем изложить часть третью статьи 319 УПК РФ в следующем виде: «3. При наличии оснований для назначения судебного заседания мировой судья в течение 10 суток после вынесения постановления о принятии заявления вызывает лицо, в отношении которого подано заявление, знакомит его с материалами уголовного дела, вручает копию поданного заявления, разъясняет права подсудимого в судебном заседании, предусмотренные ст. 47 УПК РФ».

С момента получения подписки у лица, в отношении которого подано частное обвинение, или установления факта получения им копий постановления судьи и заявления потерпевшего при неявке к мировому судье в назначенный день, он становится обвиняемым, правовой статус которого урегулирован статьей 47 УПК РФ. Это третий этап выдвижения обвинения. Формула обвинения, уголовно-правовая квалификация деяния с этого момента должна оставаться неизменной, а фактическая сторона дела не должна меняться существенно и только в сторону улучшения положения обвиняемого. Например, путем исключения отдельных эпизодов преступной деятельности обвиняемого.

По смыслу закона мировой судья должен до назначения судебного заседания разъяснить потерпевшему его права на примирение и предоставление возможности для примирения, если от заявителя такое согласие при выдвижении каких-то условий будет получено²⁹⁹. Заявитель вправе объяснить, на каких условиях он согласен на примирение, изложив их в письменном виде. Мировой судья обязан в таком случае приобщить их к материалам дела.

²⁹⁹ См.: Александров А.С. Указ. соч. С. 726.

Разделяем позицию, согласно которой мировой судья должен оказывать сторонам в получении доказательств³⁰⁰. Мировой судья обязан оказать содействие как частному обвинителю так и обвиняемому в получении доказательств в пользу защиты посредством направления запросов в органы государственной власти и в организации о представлении информации, в том числе получение у сотовых операторов информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, цифровой информации, полученной автоматизированные системами контроля и наблюдения, принадлежащим как государственным органам, так и частным организациям.

Придерживаемся концепции расширения прав частных субъектов доказывания через предоставление им возможности прибегать к помощи суда (мирового судьи), а также использования общедоступных технических средств получения цифровой информации³⁰¹. Доказывание по уголовным делам частного обвинения представляет простор для реализации данной концепции.

Предлагаем в развитие вышеуказанных идей включить в статью 318 УПК РФ следующие нормы: «3.1. Мировой судья при подготовке дела к слушанию обязан оказать содействие сторонам в получении доказательств посредством направления запросов в органы государственной власти и в организации о представлении информации, в том числе получение у сотовых операторов информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, цифровой информации, полученной автоматизированные системами контроля и наблюдения, принадлежащим как государственным органам, так и частным организациям. 3.2. После назначения судебного заседания для рассмотрения дела по существу мировой

³⁰⁰ См.: *Дорошков В.В.* Нужна ли ликвидация частного обвинения? // Мировой судья. 2021. № 4. С. 3–11.

³⁰¹ См.: *Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А.* О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.

судья вправе получать новые доказательства по делу только для проверки доказательств, представленных сторонами».

Следующий этап в выдвижении обвинения – это назначение мировым судьей рассмотрение уголовного дела в судебном заседании.

На наш взгляд, до начала судебного следствия при вынесении мировым судьей постановления о соединении заявлений в случае выдвижения противной стороной встречного обвинения согласно части 3 ст. 320 УПК РФ возможно и изменение первоначального обвинения. При этом материальный, уголовно-правовой аспект изменен быть не может, но фактическая сторона обвинения может быть изменена частным обвинителем.

И наконец, завершающим этапом выдвижения частного обвинения является оглашение его обвинителем в начале судебного следствия. Частный обвинитель обязан изложить сущность, выдвигаемого им против подсудимого обвинения, строго придерживаясь той формулы, которая нашла закрепление о постановлениях мирового судьи о принятии заявления к производству и назначении судебного заседания.

В ходе судебного разбирательства возможно изменение частным обвинителем обвинения в лучшую для обвиняемого сторону. Руководствуясь статьей 252 УПК РФ мировой судья обязан рассматривать дело только в пределах поддерживаемого частным обвинителем обвинения. В случае отказа частного обвинителя от поддержания обвинения полностью или частично судья прекращает дело в части или полностью.

Таковы, на наш взгляд, особенности процедуры выдвижения частного обвинения и проявления запрета на поворот к худшему в этой процедуре. Полагаем, что процедура выдвижения частного обвинения перед мировым судьей может быть усовершенствована (в свете принципиального запрета на поворот к худшему) через предлагаемые нами изменения уголовно-процессуального закона.

Выводы по параграфу.

Форма публичного обвинения есть концентрированное выражение типа процесса и запрет на поворот к худшему следует этой закономерности: чем более развито состязательное начало в уголовно-процессуальной форме, тем более он категоричен и последовательно выражен.

Если эта форма является абсолютно следственной, то и запрета государству на поворот к худшему нет. Если в уголовно-процессуальной форме появляется элемент если не состязательности, то официального признания разделения властей и возможности спора между ними, то появляется некое подобие анализируемого нами запрета.

Содержание этого запрета, включающее систему правил, в том числе изъятия из него, обусловлены общей уголовно-процессуальной формой современного российского уголовного судопроизводства.

Полное содержание запрета на поворот к худшему раскрывается только в уголовно-судебной форме, в которой содержатся отношения обвинителя – суда – защиты.

Запрет на поворот к худшему распространяется на все виды обвинения, на предварительное расследование и судопроизводство по уголовным делам. Для дел частного обвинения существует особый частно-диспозитивный правовой режим действия данного запрета. Начало ревизионности в этой уголовно-процессуальной форме сходит на нет: мировой судья не вправе проявлять активность в изобличении обвиняемого/подсудимого.

Сущность запрета на поворот к худшему неразрывно связана с публичным обвинением в следственной форме. Разделение следственной и прокурорской властей создает предпосылку для появления такого запрета, как средства регулирования отношений представителей этих двух властей государства. Но эта предпосылка и самый запрет не принципиальны, поскольку связаны с разделом внутри обвинительно-следственной системы, которая в своем единстве противостоит защите и отделена от судебной власти. Не менее важно и то, что само обвинение носит предварительный

характер и его предъявление не предполагает наступления материально-уголовно-правовых последствий в полном объеме.

Ввиду следственного порядка выдвижения обвинения по делам публичного и частно-публичного обвинения правило о запрете на поворот к худшему начинает действовать только с момента поступления дела прокурору для принятия решения о его направлении в суд.

Можно выделить досудебную модификацию запрета на поворот к худшему, которая встроена в процедуру возвращения уголовного дела прокурором следователю (дознавателю) и последующее изменение обвинения следователем, дознавателем.

В свернутом виде данный запрет можно трактовать как квази-запрет, адресованный прокурору, который решает вопрос о направлении дела в суд. Его можно трактовать и как «прото-запрет», для его раскрытия отсутствует полное трех-субъектное уголовно-процессуальное отношение: обвинитель-суд-обвиняемый.

Данный запрет на поворот к худшему проявляется, хотя и в ограниченном виде в самостоятельной части процесса, регулируемой главой 31 и другими нормами кодекса, которыми определяются действия и решения прокурора по поступившему к нему от органа предварительного расследования уголовному делу.

Вхождение запрета на поворот к худшему в механизм возвращения прокурором уголовного дела является закономерным результатом сложившейся системы отношений между органом предварительного расследования и надзирающим прокурором и порядком перехода уголовного дела из стадии предварительного расследования в стадию подготовки к судебному разбирательству.

При всей значимости прокурорского запрета на поворот обвинения к худшему при переходе уголовного дела из досудебного производства в судебное нельзя не понимать, что в полной мере он раскрывается и

становится действительно важнейшим правилом уголовно-процессуальной игры только тогда, когда в нее непосредственно вступает суд.

Судебная форма запрета на поворот к худшему в смешанном уголовном процессе связана с процедурой возвращения судом дела прокурору. Институт возвращения уголовного дела судом прокурору в принципиальном плане надо оценивать как способ обхода запрета на поворот к худшему. Возвращение судом дела прокурору есть своего рода «поправка» или конструктивное дополнение к запрету на поворот к худшему: с механизмом возвращения уголовного дела судом прокурору для предъявления более тяжкого обвинения, это уже не просто запрет на поворот к худшему, а качественно другой. Восстановление данного механизма наполняет новым содержанием этот запрет: смягчает его императивность и имеет тенденцию к выхолащиванию его сущности – сдерживания суда в выполнении функции обвинения, т.е. сохранения стандарта справедливости, объективности правосудия. Через эту процедуру возникает смычка – суд дает таким образом обвинению, то есть прокурору и органу предварительного расследования получить новые обвинительные доказательства для предъявления нового обвинения, то есть изменить положение обвиняемого к худшему.

При выдвижении и изменении частного обвинения, которое находится в полном распоряжении потерпевшего, режим соблюдения запрета на поворот к худшему качественно иной: не следственный, а частно-диспозитивный. Мировой судья обязан вести процесс в пределах правопритязания частного обвинителя: по предмету обвинения и его доказывания.

Принципиально новое решение проблемы изменения в суде обвинения в худшую для подсудимого сторону требует системной реформы всего уголовного процесса и прежде всего – переход на судебный порядок выдвижения обвинения.

Все, что здесь было сказано в данном параграфе и в целом – в главе о сущности и содержании запрета на поворот к худшему, имело общий и предварительный характер. Конструктивное правовое значение недопустимости изменения обвинения в худшую для обвиняемого сторону не ограничивается определением изменения обвинения, оно касается и решения вопросов изменения наказания, оснований оправдания и пр. Поэтому в следующей главе сосредоточимся на исследовании судебной формы преобразования уголовно-преследуемого лица под воздействием обвинения.

Глава II. ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАПРЕТА НА ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ В РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Запрет на поворот к худшему в стадии назначения судебного разбирательства и при рассмотрении уголовного дела по существу³⁰²

Действие запрета на поворот к худшему обычно обсуждается в судебно-контрольных инстанциях уголовного процесса. Однако, мы выступаем за придание ему глобального значения.

Полагаем правомерным рассматривать данный запрет «принципиальным» для всех судебных стадий, включая стадии назначения судебного заседания и судебного разбирательства (раздел 9 УПК РФ).

Подобный вывод и ранее делался некоторыми учеными³⁰³, которые выводили запрет на поворот к худшему из другого уголовно-процессуального предписания: недопустимости изменения обвинения против обвиняемого (подсудимого) в суде³⁰⁴.

В данном параграфе исследуем действие анализируемого нами запрета в первых двух судебных стадиях: стадии назначения судебного разбирательства (главы 33–34 УПК РФ) и стадии судебного разбирательства (главы 36–39 УПК РФ)³⁰⁵.

³⁰² В параграфе использовалась ранее опубликованная работа автора: См.: *Будылин Н.В.* Действие запрета на поворот к худшему при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции // *Общество и право.* 2022. № 1 (79). С. 52–58.

³⁰³ См.: *Альшевский Т.В.* Пределы прав суда при рассмотрении уголовных дел в кассационном порядке и в порядке надзора // *Советское государство и право.* 1956. № 6. С. 76; *Гальперин И.М.* Проблема «reformatio in rejus» в уголовном процессе // *Советское государство и право.* 1949. № 3. С. 60; *Калашикова Н.Я.* Гарантия права обвиняемого на защиту при изменении обвинения и наказания. М., 1975. С. 9–10.

³⁰⁴ См.: *Калашикова Н. Я.* Вопрос о запрете преобразования к худшему в УПК РСФСР 1960 г. // *Вестник Московского университета.* 1972. № 1. С. 20.

³⁰⁵ Мнение опрошенных нами практиках о действии запрета на поворот к худшему в этих стадиях отражено в следующих данных: ответы судей на вопросы №№ 22, 26-27, Таблица

Предварительно сделаем несколько замечаний относительно запрета на поворот к худшему в указанных стадиях уголовного судопроизводства с учетом уже сказанного в предыдущем параграфе.

Запрет на поворот к худшему, будучи неразрывно связан с обвинением и доказыванием в суде, выступает не только гарантией прав подсудимого на защиту, но и определяет предмет и пределы судебного разбирательства и судебного доказывания.

Этим запретом председательствующий судья обязан руководствоваться как при рассмотрении уголовного дела, так и при принятии решения. Возвращение уголовного дела прокурору является дополнительной компетенцией суда при выполнении функции правосудия и руководства процессом. Принципиальным отличием от досудебного производства является то, что судопроизводство является состязательным. Поэтому и запрет на поворот к худшему и изъятия из него, включая институт возвращения уголовного дела прокурору, погружены в состязательный контекст.

Ранее нами была выявлена связь анализируемого запрета с принципами процесса: состязательностью, презумпцией невиновности и обеспечением права на защиту. Это подчеркивается в судебных решениях: «... суду необходимо принять меры к обеспечению состязательности, равенства сторон, к обеспечению требований закона о пределах судебного разбирательства»³⁰⁶.

В продолжение этого надо указать его связь с общими условиями судебного разбирательства³⁰⁷, перечисленными в главе 35 УПК РФ. На наш взгляд, о прямой связи данного запрета можно говорить применительно к

2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 19, 22-23, Таблица 2.2; ответы адвокатов на вопросы №№ 21, 25-26, Таблица 2.3.

³⁰⁶ Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2007 по делу № 46-Д07-35 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15 декабря 2022 г.).

³⁰⁷ Как известно, общие условия (начала) стадии являются продолжениями принципов при применительно к специфике производства по делу в данной стадии. См. об этом, напр.: Уголовный процесс России: Учебник / Науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 490–491.

равенству сторон (ст. 244 УПК РФ), пределам судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ), а также участия обвинителя (ст. 246 УПК РФ), защитника (ст. 248 УПК РФ).

Прежде всего, надо указать на взаимосвязь запрета на поворот к худшему с общим условием судебного разбирательства, предусмотренным ст. 252 УПК РФ, которое ставит в зависимость пределы судебного разбирательства от предмета обвинения.

Императив о неизменности обвинения, закрепленный в части 1 ст. 252 УПК РФ, о прямой связи предмета судебного разбирательства с предметом обвинения (уголовного иска), сформулированный учеными-классиками, прошел проверку столетиями и вошел в современную позитивно-правовую модель уголовного судопроизводства.

Неизменность обвинения в суде в дореволюционной русской уголовно-процессуальной науке называлось «правилом о тождестве уголовного иска», включающего запрет *для суда* перейти на более тяжкое обвинение по сравнению с тем, по которому был предан суду обвиняемый³⁰⁸.

При этом И.Я. Фойницкий признавал всю сложность вопросов о пределах допустимости изменения обвинения на судебном следствии, возникающих в ситуации, когда в ходе судебного расследования изменяются первоначальные выводы обвинения и появляются основания для иного обвинения³⁰⁹. В целом, несмотря на определенные колебания судебной практики, дореволюционная уголовно-процессуальная доктрина выработала позицию, согласно которой, в случае выявления на судебном следствии нового, тяжкого преступления, самостоятельного и конкурирующего с первоначально вмененным в вину обвиняемому по обвинительному акту преступлению, дело должно быть судом «обращено к предварительному

³⁰⁸ См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий (ст. 595–764) / Под ред. проф. М.Н. Гернета. Выпуск 4. М., 1916. С. 967; *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. Изд. 3-е, пересмотренное и дополненное. СПб.: Сенатская типография, 1902. Т. 2. С. 414.

³⁰⁹ См.: *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. С. 415–416.

следствию и составлению нового обвинительного акта» (ст.ст. 752, 753 Устава уголовного судопроизводства)³¹⁰. Если же было установлено менее тяжкое преступление, то вопрос о дополнении первоначального обвинения новым оставляется на усмотрение суда. Опираясь на практику применения ст. 612 Устава, указывал на возможность суда обеспечить защите условия для подготовки к новому обвинению, и что в этих целях может быть приостановлено производство по делу³¹¹. Не все были согласны с такой постановкой. В свое время М.В. Духовской писал, что подсудимого можно наказать лишь за то, в чем его обвиняли, а между тем обвинения в этом меньшем преступлении ему не предъявлялось. Поэтому он поддерживал предложение о возможном дополнении обвинения в суде лишь с согласия подсудимого³¹².

Особое значение ученые придавали влиянию запрета на поворот к худшему на определение предмета судебного следствия и судебного доказывания, а потому и критерия относимости судебных доказательства³¹³. По данному вопросу дореволюционной доктриной был сформулирован целый ряд требований, не утративших актуальности и до настоящего времени³¹⁴. Не вдаваясь в их перечисление, скажем, что общий смысл ныне закреплен в части 7 статьи 246 и ст. 252 УПК РФ, а также выражен в целом ряде позиций, сформулированных судебной властью.

В советское время теория и практика снова искала ответы на вопросы о том, как должна быть разрешена ситуация с изменением обвинения в суде. В целом подходы отечественного законодателя и доктрины оказались схожими с позициями, сформулированными досоветской уголовно-процессуальной

³¹⁰ См.: *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. С. 416.

³¹¹ См.: *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. С. 416.

³¹² См.: *Духовской М.В.* Русский уголовный процесс. М., 1908. С. 336.

³¹³ См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий (ст. 595–764) / Под ред. проф. М.Н. Гернета. Выпуск 4. М., 1915. (С. 945–1277). С. 967.

³¹⁴ См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий (ст. 595–764) / Под ред. проф. М.Н. Гернета. Выпуск 4. М., 1915. С. 966–973; *Александров А.С., Фролов С.А.* Относимость уголовно-процессуальных доказательств: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011. С. 143–153.

доктриной. Хотя запрет на поворот к худшему ослабел. Главную роль в этом сыграла теория объективной истины. Эта теория подтверждает необходимость активности суда в доказывании, а потому оправдывала взятие им на себя инициативы по установлению фактов против подсудимого и использования их против него (ст.ст. 255, 256 УПК РСФСР), то есть выполнение функции обвинения.

Заметим, что тезис об активном суде в судебном разбирательстве и в доказывании сохраняется и в отечественной уголовно-процессуальной науке. Под данную концепцию подводится теоретико-идеологическая основа в виде императива о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела³¹⁵, который обязан выполнять суд (судья, председательствующий в судебном заседании). Сторонники этого подхода ссылаются на необходимость восстановления исторической роли российского суда как органа, устанавливающего истину по делу, а не разрешающего конкретный уголовно-правовой спор обвинения и защиты³¹⁶.

Хотя, по нашему мнению, угроза поворота к худшему заключается именно в активности суда в доказывании, в восстановлении положения, когда председательствующий судья ведет судебное следствие, как это было закреплено в советском уголовно-процессуальном праве.

Можно согласиться с тем, что судья не должен быть ограничен в выборе средств проверки обвинения³¹⁷. Однако, уже в меньшей степени разделяем точку зрения М.П. Бобылева о том, что суд обязан восполнить недостаточную активность в доказывании любой из сторон, если сторона (в том числе, подразумевается и сторона обвинения) не представит всех необходимых доказательств³¹⁸. Это означает, подмену пассивности стороны обвинения активностью суда, то это и есть фактическое выполнение судом

³¹⁵ См.: *Бобылев М.П.* Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России: дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 11.

³¹⁶ См.: *Бобылев М.П.* Указ. соч. С. 11, 12.

³¹⁷ См.: *Бобылев М.П.* Указ. соч. С. 12.

³¹⁸ См.: *Бобылев М.П.* Указ. соч. С. 123.

функции обвинения, а значит и нарушение запрета на поворот к худшему, который неизбежен при активности суда в пользу обвинения.

Впрочем, в отечественной доктрине уголовного процесса издавна преобладала позиция, согласно которой сам суд не может изменить обвинение в худшую сторону, единственным способом исправления ошибки следствия для суда первой инстанции – это возвращение уголовного дела на доследование.

В свое время была сформулировано: «Всякое расширение объема обвинения в суде без направления дела на доследование для предъявления обвинения нарушает право обвиняемого на защиту»³¹⁹.

Это положение сохраняет актуальность и в наше время. Оно воспроизводится в позициях Конституционного Суда РФ: «если же изменение обвинения влечет за собой нарушение права подсудимого на защиту, суд может направить дело для дополнительного следствия или дознания»³²⁰.

Итак, классической трактовке тождества обвинения и предмета судебного разбирательства, поддерживаемого соблюдением запрета на преобразование к худшему, которая сложилась еще в царском уголовном судопроизводстве, приходилось и приходится выдерживать давление концепции объективной истины, сторонников тезиса об активности суда, которые выступают за наделение суда обвинительными полномочиями, ослабление запрета на изменение обвинения в худшую сторону обвинения³²¹.

³¹⁹ См.: *Грбовенко Я.В., Строгович М.С.* Обвиняемый. Гарантии прав личности в уголовном процессе // Демократические основы советского социалистического правосудия / Под ред. члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича. М. Изд-во «Наука», 1965. С. 251.

³²⁰ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорова Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 254 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2001 № 168-О / СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12 декабря 2022 г.).

³²¹ См.: *Пашкевич П.Ф.* Процессуальные формы уголовного судопроизводства надо дифференцировать // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 54–56; *Бобылев М.П.* Указ. соч. С. 12, 13; *Гаврилов Д.Б.* Возвращение уголовного дела для производства

Однако эта позиция не получила поддержки, а была подвергнута критике именно с позиции необходимости следования запрету на поворот к худшему³²².

Можно согласиться с тем, что формулировки, содержащиеся в части 1 и части 2 статьи 252 УПК РФ являются результатом исторического развития и идеологической борьбы³²³. Добавим, что это развитие, несмотря на колебания и отступления, в целом шло в сторону укрепления прав подсудимого и гарантирования возможности защиты от обвинения. Поэтому полагаем, что в целом, правовой стандарт, закрепленный в частях 1 и 2 статьи 252 УПК РФ, развивался в сторону состязательности.

Разрешен только поворот к лучшему как в части смягчения обвинения, так и обеспечения защиты подсудимого. Позиция судебной власти не оставляет в этом никаких сомнений.

Положение статьи 252 УПК РФ о том, что изменять обвинение в суде разрешено, не содержит неопределенности, допускающей его произвольное применение, а равно каких-либо изъятий из предписания статьи 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации³²⁴.

Однако, на практике существует правовая неопределенность по ряду вопросов, связанных главным образом с фактическим изменением обвинения судом при принятии решения – вынесении обвинительного приговора.

Недопустимость поворота к худшему в результате изменения (судом) обвинения составляет общий стандарт принятия судом решения по делу.

дополнительного расследования и устранения препятствий его рассмотрения судом : дисс. ... канд. юрид. наук. Москва: Акад. упр. МВД РФ, 2008.

³²² См.: *Лазарева Л.И.* Принцип недопустимости поворота к худшему // *Правоведение*. 1977. № 2. С. 101–104; *Гришин С.П.* Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). М.: Юрлитинформ, 2008. С. 87.

³²³ См.: *Бравилова Е.А.* Пределы судебного разбирательства: дисс. ... канд. юрид. наук: Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2004. С. 9.

³²⁴ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тюляева Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 № 1137-О /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.01.2022).

Стандарт правосудности, законности и справедливости как самой процедуры, так и ее результата: приговора и меры уголовно-правового воздействия, определяемого им³²⁵.

Вполне согласны с тем, что этот стандарт обеспечивает установление «действительно правовой процедуры привлечения лица к уголовной ответственности»³²⁶. Его надо понимать в широком контексте общей правовой организации противодействия преступности, устройства уголовного судопроизводства³²⁷.

Данный правовой стандарт последовательно нашел развитие и конкретизацию в позициях Пленума Верховного Суда РФ³²⁸,

³²⁵ В уголовно-процессуальной литературе в этой связи принято говорить о наказании и обвинительном приговоре (См., напр.: *Барабанов П.К.* Изменение обвинения на стадии судебного разбирательства с ухудшением положения обвиняемого // Уголовный процесс. 2009. № 3. С. 13–19; *Бравилова Е.А.* Пределы судебного разбирательства. С. 13).

Однако, на наш взгляд, понятие мера уголовно-правового воздействия здесь более подходит. Поскольку запрет в системе с процедурой выдвижения обвинения обеспечивает не только наказание, но и любые иные меры воздействия на виновника, предусмотренные уголовным законом за совершенное преступление. Кроме того, и приговор – это не единственный судебно-процессуальный акт, в котором может реализоваться уголовно-правовое воздействие – решение о прекращении уголовного дела по некоторым из нереабилитирующих оснований также может быть таковым. Поэтому, теоретически запрет на поворот к худшему проявляет себя во всех случаях прекращения уголовного дела полностью или в части при отказе государственного обвинителя от поддержания обвинения.

³²⁶ *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 10.

³²⁷ О чем мы уже писали в третьем параграфе первой главы нашей диссертации.

³²⁸ См.: пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 года № 1 «О судебном приговоре» (утратил силу), пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 декабря.

Конституционного Суда России³²⁹, воспроизводимый во множестве судебных precedентов³³⁰, получил глубокое доктринальное осмысление³³¹.

Центральное значение в нем имеет формула допустимого изменения обвинения в суде, выводимая из части второй статьи 252 УПК РФ: «Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту». Запрещено изменять обвинение, если этим нарушается положение подсудимого и (или) нарушается его право на защиту. Это и есть запрет на поворот к худшему, сформулированный в виде ограничительного условия к изменению обвинения в суде.

Двучленная формула этого запрета включает два взаимосвязанных элемента. Некоторые авторы называют их «условиями» изменения обвинения в суде»³³². Однако, на наш взгляд, это одно двусоставное условие, общий запрет, включающий две позиции.

Изменение обвинения возможно при соблюдении запрета № 1, именно: нельзя ухудшить положение подсудимого и запрета № 2: нельзя нарушать права подсудимого на защиту. Как пишут исследователи, эти два правовых предписания самостоятельны, но в то же время тесно связаны между собой³³³.

Взаимосвязь этих двух запретов состоит в том, что ухудшение положения подсудимого посредством изменения обвинения приводит и к

³²⁹ См.: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 года № 2329-О, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 2258-О, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2017 года № 2736-О, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2018 года № 2214-О, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2019 года № 1255-О, определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 2095-О /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.01.2023).

³³⁰ См., напр.: Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2014 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 02.07.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

³³¹ См.: *Фомин М.А.* Изменение обвинения в суде: правила, выработанные практикой // Уголовный процесс. 2011. № 2. С. 50–55.

³³² См.: *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 11.

³³³ См.: *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 123.

нарушению его права на защиту от обвинения (изменившегося). Однако, нельзя сказать такого об обратной взаимосвязи: нарушение права на защиту не обязательно сводится к ухудшению положения подсудимого через изменение обвинения. Содержание второго запрета (нарушения права на защиту), следовательно, здесь полностью связано с соблюдением запрета не изменять обвинения в худшую сторону.

Скорее здесь надо говорить о причине (изменение обвинения) и следствиях (ухудшение положение подсудимого и нарушение его права на защиту): если изменение обвинения ухудшило положение, то значит и нарушается его право на защиту: «обвинение осужденным Б. и З. в указанных действиях не предъявлялось, такое обвинение существенно отличается от предъявленного органами предварительного следствия и, следовательно, нарушает право осужденных на защиту»³³⁴. Утяжеление или фактическая перемена обновление обвинения влечет ухудшение положения подсудимого и нарушает его право на защиту.

Логическим следствием из прямого запрета на изменение в суде обвинения в худшую сторону является положение о том, что изменение обвинения допустимо только в сторону смягчения в результате отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения³³⁵.

Решение суда по вопросу об объеме обвинения при его изменении государственным обвинителем в судебном заседании в сторону смягчения предопределено позицией государственного обвинителя и является правомерным при условии ее мотивированности и обоснованности ссылкой на предусмотренные законом основания³³⁶.

³³⁴ См., напр.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 марта 2014 г. № 65-АПУ14-5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

³³⁵ См.: пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Российская газета. 2017. № 297. 29 декабря.

³³⁶ См.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 года № 7-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П и от 2 июля 2013 года № 16-П, а также определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2000 года № 150-

При переходе с более тяжкого на новое, менее тяжкое обвинение происходит изменение пределов судебного разбирательства. Этим тоже могут быть вызваны негативные правовые последствия для подсудимого – в виде нарушения его прав на защиту, о чем будет сказано далее³³⁷.

В научной литературе высказано мнение о том, что «недопустимость ухудшения положения» является «уголовно-правовой гарантией», а «недопустимость нарушения права на защиту» является «процессуально-правовой гарантией для подсудимого»³³⁸, и это разные, хотя и пересекающиеся правовые категории³³⁹.

На наш взгляд, это уголовно-процессуальные явления. Обе эти категории связаны с обвинением – процессуальным механизмом приведения в действие уголовно-правовой нормы. В своем единстве они должны поддерживать тождество предмета, оснований обвинения и пределов судебного разбирательства, которое надлежит быть в зависимости, во-первых, от обвинения, а во-вторых, от соблюдения запрета на его изменение, которое могло бы ухудшить положение подсудимого и нарушить его право на защиту.

Согласно мнению еще одного авторитетного специалиста – Я.О. Мотовиловкера – запрет на поворот к худшему действует, пока при новом расследовании уголовного дела не будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении обвиняемым более тяжкого преступления³⁴⁰. Однако и в этом случае законом и ранее предусматривались,

О, от 14 декабря 2004 года № 393-О, от 10 февраля 2016 года № 226-О; от 24.11.2016 № 2585-О, от 18.07.2019 № 1849-О и др. /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 09.12.2022).

³³⁷ Происходит интеллектуальная операция по замене судом обвинения, которое было предметом судебного разбирательства, «новым обвинением», то есть иным прочтением судом казуса и его юридической квалификации.

³³⁸ См.: *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 10.

³³⁹ См.: там же. С. 10.

³⁴⁰ См.: *Мотовиловкер Я.О.* Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства /под ред. П.И. Бородько. Кемерово, 1962. С. 206.

а к настоящему времени даже усилились гарантии права подсудимого на защиту от изменившегося обвинения.

Как пишет Е.А. Бравилова, положения подсудимого ухудшается при изменении квалификации на более тяжкое преступление, а также при изменении фактических обстоятельств, указанных в обвинении, которые влекут для обвиняемого неблагоприятные уголовно-правовые последствия или нарушают его право на защиту³⁴¹.

Таким образом, учение о запрете на поворот к худшему обвинения в суде в отечественной уголовно-процессуальной доктрине сохранила преемственность в понимании того, как предыдущая часть процесса (предварительного расследования) обуславливает последующую (судебное разбирательство): по предмету обвинения и основаниям его и тем самым – пределы судебного разбирательства.

Формула обвинения, включающая уголовно-правовую квалификацию преступления, вменяемого в вину обвиняемому, а также фактологическую составляющую, являются тем правовым регулятором, который определяет пределы судебного разбирательства и содержание обвинительного приговора; она же служит критерием допустимой новизны обвинения³⁴².

Этот вывод подтверждается следующим тезисом из судебной формулировки: «они³⁴³ позволяют суду принимать решения по делу только в рамках того обвинения, которое было предъявлено обвиняемому органами уголовного преследования и поддерживалось в судебном заседании государственным обвинителем и потерпевшим - как в части фактических обстоятельств совершения преступления, так и в части их уголовно-правовой оценки»³⁴⁴.

³⁴¹ См.: Бравилова Е.А. Указ. соч. С. 131.

³⁴² См.: Бравилова Е.А. Указ. соч. С. 129.

³⁴³ Правовые предписания статьи 252 УПК РФ.

³⁴⁴ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорова Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 254 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2001 № 168-О / СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15 декабря 2022 года).

Обвинительный приговор должен быть связан с обвинением. Нарушение этой связи в фактологическом, процессуальном или уголовно-правовом отношениях квалифицируется судебной инстанцией как недопустимое ухудшение положения подсудимого и нарушение его права на защиту.

Перейдем к характеристике правового стандарта поддержания соотношения между обвинением и предметом судебного спора – пределами судебного разбирательства, который существует для всех судебных стадий и первых двух в том числе.

Он имеет в своей основе запрет на изменение обвинения, ухудшающее положение подсудимого и ограничивающее его право на защиту от обвинения. Переход на обвинение, предметом которого является более тяжкое преступление или включающее новые отягчающие уголовную ответственность обстоятельства, запрещен.

Уточнимся с тем, в чем конкретно судебная власть усматривает изменение обвинения, которое ухудшает положение подсудимого, нарушает его право на защиту. Для этого надо обратиться к содержанию понятий: «более тяжкое обвинение», «обвинение, существенно отличающееся по своим фактическим обстоятельствам», «нарушение права на защиту», которые как уже отмечалось, определены Пленумом Верховного Суда России³⁴⁵.

Вначале остановимся на понятии «более тяжкое обвинение», которое выражается в уголовно-правовой компоненте. Из разъяснений Пленума Верховного Суда следует, что более тяжким в уголовно-правовом отношении обвинением признается, во-первых, когда применяется другая норма уголовного закона (статья, часть статьи или пункт), санкция которой предусматривает более строгое наказание.

³⁴⁵ См.: п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 декабря.

Как указывается в уголовно-процессуальной научной литературе, неблагоприятные уголовно-правовые последствия изменения обвинения состоят, во-первых, в назначении более строгого наказания, во-вторых, в установлении более сурового режима отбывания наказания, в-третьих, в невозможности применения акта об амнистии³⁴⁶.

Прямо нарушить запрет на уголовно-правовой поворот к худшему обвинения, т.е. предъявлять новое обвинение в совершении нового более тяжкого преступления практически невозможно³⁴⁷. Ввиду очевидности нарушения права на защиту в подобной ситуации, данный критерий здесь также не актуален³⁴⁸. Ни то, ни другое практически невозможны.

На практике происходит переход на новое обвинение без формального выдвижения нового обвинения – путем новой квалификации фактов, установленных в судебном следствии. При этом само по себе то обстоятельство, что суд, рассматривавший уголовное дело, изменил квалификацию действий подсудимого, еще не дает оснований для вывода о принятии на себя судом функции обвинения³⁴⁹.

Не может расцениваться как предъявление нового обвинения переквалификация преступления в суде, если объем нового обвинения составляет лишь часть прежнего обвинения, т.е. норма Особенной части УК РФ, на которую переквалифицируются действия лица, предусматривает такое преступление, состав которого может рассматриваться как часть ранее

³⁴⁶ См.: *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 12, 148, 150.

³⁴⁷ При наличии основания для реализации этого основания для изменения обвинения теперь используется механизм возвращения уголовного дела судом прокурору.

³⁴⁸ Этот критерий актуален в связке с запретом на переход на фактически новое обвинение.

³⁴⁹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорова Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 254 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2001 № 168-О /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.12.2022).

вмененного лицу преступления, а ее санкция не устанавливает более суровое наказание³⁵⁰.

Во-вторых, согласно позиции Пленума Верховного Суда России, более тяжким будет обвинение, если в него включаются дополнительные, не вмененные обвиняемому факты (эпизоды), влекущие изменение квалификации преступления на закон, предусматривающий более строгое наказание, либо увеличивающие фактический объем обвинения, хотя и не изменяющие юридической оценки содеянного³⁵¹.

Суд не вправе предъявить новое обвинение, подменить обвинение, которое поддерживалось гособвинителем, но суд вправе перейти на новую уголовно-правовую квалификацию содеянного подсудимым при соблюдении ряда требований: (а) это обвинение не должно влечь более тяжких уголовно-правовых последствий, то есть ухудшать положение подсудимого, (б) не отличаться существенно в фактическом отношении, (в) не нарушать его право на защиту.

Значительный интерес в связи с этим вызывают случаи перехода в суде на «обвинение, существенно отличающееся по своим фактическим обстоятельствам» от обвинения, по которому обвиняемый был предан суду.

«Обвинение, существенно отличающееся по своим фактическим обстоятельствам» не может быть предъявлено в суде, гособвинитель не может перейти на такое обвинение ни в начале судебного следствия, ни тем более в прениях. Поскольку закон не содержит правового механизма на перепредъявление обвинения в суде есть только один легальный способ для этого, предусмотренный ст. 237 УПК РФ. Поэтому так же, как и в случае перехода на новое в уголовно-правовом отношении обвинение, переход на фактически новое обвинение происходит в виде интеллектуальной операции. Это является, можно сказать, не явным, а скрытым нарушением запрета на

³⁵⁰ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 1487-О /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.12.2022).

³⁵¹ См.: пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 декабря.

поворот к худшему (в момент совершения). Оно совершается в виде мыслительного хода судьи при выработке решения по делу – вынесении обвинительного приговора³⁵².

Из разъяснений Пленума Верховного Суда следует, что существенно отличающимся обвинением от первоначального по фактическим обстоятельствам следует считать всякое иное изменение формулировки обвинения (вменение других деяний вместо ранее предъявленных, вменение преступления, отличающегося от предъявленного по объекту посягательства, форме вины и т.д.), если при этом нарушается право подсудимого на защиту³⁵³.

Как отмечает Конституционный Суд РФ, существенно отличающимся обвинением от первоначального по фактическим обстоятельствам следует считать всякое иное изменение формулировки обвинения, если при этом нарушается право подсудимого на защиту»³⁵⁴.

В теории отмечается, что к изменению обвинения в части фактических обстоятельств, входящих в него, относится изменение, как (1) признаков, входящих в конструкцию вменяемого подсудимому состава преступления, так (2) фактических обстоятельств, не имеющих уголовно-правового значения³⁵⁵. Однако, и в последнем случае может быть усмотрено нарушение права на защиту. Так, следует признать, согласно позиции Верховного Суда России, что установление судом в приговоре нового времени совершения преступления, отличающегося от времени, указанном в обвинительном заключении на сутки, является существенным изменением предъявленного осужденным обвинения, которое лишило их возможности возражать против новых обстоятельств, защищаться от него, приводить свои доводы, а также

³⁵² Бывают и процессуальные ходы, совершаемые судом и гособвинителем в ходе судебного разбирательства по обновлению обвинения, в той или иной его составляющих. Однако, это происходит реже, о чем будет сказано в диссертации далее.

³⁵³ См.: пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55.

³⁵⁴ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.02.2015 № 47-УД14-13 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.12.2022).

³⁵⁵ См.: *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 14, 154, 155.

выдвигать алиби и представлять доказательства, опровергающее данное обвинение в новый, установленный судом период времени. При подобных обстоятельствах обвинительный приговор и последующие судебные решения в отношении Андреева и Ибатулина подлежат отмене, а дело направлению на новое судебное разбирательство³⁵⁶.

Таким образом, по смыслу закону, истолкованному судами и учеными, критерий «нарушение права на защиту» применим только к фактической разновидности изменения обвинения в худшую сторону. Поэтому они действуют в совокупности. Отсутствие нарушения права на защиту не позволяет считать изменение фактической стороны обвинения как поворот к худшему. «Установление судом иной формы вины при тех же фактических обстоятельствах, что повлекло переквалификацию действий К. с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ, санкция которой предусматривает более мягкое наказание, не повлекло нарушение права осужденного на защиту и не может быть признано нарушением уголовно-процессуального закона»³⁵⁷.

Наиболее остро на практике стоит проблема обновления обвинения, которая происходит при принятии судом решения по делу, то есть в отсутствии возможности у защиты отреагировать на это изменение обвинения постфактум и защититься от него.

Существует потенциальная угроза поворота к худшему в результате изменения обвинения, бывшего предметом судебного разбирательства и доказывания, на новое обвинение. В частности, по одному из дел защитой было сформулировано мнение о том, что суд в рамках судебного разбирательства, проводимого с участием присяжных заседателей, самостоятельно формулировал новое обвинение в приговоре и тем самым осуществил привлечение к уголовной ответственности на основе

³⁵⁶ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.02.2015 № 47-УД14-13 (дата обращения: 17.12.2022).

³⁵⁷ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.01.2010 № 296-П09 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.12.2022).

фактических обстоятельств, которые признаны недоказанными вердиктом коллегии присяжных заседателей³⁵⁸.

Для снятия правовой неопределенности по этому направлению Конституционным Судом России было разъяснено, что если изменение судом квалификации содеянного обвиняемым оказалось связанным с предъявлением обвинения, хотя и не отягчающего его положения, но отличающегося по фактическим обстоятельствам от ранее предъявленного, это может служить основанием для пересмотра принятого судом решения вышестоящим судом³⁵⁹. «Если изменение обвинения заключается в исключении части его или признаков преступления, отягчающих ответственность подсудимого, что, по сути, является частичной реабилитацией лица, суд вправе продолжать разбирательство дела в остальной части»³⁶⁰.

Сужение же судом объема ранее предъявленного лицу обвинения, в том числе исключение из него указания на те или иные эпизоды преступной деятельности, на отдельные квалифицирующие признаки преступления, а также связанное с этим изменение квалификации деяния не означают принятие на себя судом функции обвинения³⁶¹.

Из этих положений вытекает такой тезис: недоказанность в суде первоначально выдвинутого обвинения не обязывает суд вынести оправдательный приговор, возможен переход на новое обвинение, как государственным обвинителем, так и судом.

Значит, само по себе формулирование и выдвижение нового обвинения в ходе судебного разбирательства, в том числе на этапе принятия судом решения в совещательной комнате, не влечет с необходимостью ухудшение

³⁵⁸ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2001 № 168-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорова Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 254 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.12.2022).

³⁵⁹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2001 № 168-О.

³⁶⁰ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2001 № 168-О.

³⁶¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2001 № 168-О.

положения подсудимого и не лишает его права на защиту. Не любое изменение обвинения, в том числе переход на новое обвинение, в уголовно-правовом или фактическом отношениях оценивается как ограничение права на защиту.

Переход на новое обвинение нарушает право на защиту только тогда, когда оно существенно отличается от обвинения, по которому обвиняемый первоначально был предан суду.

Право подсудимого на защиту нарушается в том случае, если исключение требующих замены вмененных фактических обстоятельств или иная оценка имеющихся, влечет признание в действиях подсудимого отсутствие состава преступления либо сомнения в его виновности, либо возможность назначения менее строгого наказания. Новые же, замененные или дополненные обстоятельства, хотя возможно и исследовались в судебном заседании, подтверждаются собранными доказательствами, но подсудимому в вину не вменялись, поэтому у него не было ни достаточного времени, ни средств, ни возможности для их опровержения³⁶².

Изученные судебные прецеденты демонстрируют случаи, когда вышестоящими судебными инстанциями констатируются нарушения запрета на поворот к худшему при переходе суда на новое обвинение.

Так, Верховный Суд России указал: «...из приведенной выше мотивировочной части приговора видно, что переквалификация действий Борисова В.Ю. касалась его роли в совершении преступления. Однако при этом суд оставил без внимания то обстоятельство, что в рамках предъявленного Борисову В.Ю. обвинения такая переквалификация исключала бы одновременное вменение "пособничества" и "организованной группы". Те же обстоятельства, которые установил суд относительно организованной группы, существенным образом отличаются от обстоятельств, предъявленного Борисову В.Ю. обвинения. Следовательно, Борисов В.Ю. не мог по ним защищаться, а суд в соответствии с

³⁶² См.: *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 13.

требованиями ч. 2 ст. 252 УПК РФ не вправе был вменять их ему в виновность. При таких обстоятельствах ч. 5 ст. 33, п. "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежат исключению из осуждения Борисова В.Ю.»³⁶³.

По другому уголовному делу Верховный Суд России констатировал: «Осуществленное на основании этих норм изменение судом квалификации действий подсудимого с пункта "б" части третьей статьи 158 УК Российской Федерации на пункты "а" и "в" части второй той же статьи само по себе не является свидетельством выхода суда за пределы предъявленного лицу обвинения, поскольку в соответствии с особенностями построения Уголовного кодекса Российской Федерации каждая последующая часть статьи его Особенной части охватывает и те инкриминируемые обвиняемому признаки преступления, которые предусматриваются предшествующими частями той же статьи»³⁶⁴.

Итак, судебная власть считает нарушением запрета на поворот к худшему только такой переход на новое обвинение, который сопряжен с нарушением права на защиту от этого обвинения. В связи с этим подлежит выяснению содержание данной категории.

Понятие «нарушение права подсудимого на защиту от обвинения» как составная часть стандарта запрета на поворот к худшему при изменении обвинения имеет основание в общепризнанных международно-правовых нормах. В частности, анализ практики Европейского Суда по правам человека позволил М.А. Хохрякову³⁶⁵ сделать вывод, с которым нельзя не согласиться, о том, что при изменении обвинения в судебном разбирательстве как в сторону улучшения положения обвиняемого, так и в сторону ухудшения, то есть при новом обвинении, должны быть соблюдены

³⁶³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.07.2015 № 11-АПУ15-18 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.12.2022 г.).

³⁶⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2001 № 168-О.

³⁶⁵ См.: *Хохряков М.А.* Пределы судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: законодательство, теория, практика: дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина, 2013. С. 10–14.

следующие права обвиняемого: (1) знать, в чем он обвиняется, (2) иметь достаточное время и возможность для подготовки защиты от нового обвинения. Данные права нарушаются, если одновременно проявляются следующие три критерия изменения обвинения в суде: (а) критерий существенности: между новым и прежним обвинением имеются существенные различия; (б) критерий неожиданности: обвиняемый не предвидел возможное изменение обвинения; (в) критерий невозможности³⁶⁶: обвиняемый не смог своевременно и эффективно отреагировать на измененное обвинение³⁶⁷.

Отечественная судебная практика подтверждает действие данного правового стандарта.

Так, Верховный Суд РФ усмотрел нарушение права на защиту подсудимого в том, что он не имел достаточного времени для подготовки защиты от нового обвинения в том, что экспертиза холодного оружия была проведена 18 марта 2014 г., а ее результаты оглашены в судебном заседании только 20 марта того же года, то есть за 6 дней до постановления приговора, что явно недостаточно для эффективной защиты. Между тем, результаты данной экспертизы явились основанием для установления судом в действиях Марченко отягчающего обстоятельства, которое относится к существу обвинения, характеризуя его способ, что имеет значение для дела и дифференциации наказания, назначаемого лицу, признанному виновным в содеянном³⁶⁸.

Суды усматривают основание для изменения или отмены

³⁶⁶ «Критерий невозможности» проявляется в не предоставлении возможности подсудимому и его защитнику (1) высказать возражения против изменения обвинения и перехода на новое обвинение; (2) подготовиться к защите против нового обвинения, (3) отреагировать на новизну обвинения, проявившуюся в юридической квалификации и (или) фактической стороне, (4) определить свою позицию в отношении нового обвинения, (5) опровергнуть его и привести доказательства своей позиции против нового обвинения.

См.: Хохряков М.А. Указ. соч. С. 12.

³⁶⁷ Хохряков М.А. Указ. соч. С. 13.

³⁶⁸ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.06.2014 № 66-АПУ14-38 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 09.12.2022).

обвинительного приговора, если суд в описательно-мотивировочной части приговора при описании преступного деяния, признанного доказанным, указывает на новые квалифицирующие признаки деяния, отягчающие уголовную ответственность. К примеру, Верховный Суд России указал: «Суд же расширил обвинение, указав при описании преступного деяния, признанного доказанным, на то, что своими действиями Покровский Р.С. заведомо представлял опасность для жизни не только Д., но и для жизни других лиц, как находившихся в квартире, так и проживающих в пятиэтажном доме по соседству и выше. При таком изменении обвинения имеет место явное ухудшение положения Покровского Р.С., поскольку оно увеличивает круг лиц, для которых действия виновного лица представляли опасность, и ухудшает положение последнего, поскольку он от такого обвинения не защищался. В связи с этим Судебная коллегия считает необходимым исключить из приговора указание о том, что действия Покровского Р.С. заведомо представляли опасность для жизни лиц, проживающих в пятиэтажном доме по соседству с квартирой на первом этаже, в которой он совершил поджог, и выше, и смягчить наказания, назначенные Покровскому Р.С. по п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ и по совокупности преступлений, так как согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ, наряду с характером и степенью общественной опасности преступления, а также данными о личности виновного лица наказание должно соответствовать обстоятельствам совершения преступления³⁶⁹.

На наш взгляд, поворот к худшему может состояться и в случае, когда суд исключает из формулы обвинения смягчающее вину обвиняемого обстоятельство или обстоятельства. Именно, так оценил ситуацию Президиум Нижегородского областного суда, внося изменение в приговор: «Правильно установив фактические обстоятельства дела и квалифицировав действия Т.Ю.А. по ч. 4 ст. 111 и п. "в" ч. 3 ст. 163 УК РФ, суд ... при

³⁶⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.09.2016 № 16-АПУ16-17 (дата обращения: 12 декабря 2022 г.).

назначении ему наказания не учел явку с повинной в качестве обстоятельства, смягчающего наказание Т.Ю.А.»³⁷⁰.

Завершая исследование правового стандарта допустимого изменения обвинения в суде, основанного на запрете на поворот к худшему, надо сказать о предложениях, которые сделаны в науке по совершенствованию его. Большинство из них сводится к совершенствованию существующей модели, закрепленной в статье 252 УПК РФ³⁷¹. Хотя есть и предложения направленные на изменение процедуры выдвижения и изменения обвинения, что было бы более решительным средством существующих проблем, о чем и будет сказано в заключении нашей работы.

Пока же перейдем к исследованию важнейшей детали в современной позитивно-правовой модели перехода на новое обвинение с поворотом к худшему положения подсудимого/обвиняемого. Имеется в виду возвращение дела прокурору как элемент относительно-ограниченной модели изменения пределов судебного разбирательства.

Отметим, что до его восстановления в современном виде Верховный Суд России, констатируя, что суд без достаточных оснований квалифицировал действия Т.Ю.А. как вымогательство, совершенное в крупном размере и то, что обвинение по п. "б" ч. 3 ст. 163 УК РФ ему не предъявлялось, сделал вывод о нарушении ч. 2 ст. 252 УПК РФ. Нарушение данной нормы уголовно-процессуального закона является существенным, влекущим изменение судебных решений по данному делу. Поскольку возвращения дела прокурору для собирания новых доказательств и предъявления нового обвинения Т.Ю.А. по данному делу уголовно-процессуальный закон не допускает, квалифицирующий признак

³⁷⁰ Постановление президиума Нижегородского областного суда от 27.04.2006 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12 декабря 2022 г.).

³⁷¹ См.: *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 15.

вымогательства "в крупном размере" подлежит исключению из осуждения Т.Ю.А.³⁷².

Теперь, если же в ходе судебного разбирательства выявлены существенные нарушения закона, указанные в пунктах 1 - 6 части 1 статьи 237 УПК РФ, то суд по ходатайству стороны или по своей инициативе возвращает дело прокурору при условии, что их устранение не будет связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия³⁷³.

Тем самым, новое, более тяжкое обвинение может быть предъявлено органом предварительного расследования только в пределах тех обстоятельств, которые были установлены в ходе судебного следствия и, очевидно, только основываясь на доказательствах уже полученных судов. Возвращение судом первой инстанции уголовного дела прокурору имеет только одну ограниченную цель: предъявление нового обвинения в совершении более тяжкого преступления, но только по выявленному в суде основанию. При этом изменения обвинения в худшую сторону по сравнению с тем, что было установлено судом, не должно произойти³⁷⁴.

Однако, на практике, как уже указывалось в предыдущем параграфе, органы предварительного расследования, получив из суда уголовное дело, свободны в дальнейшем расследовании и предъявлении нового обвинения, квалификации действий обвиняемого³⁷⁵.

³⁷² Постановление президиума Нижегородского областного суда от 27.04.2006 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12 декабря 2022 г.).

³⁷³ Пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51.

³⁷⁴ См.: *Николюк В., Кальницкий В., Куряхова Т.* Возвращение дела прокурору для усиления обвинения стало возможным // Уголовное право. 2013. № 4. С. 84; *Кальницкий В.В., Куряхова Т.В.* Дополнения ст. 237 УПК РФ и правовая позиция Конституционного Суда РФ // Уголовное право. № 6. 2014. С. 89–94.

³⁷⁵ См.: *Дикарев И.С.* Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией. С. 98–103; *Лапатников М.В., Урняева Г.Ю.* Возвращение дела прокурору: анализ судебной практики. С. 22–33; *Куряхова Т.В.* Практика применения пункта 6 части 1 статьи 237 УПК РФ о возвращении уголовного дела прокурору для усиления обвинения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 31.

Следующий ход наших рассуждений состоит в исследовании действия запрета на поворот к худшему в связке с общим условием судебного разбирательства, изложенного в ст. 252 УПК РФ, в стадии назначения судебного разбирательства (главы 33–34 УПК РФ).

На стадию назначения судебного разбирательства формально распространяются все общие условия судебного разбирательства, включая действие статьи 252 УПК РФ. Однако, говорить о действии запрета о на поворот к худшему можно говорить только применительно к особой форме этой стадии – предварительным слушаниям.

Вне предварительных слушаний действие этого общего условия можно считать отложенным, поскольку судья не вправе входить в разрешение вопросов, касающихся доказанности обвинения с позиции доказанности вины. Задачи стадии заключаются в том, чтобы проверить отраженное в материалах поступившего уголовного дела досудебное производство на предмет отсутствия препятствий для рассмотрения этого дела по существу, а в случае обнаружения таковых (в виде обстоятельств, перечисленных в ст. 229 УПК РФ), попытаться их устранить, и, наконец, создать условия для проведения судебного разбирательства. По самому своему положению в структуре процесса и назначению – суд первой инстанции в этой стадии уполномочен решать судьбу уголовного дела (а вместе с тем, и обвинения) в окончательном виде только в виде исключения: путем вынесения постановления о прекращении уголовного дела (ст. 239 УПК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ правомерно не указал в числе оснований возвращения уголовного дела основание, предусмотренное пунктом б ч. 1 ст. 237 УПК РФ, ибо его установление предполагает оценку доказательств виновности обвиняемого и проведение судебного следствия³⁷⁶. Это не входит в пределы компетенции суда на стадии назначения судебного заседания.

³⁷⁶ См.: пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // Российская газета. 2010. № 3. от 13 января.

Справедливое мнение о том, что изменения обвинения не соответствует задачам этой стадии³⁷⁷.

Заметим, кстати, что Уставом уголовного судопроизводства (Раздел третий «О порядке предания суду»), предусматривалась иная форма перехода уголовного дела из стадии предварительного расследования в суд, а именно: стадия «предания суду», которое происходило в «обвинительной камере» – Судебной палате. Вопросы, касающиеся формулировки обвинения и подведения под него оснований в виде доказательств решались по большей части в ходе нового предания суду – через предъявление прокурором нового обвинения; а возвращение дело предварительному следствию было исключением из общего правила³⁷⁸. В свою очередь, Окружной суд обязан был рассматривать уголовное дело в пределах определения Палаты о предании суду. Сенатская практика допустила «предоставление дела в Палату при раскрытии нового, более тяжкого преступления подсудимого»³⁷⁹. Неполнота предварительного следствия могла быть восполнена камерой предания суду (ст. 512 Устава), кроме случаев выявления преступления совершенного другим лицом (ст. 513 Устава), или иного преступления обвиняемого, не связанного с обвинительным актом в отношении него (ст.ст. 752, 753 Устава)³⁸⁰. Таким образом, через процедуру предания суду решались в большинстве случаев вопросы изменения обвинения в худшую сторону для подсудимого.

Как пишет И.С. Дикарев, хотя в современном процессе нет процедуры предания суду, в том виде, в котором она существовала в дореволюционном или советском процессе, и в связи с этим суд не проводит предварительной оценки обоснованности предъявленного обвинения, тем не менее, назначая

³⁷⁷ См.: *Ровнейко В.В.* Изменение обвинения в суде первой инстанции по российскому уголовно-процессуальному законодательству: дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск: УдмГУ, 1996. С. 4.

³⁷⁸ Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий (ст. 249–594) / Под ред. проф. М.Н. Гернета. Выпуск 3. М., 1914. С. 865, 868, 873–874.

³⁷⁹ Там же. С. 905.

³⁸⁰ Там же. С. 895.

судебное заседание по уголовному делу по обвинению того или иного обвиняемого, судья отдает его под суд, что прямо отражается в смене процессуального статуса обвиняемого на подсудимый. Следовательно суд вправе решать вопрос о виновности лишь тех подсудимых, которые указаны в постановлении о назначении судебного заседания, выносимом в порядке статьи 231 УПК РФ³⁸¹.

Нарушение данного правила имело место, например, по делу в котором суд в постановлении о назначении судебного заседания указал в качестве соучастника преступления лицо, в отношении которого дело было выделено в отдельное производство и на момент вынесения судом данного решения уголовное дело в отношении данного лица еще не было завершено производством. Поэтому вышестоящий суд изменил формулировку в описательно-мотивировочной части приговора: вместо данных указанного лица привел термин «иное лицо»³⁸².

Для соблюдения запрета на поворот к худшему и пределов судебного разбирательства имеет значение то обвинение, которое нашло отражение в постановлении о назначении судебного заседания, если конкретнее: квалификация преступления, вменяемая подсудимому, которая содержится в резолютивной части постановления о назначении судебного заседания (часть 3 статьи 231 УПК РФ).

При прохождении уголовного дела через стадию назначения судебного разбирательства в общем порядке квалификация преступления, отраженная в резолютивной части постановления о назначении судебного заседания, должна полностью соответствовать содержанию обвинительного заключения (другого резолютивного обвинительного акта предварительного расследования, утвержденного прокурором). Тожество формулы обвинения

³⁸¹ См.: *Дикарев И.С.* Пределы рассмотрения дела судом в уголовном процессе // Уголовное право. 2013. № 3. С. 77.

³⁸² См.: там же. С. 79.

в этих процессуальных решениях обвинительной и судебной властей должно соблюдаться неукоснительно.

При проведении предварительных слушаний по делу обвинение может быть изменено, что находит отражение и в соответствующей части анализируемого решения суда. При этом, ввиду запрета на поворот к худшему, обвинение может быть только облегчено и, соответственно, пределы предстоящего судебного разбирательства тоже сужены.

Как указывается в научной литературе, обвинение в ходе предварительных слушаний может быть изменено по причине отказа прокурора от поддержания обвинения, что в свою очередь происходит путем исключения (1) из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, (2) из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ, нарушение которой вменялось обвинителем в вину обвиняемому, (3) изменения квалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание³⁸³.

Проекты изменения модели выдвижения нового обвинения в стадии назначения судебного разбирательства делаются в контексте действующего законодательства. Так, предложение Р.Ф. Зиннатова³⁸⁴ по модернизации процедуры изменения обвинения в худшую сторону в этой стадии состоит в том, чтобы она стала включать в себя следующие действия: (1) судья, установив основание для предъявления нового обвинения своим постановлением откладывает предварительное слушание и предлагает прокурору предъявить новое обвинение; (2) прокурор либо следователь по поручению прокурора выносят в установленные сроки постановление о привлечении в качестве обвиняемого, предъявляют его обвиняемому и его защитнику, допрашивают обвиняемого по предъявленному обвинению; (3) суд знакомит стороны с дополнительными материалами, полученными в

³⁸³ См.: *Дикарев И.С.* Пределы рассмотрения дела судом в уголовном процессе. С. 77.

³⁸⁴ См.: *Зиннатов Р.Ф.* Реализация судебной власти на стадии подготовки дела к судебному заседанию в современном российском уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. 2006, Ижевск 302 с. С. 14, 237–240.

связи с предъявлением нового обвинения; в установленные сроки судья возобновляет производство предварительного слушания по уголовному делу.

В целом данный проект напоминает тот, что излагается в работах и других исследователей³⁸⁵ применительно к стадии судебного разбирательства, о чем еще предстоит сказать ниже.

Далее надо остановиться на действии запрета на поворот к худшему в контексте пределов судебного разбирательства непосредственно в самой стадии судебного разбирательства.

Общепризнано, что стадия судебного разбирательства является центром системы уголовного правосудия, где разрешается по существу спор между обвинением и защитой по предмету обвинения. Запрет на поворот к худшему имеет своим последствием то, что предметом судебного разбирательства является то обвинение, которое предъявлено обвиняемому по делу. Все его изменения осуществляются прямо в самом судебном приговоре. В стадии судебного разбирательства за отправное берется обвинение, о котором говорится в постановлении судьи о назначении судебного заседания³⁸⁶.

Правила статьи 252 УПК РФ, которые суть есть запрет на поворот к худшему в действии, в полной мере по смыслу разъяснений Пленума Верховного Суда России³⁸⁷ разворачиваются именно в данной стадии.

Как постоянно указывается в судебных решениях, «процессуальными документами, определяющими пределы судебного разбирательства, являются постановление о предъявлении обвинения (выделено нами – Н. Будылин³⁸⁸) и обвинительное заключение»³⁸⁹.

³⁸⁵ См., напр.: *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 79; *Бобылев М.П.* Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России. С. 121; *Хохряков М.А.* Пределы судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции. С. 11, 76.

³⁸⁶ *Ровнейко В.В.* Указ. соч. С. 5.

³⁸⁷ См.: п. 20 постановления Пленума Верховного Суда России от 29 ноября 2016 года № 55.

³⁸⁸ Обращает на себя внимание характерная ошибка в наименовании процессуального документа, а именно: нет такого «постановления о предъявлении обвинения». Это подчеркивает стандартизированный аспект формулировки, применяемой судами

Исходя из правовых позиций Конституционного Суда РФ, отягчающие обстоятельства должны быть указаны в обвинительном заключении (пункт 7 части первой статьи 220)³⁹⁰, включение их судом при вынесении обвинительного приговора является нарушением статьи 252 УПК РФ, нарушением запрета на поворот к худшему.

В целях уточнения правового режима действия запрета на поворот к худшему в суде первой инстанции определимся с понятием «Пределы судебного разбирательства». В большинстве научных определений этого понятия упор делается на то, что это есть установленные законом материально-правовые и процессуально-правовые границы, во-первых, реализации процессуальных функций, и, во-вторых, судебного исследования и судебного решения³⁹¹.

В нашем представлении пределы судебного разбирательства – это допустимые границы изменчивости предмета судебного доказывания и формирования судом меры уголовно-правового воздействия. Эти пределы принципиально определены запретом на поворот к худшему. Выход за пределы чреват поворотом к худшему, в различных правовых проявлениях, и создает основание для отмены или изменения обвинительного приговора.

Сообразно типовым уголовно-процессуальным моделям выделяются следующие исторические модели пределов судебного разбирательства: а) модель статичных (жёстких, неизменных) пределов судебного разбирательства (не предусматривает возможности изменения обвинения в начавшемся процессе); б) модель свободных пределов судебного разбирательства (характеризуется отсутствием каких-либо границ обвинения,

некритически.

³⁸⁹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.02.2015 № 47-УД14-13; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.10.2018 № 5-УД18-122; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.06.2022 № 48-УД22-16-К7 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12 декабря 2022 г.).

³⁹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 529-О-О /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12 декабря 2022 г.).

³⁹¹ См.: *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 13, 176, 177; *Хохряков М.А.* Указ. соч. С. 10, 123.

которое может быть произвольно расширено, изменено в судебном разбирательстве); в) модель условно-изменяемых пределов (условно-свободных или условно-жестких) (обвинение может быть изменено, но в строго ограниченных законом случаях, с соблюдением определённых условий и гарантией реализации обвиняемым своих законных прав)³⁹². Современный период развития уголовно-процессуальной системы соответствует модели условно-изменяемых (условно-жестких) пределов³⁹³.

Продолжая эту линию рассуждений, можно сказать, что в современном судебном разбирательстве, ядре уголовно-процессуальной системы, запрет на поворот к худшему является условно-изменяемым, как и пределы изменения обвинения и пределы судебного разбирательства.

Совокупность изъятий из запрета на поворот к худшему в суде составляет то, что можно назвать правовым стандартом. Нарушения этого стандарта фиксируются вышестоящими судебными инстанциями в обвинительном приговоре, ином окончательном решении суда по делу.

На наш взгляд, нарушение запрета на поворот к худшему, а вместе с тем и незаконный выход за пределы судебного разбирательства происходит в следующих ситуациях:

- представление стороной обвинения новых неотносимых к доказываемому обвинению обвинительных доказательств, которых не было в материалах дела и которые устанавливают новые факты против подсудимого и в дальнейшем при оценке судом обстоятельств дела в совокупности влияют на вид и размер наказания;

- получение в судебном следствии новых доказательств, устанавливающих новые факты против подсудимого или иных лиц в совершении преступлений, которые в дальнейшем при оценке судом обстоятельств дела в совокупности влияют на вид и размер наказания;

³⁹² См.: Хохряков М.А. Указ. соч. С. 15.

³⁹³ См.: Хохряков М.А. Указ. соч. С. 12.

- изменение обвинения, в том числе с нарушением вытекающего из запрета на поворот к худшему может произойти в прениях сторон, в выступлении государственного обвинителя;

- иная оценка судом фактической стороны дела и новая уголовно-правовая квалификация того, что изначально было представлено суду в виде обвинения.

Фактический, реальный выход за пределы судебного разбирательства происходит, когда стороны и суд исследуют факты против подсудимого или причастности иных лиц к преступлению, ставшему предметом доказывания по первоначально выдвинутому обвинению.

Интеллектуальный выход за пределы обвинения и пределы судебного разбирательства, как указывалось выше, происходит при вынесении судом обвинительного приговора. Вторая ситуация более распространена по причине ее скрытности. Выход же за пределы судебного разбирательства, сопровождающийся выходом за предмет обвинения и нарушение запрета на поворот к худшему происходит в судебном следствии или на других этапах судебного разбирательства реже.

Вначале скажем о ситуации нарушение запрета через представление не относимых к делу доказательств обвинения, которые принимаются судом и включаются в описательно-мотивировочную часть обвинительного приговора.

Изменение обвинения происходит в ходе проведения следственных действий, прежде всего при допросе подсудимого. Установление фактических обстоятельств, которые используются против подсудимого, происходит и посредством иных следственных действий.

Так, Судебная коллегия, изучив обвинительное заключение по данному делу, приходит к выводу о том, что отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. "к" ч. 1 ст. 63 УК РФ, а именно, совершение Марченко преступления с использованием оружия, не было доказано при производстве предварительного следствия и не было указано в обвинительном заключении.

Поскольку не каждый нож может быть отнесен к оружию, органам предварительного следствия надлежало провести криминалистическую экспертизу с целью выяснения, относится ли использованный Марченко нож к холодному оружию. Такая экспертиза проведена не была. По ходатайству государственного обвинителя на основании постановления судьи указанная экспертиза была проведена только в период судебного следствия, когда была установлено, что использованный Марченко нож изготовлен самодельным способом по типу ножей охотничьих и относится к гражданскому холодному оружию. Таким образом, вывод суда о том, что "защитца Чурилова Е., Марченко П. вооружился охотничьим ножом, являющимся холодным оружием", не соответствует предъявленному Марченко обвинению, что нарушает его право на защиту. Поскольку в результате изменения обвинения в судебном заседании положение Марченко было ухудшено, что нарушило его право на защиту, приговор в отношении осужденного подлежит изменению: из него необходимо исключить указание о признании в качестве обстоятельства, отягчающего наказание осужденного, совершение преступления с использованием холодного оружия³⁹⁴.

Решений суда или государственного обвинителя об изменении обвинения не принимается и составления судом документа об изменении обвинения не требуется: с учетом вышеприведенных гарантий при изменении обвинения в ходе судебного заседания не требуется составления отдельного (нового) процессуального документа, притом что его отсутствие не препятствует приведению доводов о невиновности подсудимого, представлению оправдательных доказательств и опровержению доказательств обвинения³⁹⁵. Поэтому исключены и споры сторон

³⁹⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.06.2014 № 66-АПУ14-38 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 09.12.2022).

³⁹⁵ См.: об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Боровкова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 2095-О / СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.12.2022 г.).

относительно принятия этих решений, за отсутствием самого возможного предмета жалоб участников процесса по ходу судебного разбирательства.

Изменение обвинения в худшую сторону в ходе рассмотрения дела не фиксируется в специальном процессуальном акте. Поскольку это происходит уже после окончания рассмотрения дела при вынесении судом приговора, подсудимый оказывается в ситуации, когда он лишен возможности представить суду свои возражения против изменения обвинения, которое официально было предметом судебного разбирательства. Такая ситуация негативно оценивается Верховным Судом РФ: «Как следует из протокола судебного заседания апелляционной инстанции, вопрос о существенном изменении обвинения в указанной части в судебном заседании не обсуждался, в связи с чем, Афанасьев был лишен возможности подготовиться к защите от обвинения в ношении боеприпасов, возражать против новых обстоятельств, довести до суда свою позицию по данному вопросу и представлять доказательства, опровергающие данное обвинение, что противоречит п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, устанавливающей права обвиняемого, и ч. 2 ст. 252 УПК РФ о том, что изменение обвинения в судебном заседании допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту»³⁹⁶.

Таким образом, запрещено изменение обвинения в ходе судебного следствия при получении новых обвинительных доказательств, если это приводит к уголовно-правовым последствиям, которые не могли последовать из официально поддерживаемого гособвинителем обвинения, а именно: произошло изменение уголовно-правовой квалификации, появились новые отягчающие обстоятельства, что привело к ужесточению меры уголовно-правового воздействия.

³⁹⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 5-УД20-108 / СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.12.2022 г.).

Исключениями из этого надо считать случаи, когда по ходатайству гособвинителя или по инициативе председательствующего принимается решение о возвращении уголовного дела прокурору или при отказе государственного обвинителя от обвинения.

К примеру, в ходе рассмотрения уголовного дела государственный обвинитель отказался от обвинения в части и перешел на обвинение в менее тяжком преступлении, которое судом было признано как фактически значительно отличающимся от первоначального³⁹⁷. Можно констатировать, что здесь против подсудимого выдвинуто новое, более мягкое обвинение, но оно значительно отличалось от первоначального в фактическом отношении.

Ухудшение положения подсудимого, при неизменности фактической стороны и отсутствии новых фактов или доказательств, может произойти по причине иного истолкования закона или оценки фактических обстоятельств.

Суд не связан позицией обвинения и вправе дать фактическим обстоятельствам дела иную юридическую оценку, но не вправе выйти за пределы фактической стороны дела, определенной обвинением, и тем самым изменить обвинение так, что следует иная, более тяжкая уголовно-правовая квалификация или изменение фактической стороны обвинения, от которого подсудимый не защищался в ходе судебного разбирательства и не мог этого сделать, когда суд уже был в совещательной комнате.

Пример такой, достаточно распространенной ситуации, отражен в следующем судебном решении: «суд, по существу, признал, что осужденным совершено одно преступление, связанное с незаконным оборотом наркотического средства, которое им и другим лицом было разделено на две части, но квалифицировал его действия как два самостоятельных преступления. В связи с изложенным квалификацию указанных выше действий Б. как два самостоятельных преступления по приготовлению к незаконному сбыту наркотических средств Судебная коллегия признала

³⁹⁷ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 марта 2014 г. № 65-АПУ14-5 / // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

неправильной и переквалифицировала действия Б. с ч. 1 ст. 30, п. "Г" ч. 3 ст. 228.1 и ч. 1 ст. 30, п. "Г" ч. 3 ст. 228.1 УК РФ на ч. 1 ст. 30, п. "Г" ч. 3 ст. 228.1 УК РФ»³⁹⁸.

Нарушение запрета на изменение обвинения в худшую сторону – это в подавляющем большинстве случаев издержки феномена судебского усмотрения. «Переход на новое обвинение», ухудшающее положение осужденного, происходит в совещательной комнате при составлении в формулировке Пленума Верховного Суда России³⁹⁹ «описательно-мотивировочной части» обвинительного приговора. Что и выявляется вышестоящей судебной инстанцией. Поэтому в решениях судов вышестоящих инстанций зачастую констатируется то, что нормативно-правовое требование, закрепленное в ст. 252 ч. 2 УПК РФ, «*при постановлении приговора судом не выполнено, что является существенным его нарушением, влияющим на правильное применение уголовного закона и на меру наказания*»⁴⁰⁰.

Аналогичную ошибку вышестоящая судебная инстанция выявила и по другому уголовному делу, констатировав нарушение судом запрета на поворот к худшему в результате смешения судом «видов соучастников по настоящему уголовному делу»; это нарушение привело к несоответствию правовой квалификации действий виновного лица фактическим обстоятельствам дела и изменению обвинительного приговора в данной части⁴⁰¹. На практике бывает, что значимые для юридической квалификации фактические обстоятельства дела не были установлены на предварительном расследовании и не вошли в формулу обвинения, приведённую в

³⁹⁸ Надзорное определение Верховного Суда РФ от 15 января 2014 г. № 5-Д13-65 / СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13 декабря 2022 г.).

³⁹⁹ См.: пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55.

⁴⁰⁰ См.: Кассационное определение Нижегородского областного суда от 07.04.2009 по делу № 22–1654 / СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13 декабря 2022 г.).

⁴⁰¹ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.07.2015 № 11-АПУ15-18 / СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13 декабря 2022 г.).

обвинительном заключении (акте, постановлении), однако нашли подтверждение в ходе судебного следствия. И суд их учитывает при вынесении обвинительного приговора против осужденного, тем самым постфактум вменяя их по своей инициативе в вину осужденному. Что запрещено поскольку является выходом за пределы обвинения, поддерживаемого против подсудимого в суде обвинителем.

С изменением обвинения наказание не должно становиться строже и наоборот с изменением обвинения в лучшую сторону наказание должно измениться так, чтобы не только размер, но и его вид не могли быть оценены как ухудшающие положение осужденного, что подтверждает практика⁴⁰².

В идеале судья должен быть связан не только формулой обвинения в ее материально-правовой составляющей по набору статей кодекса, инкриминируемых подсудимому, но и требованием государственного обвинителя, а также потерпевшего о виде и размере наказания, предусмотренного этими статьями.

Однако доктриной этого ограничения никогда не признавалось. И закон, и судебные власти исходят из положения о том, что суд свободен в определении меры уголовной ответственности, в пределах предусмотренных уголовно-правовой санкцией статьи УК⁴⁰³. Таким образом ухудшение положения при назначении судом наказания, то есть выход суда за пределы требования о наказании государственного обвинителя, допускается, на него не распространяется запрет на поворот к худшему.

Между тем, следуя своей состязательной позиции, полагаем, что запрет на поворот к худшему надо распространить и на решение судьи о размере и

⁴⁰² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.01.2010 № 296-П09 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12 декабря 2022 г.).

⁴⁰³ Это в полной мере подтвердили и результаты проведенных нами соцопросов правоприменителей.

См.: Ответы судей на вопросы №№ 23-25, 40, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 18, 20, 22, 36, Таблица 2.2.

Мнение адвокатов по данному пункту, между тем, совершенно иное. См.: ответы адвокатов на вопрос № 36.1, Таблица 2.3.

виде наказания, назначаемого им, поставив его в зависимость от предложения стороны обвинения⁴⁰⁴.

Как уже отмечалось, при рассмотрении мировым судьей уголовного дела частного обвинения предмет и пределы судебного разбирательства полностью зависят от позиции частного обвинителя, которая может меняться. На наш взгляд, в окончательном виде формула обвинения представляется в прениях сторон, с учетом результатов судебного следствия. Именно из нее мировой судья обязан исходить при вынесении приговора, руководствуясь категорическим запретом на поворот к худшему в числе прочих предписаний. Тезис о модели свободных пределов судебного разбирательства по данной категории уголовных дел⁴⁰⁵ поддерживается нами в том отношении, что они полностью зависят от позиции сторон, из которых обвинителю принадлежит активная роль, как известно, имеющая здесь переходящий характер.

В научных источниках, посвященных суду присяжных по теме нашего исследования, высказана идея о распространении стандарта пределов судебного разбирательства на вопросный лист и вердикт присяжных заседателей. Изменение обвинения допускается в вердикте присяжных заседателей в его фактических признаках, а в приговоре - лишь в его юридических признаках - юридической формулировке и юридической квалификации⁴⁰⁶.

В науке разработан достаточно обширный набор предложений по изменению процедуры изменения обвинения в судебных стадиях.

Как отмечают исследователи, институту усиления обвинения «тесно» в системе действующих норм, он нуждается в масштабном реформировании всей уголовно-процессуальной системы, прежде всего механизма

⁴⁰⁴ Как показал вышеприведенный эмпирический опыт, адвокатское сообщество склонно именно к этой позиции.

⁴⁰⁵ См.: *Хохряков М.А.* Указ. соч. С. 12.

⁴⁰⁶ См.: *Бравилова Е.А.* Указ. соч. С. 79-81; *Хохряков М.А.* Указ. соч. С. 8, 9, 113 и след.

выдвижения обвинения. Л.В. Головки предлагает не считать суд не связанным юридической оценкой деяния, но только существом обвинения⁴⁰⁷.

К настоящему времени в общем вырисовывается возможный механизм предъявления подсудимому в ходе судебного разбирательства нового обвинения в дополнение к ранее выдвинутому при обеспечении права на защиту подсудимого. В частности, предлагается учитывать только те обстоятельства, которые были установлены в ходе судебного следствия, обязательного составления прокурором нового обвинительного акта в письменном виде с вручением его стороне защиты, объявлении председательствующим перерыва в судебном заседании с представлением стороне защиты реальной возможности для подготовке к защите от нового обвинения⁴⁰⁸.

Предложения по созданию процессуально-правового механизма предъявления нового обвинения или изменения обвинения в сторону его утяжеления в стадии судебного разбирательства так или иначе касаются и вопроса о модификации механизма возвращения уголовного дела судом прокурору для решения этих же задач.

На наш взгляд, введение процедуры изменения обвинения в связи с установлением новых фактов против подсудимого или выявления иных недостатков обвинения должно исключить в принципе механизм возвращения уголовного дела прокурору. Хотя возможны, конечно, варианты, которые обсуждаются в науке⁴⁰⁹.

В целом, восстановление института возвращения уголовного дела прокурору с дополнительным ограничителем в виде запрета для следователя

⁴⁰⁷ Головки Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 3. В стиле новых тенденций // Уголовное судопроизводство. 2012. № 2. С. 19–20.

⁴⁰⁸ См.: Машовец А.О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. - 456 с. С. 26 и след.; Бурмагин С. В., Барабанов П. К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 45–53; Хохряков М.А. Указ. соч. С. 13-14, 156.

⁴⁰⁹ См.: Бравилова Е.А. Указ. соч. С. 283 и след.; Бобылев М.П. Указ. соч. С. 12, 147.

проводить дополнительное расследования можно считать временной мерой. Весь этот механизм возврата судом уголовного дела прокурору для выдвижения нового обвинения мы считаем атрибутом следственного процесса, с доминантой следственной власти, а не состязательной модели выдвижения обвинения перед судом и потому в принципиальном плане негативно относимся к ней. Поэтому с нашей точки зрения: Более последовательным решением было бы введение новой – судебной процедуры выдвижения обвинения, как это было по Уставу уголовного судопроизводства и как это предусмотрено во всех развитых уголовно-процессуальных порядках.

Выводы по параграфу.

Положение о неизменности обвинения, закрепленное в части 1 ст. 252 УПК РФ о прямой связи предмета судебного процесса - судебного разбирательства - с предметом обвинения (уголовного иска), включающего запрет суду перейти на более тяжкое обвинение по сравнению с тем, по которому обвиняемый был предан суду прокурором, прошел проверку столетиями и вошел в современную позитивно-правовую модель уголовного судопроизводства.

Правовой стандарт поддержания соотношения между обвинением и предметом судебного спора – пределами судебного разбирательства, применим ко всем судебным стадиям. Он имеет в своей основе запрет на изменение обвинения, ухудшающее положение подсудимого и ограничивающее его право на защиту от обвинения. Переход на обвинение, предметом которого является более тяжкое преступление или включающее новые отягчающие уголовную ответственность обстоятельства, запрещен.

Запрет на поворот к худшему, будучи неразрывно связан с обвинением и доказыванием в суде, выступает не только гарантией прав подсудимого на защиту, но и определяет предмет и пределы судебного разбирательства и судебного доказывания. Этим запретом судья обязан руководствоваться как

при рассмотрении уголовного дела, так и при вынесении обвинительного приговора, принятии решения о возвращении уголовного дела прокурору.

В первых двух судебных стадиях предмет и верхние пределы судебного разбирательства определяются исключительно формулой публичного обвинения, с которым прокурор направил уголовное дело в суд, и никакими правопритязаниями других участников. Причем в первой судебной стадии, проводимой в обычном формате, этот запрет выполняется судьей по умолчанию, и только в форме предварительных слушаний этот запрет становится реальным правовым средством регулирования деятельности судьи и задействует при необходимости механизм возвращения уголовного дела прокурору. В стадии судебного разбирательства запрет на поворот к худшему выступает в качестве основополагающего стандарта, изложенного в статье 252 УПК РФ.

Совокупность изъятий из запрета на поворот к худшему в суде составляет то, что можно назвать правовым стандартом. Нарушения этого стандарта фиксируются вышестоящими судебными инстанциями в обвинительном приговоре, ином окончательном решении суда по делу.

Полагаем, нарушение запрета на поворот к худшему, а вместе с тем и незаконный выход за пределы судебного разбирательства происходит в следующих ситуациях:

- представление стороной обвинения новых не относимых к доказываемому обвинению обвинительных доказательств, которых не было в материалах дела и которые устанавливают новые факты против подсудимого и в дальнейшем при оценке судом обстоятельств дела в совокупности влияют на вид и размер наказания – без изменения при этом набора статей УК, вменяемых в вину подсудимому;

- получение в судебном следствии новых доказательств, устанавливающих новые факты против подсудимого или иных лиц в совершении преступлений, которые в дальнейшем при оценке судом обстоятельств дела в совокупности влияют на вид и размер наказания

- изменение обвинения, в том числе с нарушением вытекающего из запрета на поворот к худшему, может произойти в прениях сторон, в выступлении государственного обвинителя;

- иная оценка судом фактической стороны дела и новая уголовно-правовая квалификация того, что изначально было представлено суду в виде обвинения;

- иное толкование судом уголовного закона, требуемого государственным обвинителем к применению в обвинении, при вынесении приговора в совещательной комнате, которое приводит к преобразованию к худшему положения осужденного.

Иными словами, возможен на практике фактический выход за пределы судебного разбирательства, когда стороны и суд исследуют факты против подсудимого или причастности иных лиц к преступлению, ставшему предметом доказывания по первоначально выдвинутому обвинению.

Должно быть запрещено такое пополнение фактической основы обвинения в ходе судебного следствия при получении новых обвинительных доказательств, которое приводит к негативным уголовно-правовым последствиям для осужденного: изменение уголовно-правовой квалификации, появление новых отягчающих обстоятельств, что приводит к ужесточению меры уголовно-правового воздействия.

Интеллектуальный выход за пределы обвинения и пределы судебного разбирательства может произойти при вынесении судом обвинительного приговора. Такая ситуация наиболее распространена по причине ее не явности, закрытости, обеспечиваемой тайной совещательной комнаты и сущностью процесса оценки доказательств и принятия решения судьей.

Переход на новое в уголовно-правовом или фактическом отношениях обвинение, который произошел без предоставления подсудимому судом реальной возможности по защите от него недопустим. Любое изменение обвинения, включая поворот к лучшему, должно быть зафиксировано в решении суда, которое должно быть разъяснено подсудимому. В

совещательной комнате суд должен исходить только из фактов, установленных в судебном следствии и включенных публично в формулу обновленного обвинения, и относительно которых стороны защиты имела возможность возражать и представлять противодоказательства.

Оптимальная правовая организация изменения обвинения в суде первой инстанции в контексте запрета на поворот к худшему представляет трудноразрешимую для отечественной уголовно-процессуальной доктрины проблему. Она не разрешена должным образом до настоящего времени. Имеющуюся в позитивном уголовно-процессуальном праве модель преобразования обвинения на более тяжкое через процедуру возвращения уголовного дела прокурору следует считать паллиативом, который имеет ряд недостатков. Главный из которых – это фактическое выполнение судом функции обвинения.

С учетом сказанного о связи запрета на преобразование к худшему с правовой системой уголовно-правовой охраны общества от преступлений, можно предложить следующие меры по ее преобразованию:

1. Подлежит коренному реформированию первая судебная стадия: ей должна быть возвращена классическая форма стадии предания суду, в которой, на наш взгляд, и надлежит устранять все препятствия для рассмотрения дела по существу, связанные, в том числе, и с преобразованием обвинения в худшую для обвиняемого сторону. Стадия предания суду должна стать судебной инстанцией, где должен решаться вопрос о предъявлении подсудимому нового обвинения, связанного с первоначальным, основания для которого были установлены в ходе судебного разбирательства.

2. Запрет на поворот к худшему должен быть абсолютным после предания суду: в следующих судебных стадиях дело подлежит рассмотрению в пределах обвинения, сформулированного актом о предании обвиняемого суду.

3. Предъявление нового обвинения в случае выявления новых фактов, связанных с первоначальным обвинением, возможно после возвращения уголовного дела судом для предъявления прокурором нового обвинения и предания обвиняемого суду по новому обвинению.

4. Если же в суде были выявлены факты совершения преступлений иными лицами или новые преступления подсудимого, которые не связаны с рассматриваемым обвинением, то прокурор принимает меры для возбуждения уголовного дела органом предварительного расследования.

Следуя состязательной позиции, полагаем, что запрет на поворот к худшему надо распространить и на решение судьи о размере и виде наказания, назначаемого им по делу, поставив судью в зависимость от предложения по этому вопросу стороны обвинения.

§ 2. Запрет на поворот к худшему как общее свойство апелляционного производства по уголовному делу

Проведенные ранее исследования подтвердили то, что запрет на поворот к худшему имеет универсальный, общепроцессуальный характер. Поскольку за стадией судебного разбирательства следует апелляционное производство, постольку продолжение поиска всеобъемлющего смысла запрета на поворот к худшему приводит в данную стадию. Наша конечная цель состоит в том, чтобы обосновать это положение и найти всеобъемлющую формулу изучаемого концепта.

Достаточно распространенной в науке является трактовка запрета на поворот к худшему как общего свойства всех судебно-контрольных производств по уголовному делу, включая апелляционное производство. В контексте этих производств и развивалось учение об этом запрете. Хотя в этих судебных стадиях российского уголовного процесса действие запрета на поворот к худшему проявляется по-разному.

Именно с апелляцией, как ранее – с советской кассацией, связывалось раскрытие данного уголовно-процессуального запрета во всей своей полноте, но и противоречивости. Поэтому определение «апелляционного» запрета на поворот к худшему⁴¹⁰ можно считать центральным, решающим этапом в прояснении сущности данного процессуального феномена.

Характерно, что несмотря на длительную и богатую историю изучения запрета на поворот к худшему в суде второй инстанции, в последних исследованиях констатируется дискуссионность в понимании как сущности запрета на поворот к худшему в стадии при пересмотре итоговых судебных решений, не вступивших в законную силу, так и многих частных вопросов, связанных с его проявлениями в этой стадии⁴¹¹.

Очевидно, что для сохраняющейся дискуссионности существуют глубокие причины, вызванные как нестабильностью законодательства, так и идеологическими противоречиями.

В стадии апелляционного производства смысл данного запрета определяется спецификой данной стадии, которая, в свою очередь, будучи элементом уголовно-процессуальной системы определенного типа, несет на себе ее отпечаток.

Если исходить из того, что в основе всей уголовно-процессуальной системы лежат два института: обвинение и доказывание, то запрет на поворот к худшему в стадии апелляционного производства должен выразить эту закономерность, то есть в принципиальном плане он определяется спецификой апелляционной формы поддержания обвинения и изменения

⁴¹⁰ Признавая условность этого термина, будем использовать его в данном параграфе, подчеркивая своеобразие проявления запрета на поворот к худшему в стадии апелляционного производства.

⁴¹¹ См.: *Ивасенко К.В.* Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах. С. 157; *Килина И.В.* Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке. С. 8; *Палиева О.Н.* Апелляционное производство в уголовном процессе России. С. 11.

обвинения и доказывания. Такую позицию, отмечая, правда, только доказывание, склонны поддерживать и другие авторы⁴¹².

В процессе обвинительного типа, как уже выяснилось, действие этого запрета будет более последовательным, тогда как в процессе смешанного типа этот запрет смягчается и обрастает различного рода изъятиями. Формы отступления от запрета являются специфичными для различных стадий.

Прежде чем приступить к их выяснению, разберемся с доктринальными маркерами-квалификаторами апелляционного запрета на поворот к худшему, то есть с понятиями, через которые объясняется его правовая природа в контексте апелляционного производства.

В теории запрет на поворот к худшему принято считать одним из «общих свойств»⁴¹³ апелляционного производства по уголовным делам.

Некоторые современные авторы трактуют анализируемый нами запрет как принцип стадии апелляционного производства (*non reformatio in rejus*)⁴¹⁴, который якобы действует в суде второй инстанции⁴¹⁵. Впрочем, какого-либо конструктивного результата от такого захода на квалификацию запрета на поворот к худшему как «принципа стадии» и отказа от традиционного термина «общего свойства» нет. Хотя та же И.В. Килина более склонна трактовать запрет на поворот к худшему как институт, то есть совокупность правил, производных от этого запрета⁴¹⁶.

В контексте судебно-контрольных стадий, включая стадию производства по уголовному делу в суде второй инстанции, запрет на поворот к худшему обычно называют «общим свойством» (соответствующей стадии). Традиционным для отечественной уголовно-процессуальной доктрины является проведение аналогии между общими условиями стадий и

⁴¹² См.: Килина И.В. Указ. соч. С. 8.

⁴¹³ См.: Ивасенко К.В. Указ. соч. С. 9, 156, 157.

⁴¹⁴ См.: Килина И.В. Указ. соч. С. 8, 9.

⁴¹⁵ См.: Килина И.В. Указ. соч. С. 9.

⁴¹⁶ См.: Килина И.В. Указ. соч. С. 9.

общими свойствами⁴¹⁷ – это категории одного уровня, а именно: проявление принципов в стадии, то есть промежуточное звено между принципом и нормами в механизме правового регулирования. Приводя запрет на поворот к худшему в числе общих свойств стадии апелляционного производства, ученые тем самым признают принципиальное значение данного запрета для устройства и работы апелляционного уголовно-процессуального правового механизма⁴¹⁸.

Принимаем именно такой подход: уголовно-процессуальный принцип запрета на поворот к худшему выступает общим свойством апелляции. Поэтому правомерно говорить об «апелляционном запрете на поворот к худшему» как общем свойстве данной стадии и как специфической разновидности общепроцессуального запрета на поворот к худшему.

Следуя учению об общих свойствах уголовно-процессуальной апелляции (производства в суде второй инстанции), надо трактовать смысл запрета на поворот к худшему в системе других общих свойств этой стадии: свобода обжалования, ревизионность.

Особое значение в определении запрета на поворот к худшему имеет ревизионность⁴¹⁹ апелляционного производства, которая традиционно выступает парной оппозицией запрету на поворот к худшему: если первая выражает активность суда, то второй ее ограничивает. Ревизионность обозначает активность суда в судебно-контрольных инстанциях⁴²⁰. Основной,

⁴¹⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2015 года № 129-О, Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 года № 15-О; Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3271-О /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.12.2022 г.).

⁴¹⁸ См. об этом, напр.: *Петрухин И.Л.* Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе // Государство и право. 2006. № 3. С. 46.

⁴¹⁹ В теории уголовного процесса «ревизионность» является специальным термином, который используется по традиции только для характеристики одного из существенных свойств судебно-контрольных стадий. Для анализа положения суда в других стадиях этот термин и обозначаемое им понятие не используют.

⁴²⁰ См.: *Александров А., Ковтун Н.* Апелляция в русском уголовном судопроизводстве: монография. Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 1999. С. 11–28; *Кудрявцева А.В., Смирнов В.П.* Ревизионность как общее условие апелляционного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2015. №2. URL:

прямой ее смысл в том, что активность суда, позволение ему выйти за пределы требований сторон допустима только в пользу осужденного, оправданного. Как пишет И.В. Килина, ревизионная активность суда допускается только, если не приводит к ухудшению положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, а также гражданского ответчика⁴²¹.

Активность суда апелляционной инстанции обеспечивает исправление судебных ошибок в пользу осужденного, иного лица, в отношении которого было вынесено судом первой инстанции решение. Именно в таком смысле толкует положения ст. 389.15, части 1 и 2 статьи 389.19 УПК РФ Пленум Верховного Суда России⁴²². В таком тесном смысле ревизионность составляет единое целое с запретом на поворот к худшему.

Однако одним этим, можно сказать прямым, правозащитным значением сущность общего свойства ревизионности не исчерпывается. Активность, обозначаемая ревизионностью, может быть проявлена судом не только в пользу, но и против лиц, привлеченных к судебному уголовному преследованию. Эти два свойства имеют точку схождения, но их крайности являются антагонизмами. Запрет на поворот к худшему диалектически взаимосвязан с ревизионностью. Изъятия из запрета на поворот к худшему обусловлены именно императивом об активности суда, прежде всего, в доказывании. Можно сказать, что «камень преткновения» в нахождении оптимального правового режима стадии апелляционного производства состоит в нахождении должного соотношения начал противоположной

<https://cyberleninka.ru/article/n/revizionnost-kak-obschee-uslovie-apellyatsionnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 30.12.2022); Уголовный процесс России: учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва. М., 2003. С. 214 и след.; Ковтун Н.Н. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России – стереотипизация правовых установок // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 22–26.

⁴²¹ См.: Килина И.В. Указ. соч. С. 8, 9.

⁴²² См. пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 (ред. от 01.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2012. 7 декабря. № 283.

направленности, то есть «ревизии» и «запрета поворота к худшему», при определении пределов апелляционного доказывания и поворота к худшему⁴²³.

Нами уже определен круг конкурирующих идеологем, принадлежащих разным началам: частному и публичному: состязательность и объективная истина, публичность и диспозитивность. Запрет на поворот к худшему родственен состязательности, диспозитивности, частному – антропологическому началу. Общее свойство ревизионности является проводником публичного начала, воплощением государство-центричной правовой идеологии⁴²⁴. Это актуально и для стадии апелляционного производства.

Ревизионность уравнивается запретом на поворот к худшему и таким образом устанавливаются общие условия, правовой режим деятельности сторон и суда в ходе апелляционного производства по уголовному делу. Через эти два начала апелляции возможна разбалансировка или нахождение нового баланса сил в апелляционном производстве. До настоящего времени продолжается период неопределенности и метаний судебной практики в определении допустимых пределов выхода суда за пределы требований сторон и поворот к худшему положения уголовно-преследуемого лица – в интересах общественного блага. Пока, на наш взгляд, несмотря на вполне выраженную тенденцию в сторону публичности, новая правовая основа вполне не определилась. Как будет показано далее в этом виноваты и сами судебные власти.

Современная модель апелляции и со встроенным в нее запретом на поворот к худшему есть результат конкуренции частного и публично-этатистского начал. Показателем баланса частно-публичного как раз и

⁴²³ Сказанное здесь в полной мере иллюстрируется результатами, полученными в ходе анкетирования практиков. См.: Ответы судей на вопросы №№ 11–13, 15–19, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 11–18, Таблица 2.2.

⁴²⁴ См.: *Дикарев И.С.* Апология ревизии в уголовном процессе // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 34–37.

является уголовно-процессуальный субинститут, основанный на запрете на поворот к худшему, включающий систему изъятий из него.

Еще одним необходимым юридико-техническим ходом в плане определения доктринальных установок на понимание запрета на поворот к худшему будет квалификация данного запрета как уголовно-процессуальной гарантии. Общим местом в рассуждениях о сущности запрета на поворот к худшему в стадии апелляции является использование категории «гарантия». Данный запрет квалифицируется как правозащитная гарантия, в первую очередь обеспечивающая свободу апелляционного обжалования со стороны осужденного⁴²⁵, и тем самым позволяющая реализоваться его праву на защиту⁴²⁶. Кроме того, анализируемый запрет выступает и гарантией обеспечения публичного интереса, который состоит в обнаружении и исправлении судебных ошибок⁴²⁷.

Итак, у запрета на поворот к худшему в контексте апелляционного производства присутствуют сущностные свойства процессуальной гарантии, общего свойства стадии. Значит в нем имеет место проявление процессуальной сущности стадии апелляционного производства. В уголовно-процессуальной науке такая точка зрения является достаточно распространенной⁴²⁸.

Поэтому и нам важно определиться в этом вопросе. Исходным будет констатация того, что апелляционное производство является по своему существу повторным (ординарным) рассмотрением уголовного дела в

⁴²⁵ См.: *Беззубов С.И.* Указ. соч. С. 60.

⁴²⁶ Этот момент был специально выделен в одном из решений Конституционного Суда России, в котором он отмечает эффект нейтрализации запретом на поворот к худшему «chilling effect» – «сковывающего эффекта», который создает препятствие стороне защиты для принятия решения об обжаловании приговора в апелляционном порядке.

См.: По запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 3271-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2023).

⁴²⁷ См.: *Петрухин И.Л.* Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе. С. 46.

⁴²⁸ См.: *Килина И.В.* Указ. соч. С. 8.

вышестоящем суде. На этом изначально стояли доктрина⁴²⁹ и законодатель при возрождении института апелляции в российском уголовном судопроизводстве.

Законодатель исходил из того, что суд апелляционной инстанции уполномочен своим решением заменить любое итоговое решение суда первой инстанции, в том числе заменить оправдательный приговор обвинительным, без возвращения уголовного дела в суд первой инстанции для повторного разбирательства, а тем более – прокурору⁴³⁰. Эта модель осталась в прошлом, но в риторике судебной власти она продолжает воспроизводиться – как абстракция.

Несмотря на качественное преобразование апелляционной модели, Конституционный Суд России неоднократно подчеркивал, что специфика апелляционного производства состоит «в ординарном, по существу, порядке рассмотрения уголовного дела с соблюдением, в силу статьи 389.13 УПК Российской Федерации, установленных главой 35 того же Кодекса (с изъятиями, предусмотренными его главой 45.1) общих условий судебного разбирательства, включая запрет на поворот предъявленного обвинения к худшему непосредственно решением суда»⁴³¹.

Конституционный Суд России также настаивает, что «исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый

⁴²⁹ На момент создания института апелляции это был один из аргументов в ее пользу См., напр.: *Александров А.С., Ковтун Н.Н.* Апелляция в русском уголовном судопроизводстве. С. 25.

⁴³⁰ Первоначальная редакция статьи 389.24 УПК РФ не содержала существующего ныне запрета (части второй) делать это.

⁴³¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2015 года № 129-О, Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 года № 15-О; Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3271-О /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.12.2022 г.).

баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших»⁴³².

Вначале изменение к худшему положения осужденного, оправданного по инициативе самого суда апелляционной инстанции было исключено. Своего рода «протозапрет», с которого и начиналось развития смыслового ядра апелляционного запрета на поворот к худшему, был сформулирован в статье 369 УПК РФ. В соответствии с частью 2 ст. 369 УПК РФ *reformatio in reius* допускалось, во-первых, только по жалобе или представлению стороны обвинения; во-вторых, только в пределах содержащихся в них требований. При том что сторона обвинения в требовании поворота к худшему не могла выйти за пределы обвинения, по которому обвиняемый был предан суду⁴³³. Эта было апелляционное производство, пределы которого задавались позицией сторон и потому поворот к худшему мог произойти исключительно по воле обвинителя. В такой категорической, абсолютной форме выражения запрета на поворот к худшему в суде апелляционной инстанции была воплощена гуманистическая, состязательная идеология, которой, конечно, не хватало государственности, публичности. Такая состязательная, можно сказать, диспозитивная модель апелляционного производства, где воля сторон, а не суд определяет ход процесса, не вписывалась в смешанный тип уголовного судопроизводства. Она входит в диссонанс с уголовно-процессуальной системой, с традиционной правовой культурой. И потому стала предметом критики как со стороны «ортодоксов» следственной идеологии, так и практиков, которым была неудобна классическая апелляция и которые стремились освободиться от формальных ограничений, к расширению судейской дискреции и удобства вышестоящих судебных властей.

⁴³² По делу о проверке конституционности положений статей 342, 371, 373, 378, 380 и 382 УПК РСФСР, статьи 41 УК РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан № 13-П: постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

⁴³³ См.: *Беззубов С.И.* Указ. соч. С. 12, 152.

Из апелляционного протозапрета на поворот к худшему по инициативе суда вытекала возможность подобного поворота по требованию стороны обвинения, если суд сочтет его обоснованным, а обжалуемое решение суда – неправомерным. Иными словами, суд апелляционной инстанции в пределах обвинения, выдвинутого в суде первой инстанции и актуализированного в апелляционном отзыве был уполномочен отменять и изменять судебное решение, ставшее предметом обжалования, в худшую сторону.

Подобный подход позволил некоторым ученым⁴³⁴ утверждать, что в стадии апелляционного производства действие анализируемого нами запрета в значительной мере ослаблено, особенно в сравнении с кассационным, надзорным производствами по уголовным делам.

В классической трактовке апелляционного поворота к худшему акцент переносится со слова «нельзя» на «можно»: ухудшить положение осужденного можно и даже должно при наличии к тому апелляционного основания и при соблюдении определенных условий. Самое главное из них – это связность позиции суда позицией сторон – позицией стороны обвинения, которая зафиксирована в обвинении, поддерживавшемся в суде и в апелляционном отзыве представителя стороны обвинения (прокурора или потерпевшего).

Как пишет И.В. Килина, границы поворота к худшему в апелляции определяются с учетом как обвинения, изложенного в выдвинутом против обвиняемого обвинении, так и с учетом обжалованного обвинительного приговора⁴³⁵.

При таком подходе теряется исключительность запрета на поворот к худшему, которая изначально сопутствует ему как гарантии права защиты от обвинения.

⁴³⁴ См., напр.: *Трухин С. А.* Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел. С. 10.

⁴³⁵ См.: *Килина И.В.* Указ. соч. С. 8.

Смысл апелляционного запрета на поворот к худшему подлежит истолкованию в контексте статьи 252 УПК РФ. Как разъясняет Пленум Верховного Суда России: «Судебное разбирательство судом апелляционной инстанции проводится в соответствии с требованиями части 1 статьи 252 УПК РФ в пределах предъявленного лицу обвинения»⁴³⁶. Такова же и позиция Конституционного Суда России: апелляционный запрет на поворот к худшему надо понимать в системе общих условий судебного разбирательства, включая правовой стандарт связности пределов судебного разбирательства (в суде апелляционной инстанции) выдвинутым и поддерживаемым в суде обвинением⁴³⁷.

Итак, если исходить из тезиса об ординарности апелляционного производства, то есть воспроизведении в нем всех общих условий судебного разбирательства, то апелляционный запрет на поворот будет фактически калькой прото-запрета на изменение обвинения в худшую для подсудимого сторону, который имеет место в суде первой инстанции.

Специфика апелляционного запрета на поворот к худшему обусловлена наличием у суда апелляционной инстанции полномочия на проведение судебного следствия и на ревизионный пересмотр доказательственной базы по делу. Поскольку происходит доказывание, постольку могут измениться и основания обвинения. А потому потенциально в апелляционной модели заложен такой же стандарт запрета на поворот к худшему как в стадии судебного разбирательства. В системе с такими общими условиями – свойствами как равноправие сторон, состязательность, непосредственность и пр.

Самое главное в модели уголовно-судебного доказывания это кто главный: стороны или суд. Наша модель построена на том, что формально

⁴³⁶ См. пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 (ред. от 01.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2012. 7 декабря. № 283.

⁴³⁷ К сожалению, эта позиция непоследовательно выдерживается судебной властью.

стороны активны в доказывании, но суд несет обязанность установления фактических обстоятельств и принятия правосудного решения. Это в полной мере распространяется и на апелляционное производство. При этом наша доктрина всегда отдавала предпочтение активности суда апелляционной инстанции через категорию «ревизионности» апелляционного производства. Это начало, как уже отмечалось выше, получило приоритетное значение в модернизации апелляционного производства.

В ходе трансформации апелляционной модели появился механизм возвращения уголовного дела в нижестоящий суд или прокурору.

Своего рода «драйвером» этого движения в сторону заботы о публичном начале стало возрождение новой формы проявления активности суда, в том числе по мотиву ухудшить положение уголовно-преследуемого лица, но не напрямую, а косвенно: через возвращение дела прокурору, точнее появление в статье 237 кодекса основания, предусмотренного п. 6 частью первой.

В результате этого движения к публичному благу, по нашему мнению, апелляционный запрет на поворот к худшему получил как бы две версии – сообразно каждой из двух моделей апелляции: полноформатную версию категорического запрета на поворот к худшему в идеальной модели апелляции с ординарным механизмом доказывания и ослабленный запрет на поворот к худшему (ревизионностью) в «неполной» апелляционной модели, лишенной доказывания по существу, и задействующий вместо него механизм возвращения уголовного дела прокурору или в суд первой инстанции – для восполнения недостатков доказывания.

Разделяем точку зрения на то, что имеет место эффект дифференциации апелляционной уголовно-процессуальной формы, а именно: полная апелляция, в которой наличествует весь набор, и апелляция неполная, преобладающим методом которой является кассационный⁴³⁸.

⁴³⁸ См.: Романова А.А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: дисс. ... канд. наук. Н. Новгород, 2017. С. 9.

Добавим, что после образования апелляционных судов она практикуется именно в этих судебных образованиях, где в силу организационных, пространственно-временных и других моментов воспроизведение судебного разбирательства в вышестоящем суде не то, что затруднительно, но исключено⁴³⁹. И потому «неполная апелляция» жизненно нуждается в механизме, предусмотренном п. 6 части 1 статьи 237 УПК РФ, который предполагает активное участие суда.

Таким образом, считаем, что на понимании и применении запрета отражается и такое явление как дуализм апелляции в ее реально-правовом измерении. По нашему мнению, апелляционный запрет на поворот к худшему имеет, очевидно, две модификации, а именно: первая его модификация адекватна ординарной, то есть классической апелляции, которая к настоящему времени, надо прямо признать, практически не существует. Вторая модификация – это та, что составляет существо современной модели апелляционного производства, в котором возобладал формально-кассационный метод и где сосуществуют два механизма перемены решения суда первой инстанции: непосредственно самим судом апелляционной инстанции и через возвращение уголовного дела судом апелляционной инстанции в нижестоящий суд или прокурору.

Именно с ней и связаны современные метаморфозы апелляционного запрета на поворот к худшему.

Таковы, на наш взгляд, основные, исходные установки на понимание апелляционного запрета на поворот к худшему, в контексте его происхождения, генезиса и последующей трансформации на фоне изменения уголовно-процессуальной политики.

⁴³⁹ См.: *Александров А. С.* Судебное следствие в процедуре рассмотрения уголовного дела апелляционным судом общей юрисдикции: реальность или юридический симулякр // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 октября 2020 года / Под редакцией К.Б. Калиновского. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2021. С. 61–71.

Обратимся теперь к современному состоянию апелляционного запрета на поворот к худшему – по смыслу действующего законодательства, толкуемого судебной властью.

В современной модели апелляционного производства запрет на поворот к худшему проявился в нормах, которые содержатся в статье 389.24, части 1 ст. 389.26, части 4 статьи 389.8 УПК РФ⁴⁴⁰. Из системного толкования этих норм вытекает, что суд апелляционной инстанции вправе ухудшить положение осужденного или оправданного, отменив или изменив итоговое решение суда первой инстанции, не вступившее в законную силу. Особенно категоричной выглядит формулировка: «при изменении приговора или иного судебного решения суд второй инстанции вправе усилить наказание или применить уголовный закон о более тяжком преступлении» (ч. 1 ст. 389.26 УПК РФ). Она происходит из вышеуказанного апелляционного протозапрета на поворот к худшему по инициативе самого суда.

Обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции, которыми лицо было привлечено к уголовной ответственности, могут быть изменены в сторону ухудшения положения лица, против которого судом было принято итоговое решение по уголовно-правовому спору, не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей.

Юридико-технический прием, который использовал законодатель при формулировании в части первой ст. 389.24 УПК РФ позволяет истолковать ее смысл не как категорический, непреодолимый запрет, а как, напротив – дозволение суду апелляционной инстанции изменить к худшему положение лица, привлеченного к уголовной ответственности, под определенным условием. В основу этой формулировки, очевидно, заложена установка на ординарность разбирательства по делу в суде апелляционной инстанции, то есть классическая модель апелляции, которая как мы выяснили на практике не существует.

⁴⁴⁰ Ранее их аналогии содержались в части 4 ст. 359 УПК РФ.

Позиция Пленума Верховного Суда России в истолковании смысла апелляционного запрета на поворот к худшему в контексте действующего законодательства также исходит из предположения об ординарности апелляционного производства (как полного, ординарного судебного разбирательства): ухудшение положения осужденного невозможно, если производство не инициировано стороной обвинения⁴⁴¹.

В ряде позиций, сформулированных Конституционным Судом России воспроизводятся классические формулировки, близкие к состязательной модели: пределы прав суда апелляционной инстанции в принятии решений, влекущих возможность изменения обвинения (обвинительного приговора) в сторону, ухудшающую положение осужденного, predeterminedены самим предназначением данного суда, призванного рассматривать уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда; поводом к возбуждению апелляционного пересмотра является исключительно жалоба и (либо) представление сторон; запрет поворота к худшему находится в системной связи с порядком возбуждения производства по жалобе (представлению), направленной в суд апелляционной инстанции; апелляционный суд не вправе по собственной инициативе ухудшать положение подсудимого⁴⁴².

Впрочем, у Конституционного Суда России есть решения, смысл которых противоречит вышеприведенным: «Уголовно-процессуальное законодательство предполагает недопустимость изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение осужденного, иначе как посредством отмены апелляционной инстанцией приговора и направления дела

⁴⁴¹ См.: пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 (ред. от 01.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2012. № 283. 7 декабря.

⁴⁴² См.: По запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 3271-О // СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 04.01.2023).

прокурору»⁴⁴³.

Забегая вперед, скажем, что большая часть этих позиций, связана с разъяснением Конституционным Судом России действия механизма возвращения уголовного дела судом апелляционной инстанции прокурору. Именно восстановление механизма возвращения судом уголовного дела прокурору для ухудшения положения обвиняемого открыло путь в обход апелляционного запрета на поворот к худшему, о чем будет сказано далее.

Такова исходная установка на понимание запрета на поворот к худшему в апелляционной оправе, которая зафиксирована в действующем законе, истолкованном Пленумом Верховного Суда РФ и Конституционным Судом РФ.

Итак, первое, что мы можем отметить, состоит в том, что в стадии апелляционного производства запрет на поворот к худшему наиболее актуален и выражает, очевидно, сущность этой стадии, а в известной мере и всей уголовно-процессуальной системы. Второе: в современной модели апелляции заложен источник ослабления запрета на поворот к худшему. Суд апелляционной инстанции ограничен позицией сторон в повороте к худшему при отмене или изменении приговора, но от этого запрета ускользает процедура возвращения уголовного дела в суд первой инстанции или прокурору. Можно уже обозначить суть подвергаемого эрозии концептуального положения: суд апелляционной инстанции ни прямо ни косвенно не вправе ухудшать положение подсудимого без инициативы стороны обвинения. Мы будем настаивать именно на этом.

В экспертном сообществе сейчас обсуждаются вопросы о пределах ухудшения положения осужденного в ходе апелляционного пересмотра уголовного дела суда, а также о пределах дискреционных полномочий суда апелляционной инстанции в части удовлетворения требований участника со

⁴⁴³ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2015 года № 129-О; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 года № 15-О // СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 04.01.2023).

стороны обвинения (гособвинителя) по ужесточению, назначенного судом первой инстанции наказания⁴⁴⁴. В число актуальных тем входят, какие действия необходимо воспринимать под ухудшением положения лица, какой критерий оценки лежит в основе таких действий, и в каких ситуациях положение осужденного следует признать ухудшенным⁴⁴⁵.

Причина нестабильности и неопределенности доктрины кроется в резких сменах курса законодательной политики. Модель апелляции претерпела за годы своего существования несколько глобальных трансформаций, в результате которых радикально изменилась апелляция, что не могло не сказаться и на одном из ее сущностных показателей, каковым мы считаем запрет на поворот к худшему. Но еще важнее то, что изменился политико-правовой тренд: он стал менее либеральным и более про-публичным, про-государственным.

В реальности произошло качественное преобразование классической апелляционной модели как ординарного, обычного повторного судебного разбирательства по уголовному делу, сообразно общим условиям состязательности, непосредственности, запрета на поворот к худшему, в неполную апелляцию, практикующую формальную (квази-кассационную) проверку решения суда нижестоящей инстанции, что компенсируется активным вовлечением суда в выявление апелляционных оснований и устранение ошибок суда первой инстанции с задействованием механизма возвращения уголовного дела в нижестоящие стадии.

Как отмечается в комментариях законодательства и судебной практики, формально суд апелляционной инстанции обладает всем доказательно-познавательным инструментарием юридических средств суда первой инстанции, однако кадровое и организационное обеспечение судов

⁴⁴⁴ См.: *Ивасенко К.В.* Указ. соч. С. 15; *Палиева О.Н.* Указ. соч. С. 11, 12.

⁴⁴⁵ См.: *Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики (8-е издание, переработанное и дополненное) / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2022. С. 342 и след.*

апелляционной инстанции, коллегиальное рассмотрение дела по существу не всегда делают возможным и целесообразным повторное рассмотрение дела для самостоятельного устранения нарушений закона⁴⁴⁶.

Теперь в понимании апелляции возобладала тема, которая ранее выделялась при характеристике советской кассации – управление судебной системой, судебной практикой и выработка единообразных стандартов правопонимания и применения⁴⁴⁷. Именно в этом смысле надо понимать высказывания коллег о том, что современная отечественная модель апелляции определяется ее контрольно-проверочным характером⁴⁴⁸; апелляция является формой контроля правосудности судебного решения, вынесенного первой инстанцией⁴⁴⁹; повторное рассмотрение апелляционной инстанцией дела вновь по существу необязательно⁴⁵⁰.

В науке признана дуалистичность апелляционного производства, которая состоит в том, что есть формат полной апелляции, предполагающий ординарное судебное разбирательство, с исследованием доказательств и усеченный формат с квази-кассационным методом установления апелляционных оснований⁴⁵¹, предполагающий активность суда и широкую ревизию, которая подавляет запрет на поворот к худшему.

Создался такой тип апелляции, который не предполагает повторного пересмотра уголовного дела по правилам суда первой инстанции. Апелляционная процедура призвана быть одним из инструментов исправления судебных ошибок, восстановления баланса публичного и

⁴⁴⁶ См.: *Кудрявцева А.В.* О пределах прав суда апелляционной инстанции в уголовном судопроизводстве // Судья. 2020. № 4. С. 38–43.

⁴⁴⁷ Повод для такой трактовки назначения апелляционного производства дает и Конституционный Суд РФ.

См.: По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 15-О // Вестник КС РФ. 2016. № 3.

⁴⁴⁸ См.: *Килина И.В.* Указ. соч. С. 8; *Кудрявцева А.В.* Указ. соч. С. 33.

⁴⁴⁹ См.: *Килина И.В.* Указ. соч. С. 8.

⁴⁵⁰ См.: *Гайворонская Л.В.* Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 90 и след.

⁴⁵¹ См.: *Килина И.В.* Указ. соч. С. 10.

частного интересов, а запрет на поворот к худшему воспринимается как препятствие для достижения публично-правовой цели.

Наверное, это самая главная детерминанта появления новой разновидности апелляционного запрета на поворот к худшему.

В таком контексте активность суда не может не быть признана приоритетом, а запрет на *reformatio in reus* – формальностью, которая не может быть абсолютной. По мнению идеологов новой публично-центричной апелляции, суд апелляционной инстанции не может быть связан позицией сторон. Как пишет В.А. Давыдов, такая ситуация «дезаурирует саму идею апелляции как инстанции, которая принимает окончательное решение по делу»⁴⁵².

Итак, согласно современной доктрине, сущность апелляционного производства по уголовному делу сводится к исправлению судебных ошибок суда первой инстанции и уже затем – как средство восстановления нарушенных прав лиц. В трактовке апелляционного производства доминирует публично-правовая ценность правосудия, уголовного процесса. В ряду сущностных свойств или правовых начал понимаемого таким образом апелляционного производства ревизионность, активность суда апелляционной инстанции (в доказывании, в возвращении уголовного дела), в обеспечении публично значимого интереса, получает особое значение – как освобождение суда из-под зависимости от позиции сторон, чьи интересы не всегда могут совпадать с правосудием.

Своего рода триггером для перемены идеолого-правового и политико-правового ландшафта, в котором стала пониматься и использоваться апелляция, а вместе с тем и запрет на поворот к худшему, стали решения Конституционного Суда России⁴⁵³, которые привели к возрождению

⁴⁵² См.: Давыдов В.А. Принятие Федерального закона N 433-ФЗ - весьма значимый этап судебной реформы // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 13.

⁴⁵³ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда;

механизма возвращения уголовного дела судом прокурору, который существовал в советском уголовном процессе. Конституционный Суд РФ, открыв «ящик Пандоры», в последующем был вынужден адаптировать свое творение к реалиям применения на практике ординарной апелляции со встроенным в нее запретом на поворот к худшему. Он признает, что суд апелляционной инстанции может принять решение о возвращении дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения по существу⁴⁵⁴, что может повлечь ухудшение положения осужденного (оправданного).

С подачи Конституционного Суда России была поднята тема о восстановлении якобы нарушенного баланса и усиление заботы о правах потерпевшего, что закономерно привело к констатации им того, что несправедливым является приговор, по которому назначено наказание, которое является чрезмерно мягким в сравнении с тяжестью совершенного деяния⁴⁵⁵, и который суд апелляционной инстанции обязан поэтому отменить или изменить. Это так сказать общая установка на управомоченность суда апелляционной инстанции по своей инициативе ухудшить положение осужденного. Но в полной мере проявилась установка на ослабление апелляционного запрета на поворот к худшему развернулась в решениях Конституционного Суда РФ, в которых он разъяснял правила возвращения уголовного дела судом из стадии апелляционного производства прокурору, с созданием системы общих мест, оправдывающих новый баланс частного и публичного начал⁴⁵⁶.

определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 15-О: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.12.2022 г.).

⁴⁵⁴ См.: По запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3271-О /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.12.2022 г.).

⁴⁵⁵ См.: *Бабенко И.А., Плетнев В.В., Пшавя В.В.* Указ. соч. С. 25–30.

⁴⁵⁶ См.: *Александров А.С., Лапатников М.В., Терехин В.В.* Этапы «большого пути» русского уголовно-процессуального права от полусостязательности– к инквизиции / Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: сборник материалов

Преобразование запрета на поворот к худшему в стадии апелляционного производства связано с возрождением апелляционного механизма возвращения уголовного дела судом прокурору, что признается многими авторами в научной литературе. Полагаем, что неотъемлемой частью уголовно-процессуального механизма изменения обвинения в современной модели апелляционного производства является процедура возвращения уголовного дела судом прокурору, предусмотренная статьей 237 УПК РФ. В совокупности с положениями статьи 252 УПК РФ она определяет основные параметры действующего уголовно-процессуального механизма изменения в худшую сторону положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено судом первой инстанции, в апелляционном порядке⁴⁵⁷.

В контексте восстановления института возвращения уголовного дела прокурору и апологетики активности суда апелляционной инстанции Конституционным Судом России было признано допустимым изменение обвинения в сторону, ухудшающую положение осужденного посредством отмены апелляционной инстанцией приговора и направления дела прокурору⁴⁵⁸; что «предполагает соблюдение общей процедуры, обеспечивающей право обвиняемого на защиту»⁴⁵⁹.

Развивая коннотации, связанные со статьей 237 УПК РФ, в контексте разъяснений относительно апелляционного запрета на поворот к худшему, Конституционный Суд России вывел наиболее радикальную формулировку:

Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием (Уфа, институт права БашГУ, 17-18 апреля 2014 г.). Уфа: БашГУ, 2014 (356 с.). С. 9–26.

⁴⁵⁷ См.: определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3271-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.12.2022 г.).

⁴⁵⁸ См.: определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2015 года № 129-О; определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 года № 15-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.12.2022 г.).

⁴⁵⁹ См.: об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клята Юрия Яковлевича на нарушение его конституционных прав статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2015 г. № 129-О // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 12.03.2016).

«... суд апелляционной инстанции вправе, вне зависимости от отсутствия в представлении или жалобе потерпевшего вопросов о правовой оценке фактических обстоятельств дела, отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом согласно пункту 6 ч. 1 ст. 237 УПК Российской Федерации обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления ... Иное вело бы к подтверждению судом апелляционной инстанции неправосудного решения суда первой инстанции и означало бы ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиций сторон»⁴⁶⁰.

Из разъяснений Конституционным Судом России действия запрета на поворот к худшему в связи с принятием судом апелляционной инстанции решения по основанию, предусмотренному пункту 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, стали модными в науке высказывания о том, что «логичным ... стало бы разрешение суду апелляционной инстанции задействовать п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ по собственной инициативе»⁴⁶¹.

Стала популярной критика запрета на поворот к худшему, как ограничение для применения п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в рамках апелляционного пересмотра при отсутствии жалобы (представления) стороны обвинения⁴⁶².

По нашему мнению, с учетом современного состояния апелляции можно говорить о трех формах проявления запрета в ходе производства по уголовному делу в данной стадии.

Во-первых, есть такая форма этого запрета, которая прилагается к полной апелляции, которая проходит с перепроверкой или даже с

⁴⁶⁰ См.: определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 15-О.

⁴⁶¹ См.: *Коробка Е.* Апелляция не вправе ухудшать положение подсудимого без инициативы стороны обвинения // Адвокатская газета. 2019. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-apellyatsiya-ne-vprave-ukhudshat-polozhenie-podsudimogo-bez-initsiativy-storony-obvineniya>

⁴⁶² См.: *Бабенко И.А., Плетнев В.В., Пшавва В.В.* Указ. соч. С. 30.

представлением и исследованием нового доказательственного материала и вынесением итогового судебного решения. В рамках подобной – полной апелляции возможно установление новых фактов против осужденного, оправданного. Однако, здесь поворот к худшему жестко регулируется запретом, сформулированным в части первой статьи 389.24 УПК РФ.

При первом варианте проявления запрета на поворот к худшему он более всего близок к действию запрета в суде первой инстанции (статья 252 УПК РФ). Можно говорить о том, что в таком формате апелляционный запрет на поворот к худшему действует так же, как в суде первой инстанции действует общее условие о пределах судебного разбирательства, предусмотренное статьей 252 УПК РФ, которое является развитием запрета суду на поворот к худшему обвинения.

Верховный Суд России кассационным определением от 13 января 2021 г. № 36-УД20-8-К2 отменил апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Смоленского областного суда от 21 января 2020 года и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2020 года⁴⁶³.

Главной причиной отмены решения суда апелляционной инстанции стало то, что «суд апелляционной инстанции в нарушение требований ст. 389.28 УПК РФ, исключив указание на применение в отношении Лошкарева положений ст. 73 УК РФ и усилив, тем самым, осужденному наказание, не привел мотивы в обоснование своих выводов. Суд кассационной инстанции, рассмотрев кассационные жалобы стороны защиты, данные нарушения уголовно-процессуального закона судом апелляционной инстанции оставил без внимания. При таких обстоятельствах апелляционное определение Смоленского областного суда и кассационное определение Второго

⁴⁶³ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда России от 13 января 2021 г. № 36-УД20-8-К2. http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1958106

кассационного суда общей юрисдикции подлежат отмене, а дело передаче на новое судебное разбирательство»⁴⁶⁴.

Таким образом, в силу п. 7 ч. 3, ч. 4 ст. 389.28 УК РФ суд апелляционной инстанции в контексте полной апелляции обязан исходить из запрета на поворот к худшему. Пределы изменения судом апелляционной решения суда в худшую для осужденного сторону определяются обвинением, которое поддерживалось гособвинителем плюс жалоба или представление со стороны обвинения, а также итоговое решение суда первой инстанции. При этом предмет обвинения, заложенный в апелляционное представление или жалобу не может выходить за пределы обвинения, бывшего предметом уголовно-правового спора в суде первой инстанции.

Вторая разновидность апелляционного запрета на поворот к худшему имеет место в ситуации, когда в рамках полной, но также и неполной апелляции, происходит установление, в том числе по инициативе председательствующего судьи, фактов против осужденного или оправданного, которые не позволяют суду вынести окончательное решение по делу и дело возвращается в суд первой инстанции для нового судебного разбирательства.

Это происходит, как указывается в научной литературе⁴⁶⁵, в случае выявления так называемых «неустранимых нарушений», то есть таких нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, которые не могут быть устранены самим судом второй инстанции⁴⁶⁶.

⁴⁶⁴ См. там же.

⁴⁶⁵ См.: *Кудрявцева А.В.* О пределах прав суда апелляционной инстанции в уголовном судопроизводстве // Судья. 2020. № 4. С. 38–43.

⁴⁶⁶ Примерный указатель таких нарушений имеется в пункте 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 26, включающий случаи, предусмотренные в части 1 ст. 389.22 УПК РФ.

См.: пункты 18, 18 .1, 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. N 26 (в ред. от 1 декабря 2015 г.) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» / Бюллетень ВС РФ. 2013. № 1 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.12.2022 г.)

В этой связи открывается, с одной стороны, большой простор для активности суда в доказывании – фактов для изменения обвинения в худшую сторону. С другой стороны, это изменение происходит не в самом суде апелляционной инстанции, но в ходе повторного судебного разбирательства. Запрет на поворот к худшему ослабляется косвенно – через отложенное решение суда апелляционной инстанции, которым дело возвращается в суд первой инстанции. Таким образом, происходит отказ суда от восполнения и даже исследования доказательств против уголовно-преследуемого лица и перекладывание этого бремени на нижестоящий суд, а вместе с тем суду первой инстанции предлагается преодолеть запрет на поворот к худшему – по инициативе суда второй инстанции.

Подобная схема многим современным ученым представляется оптимальной, по их мнению, отсутствие у апелляционного суда права выйти за пределы доводов, которые указаны в апелляционной представлении или жалобе, когда возникает обоснованная необходимость в ухудшении положения осужденного, не способствует вынесению правосудного решения⁴⁶⁷. Они настаивают на том, что суд апелляционной инстанции не должен быть связан доводами апелляционных жалобы, представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме и отреагировать на выявленные апелляционные основания посредством возвращения уголовного дела в суд первой инстанции⁴⁶⁸. Эту позицию, судя по данным соцопросов, разделяют и практики⁴⁶⁹.

Если количество уголовных дел, по которым при рассмотрении в апелляционном порядке изменены обвинительные приговоры в 2018 году с усилением наказания подскочило: в 2017 г. из 14215 с изменением квалификации 126 и без изменения квалификации 1649, то в 2018 г. из 17575

⁴⁶⁷ См.: *Бабенко И.А., Плетнев В.В., Пишава В.В.* Указ. соч. С. 30.

⁴⁶⁸ См.: *Романова А.А.* Современное апелляционное производство в уголовном процессе России. С. 13.

⁴⁶⁹ См.: Ответы судей на вопросы №№ 23-24, 29-30, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 18, 26–27, Таблица 2.2; ответы адвокатов на вопросы № 36.1, Таблица 2.3.

с изменением квалификации 242 и без изменения квалификации 2614⁴⁷⁰, то начиная с 2019 ситуация стабилизировалась. С усилением наказания изменена квалификация по уголовным делам в 2019 г. из 15300 – 172, в 2020 г. из 15448 – 156, в 2021 г. из 16880 – 154, в 1 п/г 2022 г. из 8234 – 81. Усилено наказание без изменения квалификации по уголовным делам в 2019 г. – 2379, в 2020 г. - 1964; в 2021 г. – 2245; в 1 п/г 2022 г. - 1433⁴⁷¹.

По количеству отмененных оправдательных приговоров в порядке апелляции скачок произошел в 2018 году по делам возвращенным прокурору: в 2017 г. – 21, в 2018 – 44, в 2019 – 28, в 2020 – 20, в 2021 – 23, в 1 п/г 2022 – 9⁴⁷², в последующем ситуация стабилизировалась. Из них по одному делу возвращено прокурору в 2021 г. и 2022 г. при рассмотрении с участием присяжных заседателей. Надо отметить, что рост количества отмененных оправдательных приговоров обусловлен увеличением этого показателя при рассмотрении таких дел с участием присяжных заседателей: в 2017 г. – 0, в 2018 г. – 30, в 2019 г. – 120, в 2020 г. – 148, в 2021 г. – 255, в 1 п/г 2022 г. – 115⁴⁷³. Обвинительный уклон просматривается в тенденции отмены оправдательных приговоров, вынесенных с участием присяжных заседателей.

Итак, под влиянием публично-правовой (следственной) идеологии произошла мутация запрета на поворот к худшему: в новой правовой среде не полной апелляции, а апелляции формальной, ревизионной, проникнутой началом ревизионности, активности суда. Ревизионная и вместе с тем формальная, неполная апелляция востребовала ограниченный запрет на поворот к худшему. Он осуществляется не по воле обвинителя, а по воле суда в публичном интересе.

⁴⁷⁰ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2023).

⁴⁷¹ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2023).

⁴⁷² Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2023).

⁴⁷³ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2023).

Как представляется, смысл данной разновидности апелляционного запрета применительно другой, чем тот, что увязывается со статьей 252 УПК РФ. Этот последний просто неактуален, так как дело по существу не рассматривается, а решается вопрос о варианте продолжении: в суд первой инстанции.

По мнению сторонников дозволения выхода суда за пределы доводов поданной жалобы (представления), а также за рамки обвинения, которое было предъявлено в ходе предварительного расследования, обще условие, предусмотренное ст. 252 УПК РФ, не распространяется на те случаи, в которых обвинение может дополниться новыми фактами, влекущими за собой изменение квалификации преступления, что потребует применения нормы уголовного права с санкцией, предусматривающей по сравнению с ранее предъявленным обвинением более строгое наказание, в противном случае будет нарушено право обвиняемого на защиту⁴⁷⁴.

Другой автор подразделяет нарушения, на которые суд апелляционной инстанции вправе по своей инициативе реагировать на два вида: нарушения процессуального характера и очевидные нарушения фактического характера, которые должен иметь полномочие исправить в ревизионном порядке⁴⁷⁵.

В оправдание ревизионного, судейского вмешательства суда вопреки запрету на поворот к худшему Б.А. Ринчинов выдвинул тот довод, что не только осужденный, но и потерпевший могут «неправильно оценить все затрагивающие их интересы решения и не обжаловать часть из них»⁴⁷⁶.

Близкая к этой позиция сформулирована другим исследователем о возможном выходе апелляционная инстанции за пределы доводов жалобы/представления по собственной инициативе с целью полноценного

⁴⁷⁴ См.: *Бабенко И.А., Плетнев В.В., Пшавя В.В.* Указ. соч. С. 38; *Романова А.А.* Современное апелляционное производство в уголовном процессе России. С. 15.

⁴⁷⁵ См.: *Гайворонская Л.В.* Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе: монография. С. 61.

⁴⁷⁶ См.: *Ринчинов Б.А.* Пределы прав суда апелляционной инстанции и поворот к худшему при пересмотре судебных решений, не вступивших в законную силу // *Сибирский юридический вестник.* 2013. № 1. С. 103.

ответа на заявленные участниками доводы и вынесения правосудного решения. Сюда входят случаи очевидных ошибок в установлении фактических обстоятельств (недостаточность доказательств, отсутствие состава преступления), когда без просьбы стороны апелляционный суд самостоятельно в порядке ревизии исправляет подобные нарушения. Нарушения же процессуального характера апелляционный суд всегда должен исправлять в порядке ревизионного права выхода за пределы доводов жалобы/представления⁴⁷⁷.

В судебной практике распространены случаи, когда суд апелляционной инстанции, изучив материалы дела, «приходит к обоснованному выводу о несоответствии обстоятельств, изложенных в обвинительном заключении, фактическим обстоятельствам дела, свидетельствующим о наличии признаков более тяжкого преступления» и принимает решение о направлении дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции⁴⁷⁸.

В качестве недостатка современной модели запрета поворота к худшему при новом рассмотрении судом первой инстанции уголовного дела после отмены приговора судом второй инстанции указывается на то, что в нем отсутствуют положения, аналогичных ст. 353 УПК РСФСР, свидетельствует о пробеле в правовом регулировании⁴⁷⁹; предлагается восстановить ранее существовавшее основание, допускающее поворот к худшему: «если при новом расследовании дела после отмены приговора будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении обвиняемым более тяжкого преступления»⁴⁸⁰.

⁴⁷⁷ См.: *Гайворонская Л.В.* Указ. соч. С. 41.

⁴⁷⁸ См.: *Попов В.П.* Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции // *Science time*. 2014. № 7. С. 332.

⁴⁷⁹ См.: *Селина Е.В.* Право на защиту в уголовном судопроизводстве // *Журнал российского права*. 2016. № 9. С. 108–112.

⁴⁸⁰ См.: *Селина Е.В.* Указ. соч. С. 111, 112.

Поэтому теоретически может быть выделена и третья разновидность апелляционного запрета на поворот к худшему⁴⁸¹, которая связана с урегулированием еще одного исхода уголовного дела в суде апелляционной инстанции, а именно: возвращение уголовного дела прокурору. Здесь мера дозволенного изъятия их запрета на поворот к худшему еще больше.

Если суд апелляционной инстанции устанавливает, в том числе при своем активном участии, обстоятельства, указанные в пункте 6 части 1 ст. 237 УПК РФ, то обход запрета на поворот к худшему происходит двумя путями: во-первых, в ходе рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции и во-вторых, в ходе дополнительного расследования, выдвижения нового обвинения и его рассмотрения в суде первой инстанции.

Современное уголовно-процессуальное право допускает возможность того, чтобы суд апелляционной инстанции возвратил уголовное дело прокурору для усиления обвинения, получения новых обвинительных доказательств⁴⁸².

Именно об этой – третьей модели апелляционного запрета на поворот к худшему пишет И.В. Килина. В трактовке анализируемого запрета, она указывает на то, что п. 6 ч. 1 ст. 237 и ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ соотносятся как общая и специальная норма, и из этого выводит, во-первых, то, что отказ прокурора от обвинения в суде апелляционной инстанции необязателен; а во-вторых, суд вправе принять решение о возвращении уголовного дела прокурору по мотиву ухудшения положения осужденного, оправданного в связи с установлением фактов против него, как по своей инициативе, так и по ходатайству прокурора⁴⁸³.

⁴⁸¹ Хотя, забегаая вперед, все-таки склоняемся к тому, что целесообразно выделить две разновидности апелляционного запрета на поворот к худшему, каждый из которых сопряжен с возможностью направления судом апелляционной инстанции уголовного дела прокурору или в суд первой инстанции по мотиву необходимости преобразования положения осужденного, оправданного в худшую сторону.

⁴⁸² См.: Романова А.А. Указ. соч. 53.

⁴⁸³ См.: Килина И.В. Указ. соч. С. 8, 9.

Существует тенденция возвращения судом апелляционной инстанции уголовных дел прокурору по мотиву ухудшения положения осужденного, оправданного. Согласно данным судебной практики апелляционного рассмотрения уголовных дел: в 2017 г. из 4607 отмененных обвинительных приговоров возвращено прокурору – 696, в 2018 г. из 6321 – 723, в 2019 г. из 6100 – 697, в 2020 г. из 7174 – 656, в 2021 г. из 8570 – 697, в 2022 г. из 9461 – 891⁴⁸⁴. Из них увеличилось количество дел рассмотренных с участием присяжных заседателей (в 2017 г. – 0, в 2018 г. – 28, в 2019 г. – 88, в 2020 г. – 80, в 2021 г. – 104, в 2022 г. – 141). При этом возвращено уголовных дел прокурору из числа дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей, в связи с отменой обвинительного приговора: в 2020 г. из 80 – 1, в 2022 г. из 141 – 1⁴⁸⁵.

Итак, произошла эволюция уголовно-процессуального законодательства, которая расширила полномочия суда апелляционной инстанции по принятию решений, которые могут ухудшить положение осужденного по обвинительному приговору суда первой инстанции⁴⁸⁶, равно как любого участника процесса, в отношении которого было вынесено судебное решение по существу уголовного дела.

В фактически сложившейся на практике неполной модели апелляционной и активированным в ней механизмов возвращения уголовных дел в суд первой инстанции или прокурору, возобладала публично-правовая идеология, с которой согласуется активный суд и ревизионный порядок установления оснований для ухудшения положения осужденного (оправданного) в суде первой инстанции или в ходе досудебного производства.

⁴⁸⁴ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2023).

⁴⁸⁵ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2023).

⁴⁸⁶ См.: *Килина И.В.* Указ. соч. С. 2, 5.

На наш взгляд, главные сдвиги в устройстве современной апелляции, включающем запрет на поворот к худшему, на уровне идеологии состоят в следующем:

- ослабление запрета на поворот к худшему в стадии апелляционного производства и, соответственно, расширение пределов на поворот к худшему;

- формализация процедуры апелляционного порядка и уход суда второй инстанции от непосредственного ухудшения положения осужденного по запросу апеллятора – через возвращение уголовного дела в нижестоящую стадию;

- легализация проявления инициативы самого суда апелляционной инстанции на ухудшение положения осужденного (оправданного) через доказывание апелляционных оснований.

На практике этот сдвиг привел к возрастанию обвинительного уклона. Обвинительный уклон, который преодолевает запрет к худшему, отметила и А. Романова по результатам анализа судебной практики⁴⁸⁷.

Многие приветствуют это явление, поскольку, как отмечает, например, А.Г. Тузов, в российской правовой культуре укрепилось понимание целей института пересмотра судебных решений «как проявление механизма обеспечения законности и восстановления справедливости»⁴⁸⁸.

Увеличилось количество обвинительных приговоров, которые были изменены апелляционным судом с усилением наказания: лишь 9 приговоров изменено судом с изменением квалификации в 2017 г., а в 2018 г. уже 242, в 2019 г. - 172, в 2020 г. - 156; усилено наказание без изменения квалификации деяния 68 лицам, осужденным в 2017 г., а в 2018 г. это количество увеличивается в десятки раз - до 2 614, в 2019 г. и 2020 г. число таких

⁴⁸⁷ См.: Романова А.А. Указ. соч. 48.

⁴⁸⁸ См.: Тузов А.Г. Свобода обжалования приговора и процессуальное положение участников уголовного процесса в Российской Федерации и Чешской Республике // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2. С. 94.

приговоров лишь незначительно снизилось до 2 379 и 1 965 соответственно⁴⁸⁹.

Одним из наиболее известных решений такого рода, привлечших внимание широкой общественности, стало решение суда апелляционной инстанции (Верховного Суда Республики Карелия), который увеличил срок строгого режима для главы карельского «Мемориала» Юрия Дмитриева с 3,5 до 13 лет. Случай стал широко известным и вызвал немало критических замечаний к российской судебной системе⁴⁹⁰.

Комментаторы судебной практики отмечают то, что суды апелляционной инстанции стали чаще принимать решения, которые могут ухудшить положение лица, осужденного за совершение преступления судом первой инстанции, что объясняется необходимостью исправления ошибок органов предварительного расследования или суда первой инстанции⁴⁹¹. Это оправдывается необходимостью обеспечения независимости суда апелляционной инстанции и освобождения его от ограничений, вытекающих из запрета на ухудшение положения осужденного в апелляции; необходимостью восполнения судом недостаточной инициативы со стороны обвинения⁴⁹².

Мы против такого разворота судебной практики и тенденции к расширению изъятий из запрета на поворот к худшему; против захвата судебской ревизионностью пространства, которым распоряжаются стороны и которое подпадало под действие запрета на поворот к худшему.

Даже сторонники публично-следственной идеологии признают, что это негативно отражается на уровне доверия к судебной власти. Поскольку в последние годы резко возросло количество решений апелляционных судов, которыми ухудшилось положение лиц, осужденных и оправданных

⁴⁸⁹ См.: *Бабенко И.А., Плетнев В.В., Пшавва В.В.* Указ. соч. С. 39.

⁴⁹⁰ См., напр.: *Гирич Н.* Насильственные действия над правосудием // Новая газета. 29 сентября 2020.

⁴⁹¹ См.: *Туркиев Р.М., Сефикурбанов К.С.* Прокурор в апелляционной инстанции // Закон и право. 2020. № 4. С. 122–124.

⁴⁹² См.: *Туркиев Р.М., Сефикурбанов К.С.* Указ. соч. С. 123.

приговорами суда первой инстанции, очень важно рассматривать «поворот к худшему» как самостоятельный институт в российском уголовном процессе, а не только в контексте принципа недопустимости поворота к худшему⁴⁹³.

Наша позиция также может быть обоснована ссылками на позицию Конституционного Суда России, который в одном из своих решений пришел к выводу, что часть первая статьи 389.24 УПК Российской Федерации, рассматриваемая в системе действующего правового регулирования, не может расцениваться как допускающая принятие судом апелляционной инстанции по собственной инициативе решения об отмене не оспоренного прокурором, потерпевшим или другими участниками судопроизводства, представляющими сторону обвинения, приговора суда первой инстанции и о возвращении уголовного дела прокурору по мотиву необходимости предъявить подсудимому более тяжкое обвинение. Иное истолкование данной нормы, предполагающее возможность возвращения уголовного дела прокурору в связи с наличием оснований для изменения обвинения на более тяжкое невзирая на инициирование процедуры апелляционного пересмотра дела стороной защиты в отсутствие представления прокурора, жалобы потерпевшего или других участников процесса со стороны обвинения, означало бы существенное ограничение процессуальных гарантий права на судебную защиту и обжалование в суд решений любых государственных органов, включая судебные, а также права каждого осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, что не отвечало бы предписаниям статей 46 (части 1 и 2), 50 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации⁴⁹⁴. В этом же определении Конституционный Суд России высказал противоположную позицию, сущность которой сводится к тому,

⁴⁹³ См.: *Бабенко И.А., Плетнев В.В., Пшавя В.В.* Указ. соч. С. 39, 40.

⁴⁹⁴ См.: По запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3271-О /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.12.2022 г.).
[/http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912260055](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912260055)

что «вытекающее из статьи 389.24 УПК РФ правило о запрете поворота к худшему, как направленное на недопущение негативных последствий, которые могли бы наступить для инициатора апелляционного обжалования приговора исключает возможность возвращения уголовного дела без соответствующих доводов представления прокурора, жалобы потерпевшего, частного обвинителя, их представителей, в которых ставился бы вопрос об отмене приговора и необходимости предъявления обвиняемому более тяжкого обвинения»⁴⁹⁵.

Предсказуемо эти позиции стали предметом критики со стороны представителей консервативной позиции. По их мнению, данная позиция не совсем соотносится с позициями, высказанными Конституционным Судом ранее в вышеназванных решениях, в том числе и о том, что апелляционная инстанция наделена ревизионными полномочиями и иное приведет к подтверждению судом апелляционной инстанции неправосудного приговора⁴⁹⁶. В том что Конституционный Суд РФ проявил непоследовательность можно согласиться. Однако, мы считаем, что именно та его позиция, которая построена на состязательности и признании приоритета прав и свобод человека и гражданина более соответствует интересам России и каждого из нас.

В решениях Верховного Суда РФ также можно найти позиции, близкие нашей. Так, в одном из своих решений Верховный Суд РФ указал, что статья 389.24 УПК РФ запрещает поворот к худшему в суде апелляционной инстанции, в том числе и в порядке пункта 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ⁴⁹⁷. Это решение также критикуется консерваторами, настаивающими на том, что суд апелляционной инстанции, обнаружив явную правовую ошибку в квалификации деяния стороны обвинения и суда первой инстанции, должен

⁴⁹⁵ См.: там же.

⁴⁹⁶ См.: *Кудрявцева А.В.* Указ. соч. С. 38–43.

⁴⁹⁷ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2014 г. N 22-УДП14-2 // Бюллетень ВС РФ. 2014. N 12. С. 12–13.

по своей инициативе принять меры по ее исправлению⁴⁹⁸. Однако, отказ от состязательности, запрета на поворот к худшему по инициативе суда нельзя оправдывать интересами правосудия. Правосудие должно быть справедливым, а справедливость несовместима с произволом.

Следует согласиться со А.В. Смирновым, который выступает против того, чтобы положение осужденных ухудшалось в итоге апелляционного пересмотра⁴⁹⁹. Аналогичную позицию занимают и другие авторы. Так, С.А. Вдовин пишет, что в связи с наличием разных подходов к толкованию положений ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ (о том, что может являться поводом к ухудшению положения осужденного) в позициях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ предлагается разрешить данные противоречия на законодательном уровне, взяв за основу процессуальную конструкцию благоприятствования защите, как предоставляющую наибольшие гарантии при реализации обвиняемым конституционного права на защиту⁵⁰⁰.

Мы принимаем его вывод о том, что противоречия в разных подходах к толкованию положений ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ в позициях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, предлагается разрешить на законодательном уровне, взяв за основу позицию Верховного Суда РФ, как соответствующую процессуальной конструкции благоприятствования защите и предоставляющую большие гарантии при реализации обвиняемым конституционного права на защиту, но с учетом позиции Конституционного Суда РФ о том, что суд апелляционной инстанции не должен принимать решение вопреки своему внутреннему убеждению и подтверждать юридическую силу решения суда первой инстанции, которое он считает неправосудным⁵⁰¹.

⁴⁹⁸ См.: Кудрявцева А.В. Указ. соч. С. 38–43.

⁴⁹⁹ См.: Смирнов Д.В. Ухудшение положения осужденного в суде апелляционной инстанции // Законность. 2015. № 2. С. 37.

⁵⁰⁰ См.: Вдовин С.А. Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 286 с. С. 13, 14

⁵⁰¹ См.: Вдовин С.А. Указ. соч. С. 19–20.

Таковы, на наш взгляд, наиболее актуальные аспекты действия запрета на поворот к худшему в стадии апелляционного производства по уголовному делу.

Выводы по параграфу.

Запрет на поворот к худшему выступает общим свойством апелляционного производства. Именно в контексте апелляции происходит раскрытие данного уголовно-процессуального запрета во всей своей полноте, но и противоречивости, что закреплено в позитивном праве. Правомерно говорить об «апелляционном запрете на поворот к худшему» как общем свойстве данной стадии и как специфической разновидности общепроцессуального запрета на поворот к худшему. В нем проявляется сущность апелляционного производства, а в известной мере и всей уголовно-процессуальной системы.

Если исходить из классической модели апелляционного производства, как ординарного судопроизводства, предполагающего проведение судебного доказывания, то апелляционный запрет на поворот будет фактически калькой прото-запрета на выход за пределы судебного разбирательства путем изменения обвинения в худшую для подсудимого сторону, который имеет место в суде первой инстанции. В системе с такими общими условиями, как равноправие сторон, состязательность, непосредственность и пр.

Современная модель апелляции со встроенным в нее запретом на поворот к худшему есть результат конкуренции частного и публичного начал. Показателем баланса этих противоположностей как раз и является уголовно-процессуальный субинститут, включающий самый запрет на поворот к худшему и набор изъятий из него. Причем в реально-правовом, а не формальном измерении.

Парадоксальность апелляционного запрета на поворот к худшему выражается, во-первых, в формулировании его в статье 389.24 УПК РФ через свою противоположность, а именно: в виде утверждения о том, что поворот к худшему может произойти в стадии апелляционного производства. Закон

категорически запрещает только поворот к худшему через замену оправдательного приговора обвинительным (ч. 2 ст. 389.24, 389.25 УПК РФ). В современной уголовно-процессуальной модели апелляции заложено отрицание запрета на поворот к худшему, ибо суд апелляционной инстанции может повернуть к худшему положение лица, в отношении которого нижестоящим судом вынесено решение по делу. Формальным ограничителем для подобного поворота процесса является позиция апеллятора-обвинителя, категоричность чего дважды подтверждается: в частях 1 и 2 статьи 389.24 УПК РФ. Однако, это положение отрицается в части 1 ст. 389.19 УПК РФ, что составляет вторую часть парадокса апелляционного запрета на поворот к худшему. Следуя смыслу закона (в публично-правовом понимании, которое в настоящее время доминирует) можно заключить, что суд апелляционной инстанции вправе повернуть к худшему положение осужденного по своей инициативе, когда установит одно из оснований для отмены или изменения решения суда нижестоящей инстанции. Третье проявление противоречивости апелляционного запрета на поворот к худшему состоит в том, что он может быть обойден самим судом второй инстанции через процедуры возвращения уголовного дела (а) в суд первой инстанции или (б) прокурору. Мера дозволенного изъятия их запрета на поворот к худшему по инициативе суда повышается через возможность, предоставляемую пунктом 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Абсолютность запрета на поворот к худшему обнуляется формальными изъятиями из него, заложенными в самом кодексе. Однако еще в большей степени подрывает его произошедшая на практике дифференциация моделей апелляции и соответственно - раздвоение апелляционного запрета на поворот к худшему.

Первая модификация апелляционного запрета на поворот к худшему адекватна ординарной, то есть классической апелляции, которая к настоящему времени практически не существует. Вторая модификация запрета коррелирует «неполной» апелляции, в которой преобладает

«формально-кассационный» метод проверки и соответственно выпадают общие условия судебного разбирательства, а нехватка судебного доказывания фактов восполняется иными родами активности суда, которая может реализоваться в форме, предусмотренной пунктом 6 части 1 статьи 237 УПК РФ.

Концептуальные сдвиги в устройстве современной апелляции, включающей запрет на поворот к худшему, состоят, стало быть, в:

- феномене парадоксальности апелляционного запрета, которая проявляется как минимум в трехкратном отрицании его на уровне нормативно-правового регулирования стадии;

- появлении двух форматов апелляции: полной с ординарным судебным расследованием и неполной - с доминированием формально-кассационного метода проверки и установления апелляционных оснований, которая стала доминирующей на практике;

- образовании двух разновидностей апелляционного запрета - сообразно каждой из двух моделей апелляции: (а) полной, состязательной и (б) неполной, ревизионной, из которой выпало судебное доказывание по существу фактов, но восполненной механизмом возвращения уголовного дела в суд первой инстанции или прокурору по мотиву ухудшения положения осужденного, оправданного;

- ослаблении запрета на поворот к худшему в стадии апелляционного производства ввиду господства публично-правовой идеологии и риторики, легализовавших допущения большей активности суда в инициировании поворота к худшему положения уголовно-преследуемого лица.

В современной правовой организации стадии апелляционного производства под влиянием публично-правовой (следственной) идеологии произошло ослабление запрета на поворот к худшему из-за снятия формального ограничения активности суда позицией сторон и предоставления ему правовых способов позволить преобразовать к худшему

положение осужденного, оправданного судом первой инстанции или следователю.

В контексте приоритета публичного интереса, формализации метода апелляции и активного суда, не связанного позицией сторон, включая обвинения, запрет на *reformatio in peius* становится формальностью, которой можно пренебречь ради абсолюта правовой определенности и других публично-значимых ценностей.

Консервативный тренд в трансформации апелляционного производства по уголовному делу с акцентом на публично-правовые, а не правозащитные приоритеты, при котором назначение и сущность апелляционного производства трактуются в контексте *судебно-контрольного механизма*, закономерно ослабил действие запрета на поворот к худшему и привел к возрастанию обвинительного уклона российского правосудия.

В апелляционной стадии действие запрета на поворот к худшему обусловлено своеобразием смешанного (поискового) типа уголовного судопроизводства, со свойственным ему балансом публичного и частного начал. При усилении состязательности этот баланс меняется с соответствующими последствиями для правового стандарта запрета на поворот к худшему.

Суть нашей позиции заключается в предложении вернуться к изначальной формулировке запрета на поворот к худшему в суде апелляционной инстанции: исключительно по воле субъекта обвинения, изложенной в обвинении выдвинутом и поддержанном в суде первой инстанции, а также в апелляционном представлении (жалобе). Инициатива, содействие суда в преобразовании положения уголовно-преследуемого лица в любом виде должно быть исключено, как выполнение функции обвинения.

Придерживаемся позиции, согласно которой суд апелляционной инстанции по своей инициативе, в отсутствие об этом требования участников процесса, не вправе возвратить уголовное дело (а) прокурору или (б) в суд первой инстанции. Суд апелляционной инстанции не должен по своей

инициативе реагировать и в ревизионном порядке исправлять ни нарушения процессуального характера, ни очевидные нарушения фактического характера, которые влекут преобразование к худшему положение осужденного, оправданного.

Конкретизация нашей позиции представлена в проекте изменений и дополнений статей УПК РФ, который содержится в приложении № 3 (проект статей кодекса).

§ 3. Действие запрета на поворот к худшему в кассационном и надзорном производствах по уголовному делу⁵⁰²

В заключительном параграфе завершим нашу работу исследованием нормативно-правового закрепления и действия на практике запрета на поворот к худшему в кассационном и надзорном производствах по уголовному делу⁵⁰³.

Ввиду принципиальной общности метода, который используют вышестоящие суды в этих стадиях, будет уместным рассмотреть действие запрета на поворот к худшему одновременно применительно к обеим этим производствам⁵⁰⁴.

Воспользовавшись приемом, который мы использовали в предыдущем параграфе, полагаем корректным использовать термин «кассационно-надзорный запрет на поворот к худшему» или «запрет на поворот к худшему в кассационной оболочке», которым, во-первых, подчеркивается, общность

⁵⁰² В параграфе представлены материалы ранее опубликованных статей автора.

См.: Будылин Н.В. Действие запрета на поворот к худшему в стадии кассационного производства по уголовному делу // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Том 32. № 5. С. 887–893.

⁵⁰³ Этим подразумевается и наличие запрета на поворот к худшему в стадии возобновления дела в виду новых или вновь открывшихся обстоятельствах на этапе, когда дело производстве по делу в суде после отмены судебных решений.

⁵⁰⁴ Ввиду принципиального сходства метода, который использует суд кассационной и суд надзорной инстанции.

запрета для кассации и надзора, а во-вторых, его отличие от проявлений запрета на поворот к худшему в иных стадиях.

Говорить о наличии специфики у кассационно-надзорного запрета на поворот к худшему есть много причин⁵⁰⁵. Главная из них состоит в правовой природе – пересмотр решений, вступивших в законную силу, которая, как справедливо указывается в современных исследованиях⁵⁰⁶, несмотря на все «реформы» остается неизменной. Это обусловлено неизменностью как предмета проверки, осуществляемой судом кассационной или надзорной инстанции, каковым являются прежде всего законность, но также и обоснованность судебных актов, вступивших в законную силу, а также методом, который заключается только в юридической проверке законности судебных актов⁵⁰⁷. Это исключительная уголовно-процессуальная форма, а потому исключительным не может не быть и поворот к худшему по результатам проверки уголовного дела, как в кассационной, так и надзорной инстанциях. Как пишет В.Б. Калмыков, запрет на поворот к худшему имеет значение абсолютного императива и определяет существо деятельности и решений суда кассационной инстанции⁵⁰⁸.

Мы разделяем мнение о сложившейся к настоящему времени единой надзорно-кассационной уголовно-процессуальной модели пересмотра

⁵⁰⁵ При этом мы не ставим под сомнение наш генеральный тезис о *принципиальности* запрета на поворот к худшему, отстаиваемый в настоящей работе.

⁵⁰⁶ См.: *Калмыков В.Б.* Кассационное производство в уголовном процессе: теоретико-прикладной аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва: Московский институт экономики и права, 2010. С. 49; *Гехова Д.Х.* Кассационное производство в российском уголовном процессе : генезис и перспективы развития : дисс. ... канд. юрид. наук. Москва: Рос. ун-т дружбы народов, 2016. С. 7, 18; *Омарова А.С.* Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 11; *Спиридонов М.С.* Кассационная проверка итоговых судебных решений в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск: Ульяновский гос. университет, 2021. С. 10–12.

⁵⁰⁷ См.: *Ковтун Н.Н.* О сути и назначении самобытной российской кассации: позиции закона, доктрины и практики // *Мировой судья.* 2020. № 11. С. 11–17; *Спиридонов М.С.* Указ. соч. С. 5, 8; *Нехороших М.Е.* Кассационное производство: сущность, задачи и направления совершенствования: дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018. С. 13.

⁵⁰⁸ См.: *Калмыков В.Б.* Указ. соч. С. 12.

судебных решений по уголовным делам, вступивших в законную силу⁵⁰⁹. Не говоря уже о спорности сохранения надзорного производства, от которого отказались в большинстве государств, перешедших на «европейские» стандарты правосудия. И мы, не будем скрывать, являемся сторонниками мнения о том, что надзорное производство является своего рода атавизмом советской уголовно-процессуальной системы⁵¹⁰, от которого следовало бы отказаться.

Все это позволяет говорить о едином кассационно-надзорном запрете на поворот к худшему, который, очевидно, отличается от апелляционного и прочих аналогов, имея с ними и принципиальное сходство, происходящее из сущности состязательного (обвинительного) процесса.

Не будет преувеличением сказать, что корпус представлений о запрете на преобразование к худшему сформировался отечественной уголовно-процессуальной доктриной в контексте исследований стадий кассационного и надзорного производств по уголовному делу.

С восстановлением, развитием института апелляции центр обсуждения этой темы закономерно локализовались в стадии апелляции и кассации, в виду исторически сложившегося различия в апелляционном и кассационном методах проверки предмета уголовно-процессуального спора.

Исходным тезисом наших рассуждений будет указание на различие апелляционного и кассационного вариантов запрета на поворот к худшему ввиду качественного различия методов апелляции и кассации.

Если ординарным методом классической апелляции является повторное рассмотрение дела вышестоящим судом, уполномоченным своим

⁵⁰⁹ См.: *Ковтун Н.Н.* Res judicata реформированной российской кассации // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 121–130; *Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография. С. 11, 12; *Нехороших М.Е.* Указ. соч. С. 45–46.

⁵¹⁰ Это точка зрения разделяется некоторыми представителями отечественной уголовно-процессуальной науки.

См., напр.: *Ковтун Н.Н.* Надзорно-кассационная форма проверки судебных решений в контексте российской «традиции», актов ЕСПЧ и актов конституционного правосудия // Уголовная юстиция. 2016. №1 (7). С. 45–55.

решением заменить решение нижестоящего суда, то кассационный метод не включает получение и даже исследование доказательств, то есть ревизию фактической базы судебным следствием⁵¹¹.

Поэтому если для апелляции отмечается происхождение запрета на поворот к худшему от позиции сторон, от формулы обвинения, то для кассации с ее формальным-юридическим методом запрет на поворот к худшему силен своим формализмом. Его трудно обойти под предлогом установления новых фактических обстоятельств против осужденного, оправданного в стадии судебного разбирательства и при апелляционном производстве.

Поэтому изначально можно констатировать, что специфика запрета на поворот к худшему обусловленная сущностью кассационного (надзорного) метода состоит в его формальной жесткости. В кассации запрет на поворот к худшему ввиду кассационного формализма более жестко привязан к позициям сторон, документально зафиксированным в нижестоящих стадиях и в поданных ими кассационных отзыхах. И потому, как правильно указывается в доктрине, любые исключения из запрета на поворот к худшему, какими бы благами соображениями они ни обосновывались, в суде кассационной инстанции недопустимы⁵¹². Кассационно-надзорное производство в идеале должно быть нетерпимым к повороту к худшему и должно служить исключительно цели улучшения положения участника процесса, в отношении которого вступил в силу обвинительный приговор или иное решение, ограничивающее его права и законные интересы.

⁵¹¹ Это различие подтверждено Пленумом Верховного Суда России.

В пункте 20 постановления от 28 января 2014 года № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» Пленума Верховного Суда России обратил внимание судов на то, что круг оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ввиду существенного нарушения уголовного закона (неправильного его применения) и (или) существенного нарушения уголовно-процессуального закона в отличие от производства в апелляционной инстанции ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела, т.е. на правильность его разрешения по существу.

⁵¹² См.: *Калмыков В.Б.* Указ. соч. С. 12.

Пока отечественная уголовно-процессуальная модель кассации/надзора допускает поворот к худшему. Но надо ставить вопрос о сведении к минимуму такой возможности. Усиление категоричности запрета на поворот к худшему должно служить этому.

Как и вся стадия кассационного производства, запрет на поворот к худшему нацелен на обеспечение проверки, прежде всего, формальной стороны дела. И хотя в ходе поэтапной модернизации постсоветской кассации в ней усилился проверочный аспект и фактической стороны дела⁵¹³, все равно по сравнению с апелляцией, где проверка фактической стороны дела официально входит в предмет деятельности, доказывания суда и сторон, а потому пределы разбирательства шире и потенциально более склонны к тому, что бы появился повод⁵¹⁴ и для поворота к худшему.

После преобразования надзорной и кассационной форм Федеральным Законом от 29.12.2010 № 433-ФЗ⁵¹⁵ запрет на образование к худшему получил в них новое содержательное наполнение в русле указанной выше тенденции – включение возможности проверки фактической стороны дела⁵¹⁶. В определении кассационных оснований, влекущих ухудшение положение участника процесса, привлеченного к уголовной ответственности, была использована формулировка «искажающие саму суть правосудия и смысл

⁵¹³ См.: *Дикарев И.С.* Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 49–52; *он же.* Об основаниях пересмотра приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 35–38.

⁵¹⁴ Здесь мы имеем в виду основание для возвращения уголовного дела в нижестоящий суд или прокурору.

⁵¹⁵ Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 45.

⁵¹⁶ См.: *Потапов В.Д.* Категории «существенное нарушение закона» и «фундаментальное нарушение закона» в контексте оснований для отмены окончательных судебных решений в суде надзорной инстанции // Вестник Саратовской государственной академии право. 2011. № 2. С. 181–182.

судебного решения как акта правосудия», которая была разъяснена Конституционным Судом РФ именно в таком – исключительном смысле⁵¹⁷.

В результате современная кассационная модель стала во многом напоминать советскую модель, включающую действия и решения суда кассационной инстанции по отмене окончательных актов суда в сторону, ухудшающую положение осужденных (ст. 401.6, ч. 5 ст. 401.16 УПК РФ)⁵¹⁸.

В дальнейшем происходило уточнение оснований для пересмотра в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено: если «были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве»⁵¹⁹.

Очередная модернизация кассационного уголовно-процессуального механизма Федеральным Законом от 11.10.2018 года № 361-ФЗ⁵²⁰ и Федеральным законом от 24.02.2021 № 15-ФЗ⁵²¹ делают актуальным обсуждение как традиционных, так и новых вопросов относительно действия в нем запрета на преобразование к худшему.

С 1 октября 2019 г. в российском уголовном процессе сформировались две модели кассации: сплошная и выборочная кассации. Впрочем, по мнению ведущих специалистов это событие (разделение кассационного производства

⁵¹⁷ См.: по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера: постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 N 5-П//РГ. 2017. № 7222. 17 марта.

⁵¹⁸ См.: *Ковтун Н.Н.* О сути и назначении самобытной российской кассации: позиции закона, доктрины и практики // *Мировой судья.* 2020. № 11. С. 11–17.

⁵¹⁹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II), ст. 4255.

⁵²⁰ Федеральный закон от 11.10.2018 № 361-ФЗ (ред. от 12.11.2018) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 42 (часть II), ст. 6375.

⁵²¹ Федеральный закон от 24.02.2021 № 15-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 9, ст. 1462.

на два вида («сплошная» и «выборочная» кассация) не затронуло сущности новой процедуры кассационного пересмотра итоговых судебных решений⁵²². И мы полагаем, что запрет на поворот к худшему в равной степени действует с одинаковой интенсивностью и в той и другой разновидности кассации.

Если же учитывать тот факт, что в это же время фактически сформировалась полная и неполная апелляции, то можно сказать, что до известной степени в связи с образованием неполной – формальной апелляции изначальные различия между двумя методами проверки судебных решений по уголовным делам сгладились. Однако, тем не менее, мы полагаем, что в обоих видах кассации запрет на поворот к худшему менее вероятен по инициативе суда при проверке фактической стороны дела, чем при кассации, особенно выборочной.

Последним штрихом в общей картине запрета на поворот к худшему в уголовно-процессуальной модели кассации стало внесение большей правовой определенности в части процессуальных сроков. Категоричности действия запрета на поворот к худшему в стадии кассационного производства изначально способствовало введение годового срока для пересмотра судебных, вступивших в законную силу, по мотиву поворота к худшему⁵²³. Усилению подчеркиваемой нами категоричности/формальности кассационного запрета на поворот к худшему, а вместе с тем и правовой определенности, способствовало введение сроков кассационного обжалования. Как известно, этот срок предусматривался в первоначальной редакции статьи 401.6 УПК РФ, однако был ликвидирован Федеральным законом № 518-ФЗ от 31.12.2014 г. Однако, затем встал вопрос о введении двухмесячного срока кассационного обжалования, что в целом усиливало действие запрета на поворот к худшему в этой стадии⁵²⁴.

⁵²² См.: *Спиридонов М.С.* Указ. соч. С. 10.

⁵²³ В первоначальной редакции ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ был предусмотрен пресекательный срок в один год на обжалование приговора при повороте к худшему.

⁵²⁴ Авторы законопроекта считали недопустимым ограничивать право обжалования необоснованных и незаконных решений в целях улучшения положения осужденного,

Подчеркнем, что против данного «нововведения» активно возражали правозащитники-либералы. В частности, Т. Морщакова писала: «Это звучит диссонансом в сравнении с легитимной ситуацией действия в уголовном процессе правила благоприятствования защите, включая режимы проведения заседаний и запрет поворота к худшему в вышестоящих судах при проверке вступивших в законную силу приговоров. Благоприятствование защите, поддерживающее презумпцию невиновности, всегда служило в уголовном процессе при публичном государственном обвинении компенсацией объективного неравноправия сторон, предоставляло защите некоторые более удобные временные позиции для формулирования и предъявления аргументов против обвинения. Теперь это применительно к «сплошной» кассации исчезает»⁵²⁵.

Полагаем данную позицию несостоятельной, а введение ограничительного срока подачи кассационных отзывов сторонами на судебные акты, вступившие в законную силу, прогрессивным решением⁵²⁶.

Введение шестимесячного срока кассационного обжалования, в том числе и принесения стороной обвинения кассационных отзывов по мотиву ухудшения положения осужденного (оправданного), на наш взгляд, в целом работает на уменьшение возможности на поворот к худшему. При том, что сторона защиты вместе с этим также отчасти теряет в возможности формально поставить перед третьей инстанцией вопрос о пересмотре судебного решения, вступившего в силу, с целью поворота к лучшему.

поскольку это не способствует укреплению режима законности и исправлению допущенных ошибок.

См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 401.2, 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=451414-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=451414-6) (дата обращения: 27.12.2022).

⁵²⁵ См.: Морщакова Т. Отказаться от ограничения права на кассацию /Адвокатская газета. 2020. № 15 (320). 15 августа. <https://www.advgazeta.ru/intervyu/otkazatsya-ot-ogranicheniya-prava-na-kassatsiyu/>

⁵²⁶ И в этом вопросе вполне разделяем позицию исследователей.

См., напр.: Спиридонов М.С. Указ. соч. С. 14, 25-27 и др.

Тем не менее, в сочетании с годичным сроком, который отпущен законом на поворот к худшему в суде кассационной инстанции, шестимесячный срок кассационного обжалования усиливает формализм, а значит категоричность действия запрета на поворот к худшему в стадии кассационного производства.

Характеризуя в общем преобразования постсоветской кассационно-надзорной модели, надо отметить, что в ней, наряду с общей чертой – отказа от первоначальной состязательности – наличествует и особенность, выделяющая ее, например, от преобразований апелляционной модели. Эта особенность состоит в том, что наряду с темой озабоченности правами потерпевшего, которые якобы страдают от ограниченности возможности суда вышестоящей инстанции вмешаться в устранении судебной ошибки, прежде всего – через доказывание, переоценку фактических обстоятельств дела, на первый план вышла тема о правовой определенности, с гарантированием которой принято понимать назначение как кассационного, так и надзорного производств.

Данная тема оказалась весьма созвучной роли кассационного суда как одного из гарантов таковой – по аналогии с советской доктриной о роли кассации в управлении судебной практикой и выработке единообразия в правоприменении. «Сущность современного кассационного производства обусловлена воздействием принципа правовой определенности (*res judicata*)»⁵²⁷.

Публично-правовой трактовке категории правовой определенности, случайно совпадающей с интересами руководства судебной власти конкурирует либерально-правозащитная позиция, представители которой полагают, что «классическое понимание» правовой определенности заключается в недопустимости поворота к худшему; предпочтение в трактовке правовой определенности интересов потерпевшего вопреки

⁵²⁷ См.: *Омарова А.С.* Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов. Саратов, 2015. С. 29.

интересам незаконно осужденного, не отвечает целям уголовного судопроизводства⁵²⁸.

Впрочем, возобладала публично-правовая интерпретация смысла правовой определенности с добавлением озабоченностью интересами потерпевшего, что стало привычным приемом для смены идеологической ориентации при трактовке запрета на поворот к худшему. Поэтому можно сказать, что лозунг правовой определенности⁵²⁹ (в ее публичном измерении), под которым происходило восстановление прежней – советской модели кассации, Впрочем, как и надзора⁵³⁰ является выражением правовой преемственности, традиции в развитии отечественной модели кассационного/надзорного – экстраординарного производства по уголовному делу.

Хотя настоящим «локомотивом» преобразований кассации, как и положено был – императив об активности суда в упаковке общего свойства «ревизионности», которое играла в отношении запрета на поворот к худшему ту же роль, что и в контексте уголовно-процессуальной апелляции, а именно: идеологического и структурного оппонента.

В этом кассационно-надзорном механизме наряду с запретом на поворот к худшему ревизионное начало является одним из его общих свойств. По причине уже отмечаемой оппозиционности этих общих начал правовой организации стадии мы можем через их соотношение (своего рода «процессуально-идеологическое дерби») лучше понять специфику кассационно-надзорного запрета на поворот к худшему, вместе с тем и лучше почувствовать оригинальный тип уголовного судопроизводства современной России.

⁵²⁸ См.: *Морцакова Т.* Отказаться от ограничения права на кассацию /Адвокатская газета. № 15 (320) 2020. 15 августа.

⁵²⁹ См.: *Сидоренко М. В.* Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (состояние и постановка проблемы). М. : Юрлитинформ, 2017. С. 178.

⁵³⁰ См.: *Алексеева Т.* Пределы действия принципа правовой определенности в надзорном производстве по уголовным делам // Уголовное право. 2015. № 2. С. 99–107.

Ревизионное начало в полной мере укоренено в современной кассационной процедуре (часть 1 статьи 401.16 УПК РФ)⁵³¹. Данное положение, как вытекает из этого же пункта постановления Пленума Верховного Суда России распространяется и на сплошную, и на выборочную модели кассации. Более того, появилось дополнительное разъяснение о том, что с учетом положений статьи 401.16 УПК РФ при наличии оснований для поворота к худшему судебное решение подлежит отмене с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство соответственно в суд первой или апелляционной инстанции либо с возвращением уголовного дела прокурору⁵³².

Аксиома о том, что суд не связан доводами сторон по предмету и основаниям кассации сильнее всего объединяет советскую и современную кассационные модели в том числе и в противостоянии запрету на поворот к худшему, как выразителю чуждой – состязательной идеологии.

Ревизионное начало уже было предметом нашего исследования, которое убеждает в том, что оно имеет следственное, антисостязательное происхождение, а именно: суд, а не стороны презюмируется «главным» субъектом доказывания⁵³³. Больше ревизионности – меньше состязательности и одновременно – больше возможности обойти запрет к худшему. Судебная активность преодолевает запрет на поворот к худшему, который является гарантией процессуальной самостоятельности и защиты

⁵³¹ См.: пункт 18 постановления Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2019. 03.07. № 142 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения – 29.09.2021).

⁵³² См.: пункт 20 постановления Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 ред. от 29.06.2021).

⁵³³ Такова правовая реальность, данная нам в правовой культуре, в правосознании, о состоянии которого дают представление данные соцопросов судей, прокуроров, адвокатов.

См.: Ответы судей на вопросы №№ 19–21, 24–25, 29–30, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 12, 15, 18, Таблица 2.2; ответы адвокатов на вопросы №№ 18, 19, 28, Таблица 2.3.

интересов стороны защиты, но и обвинения – если допускать, что интересы обвинителя и суда могут быть разными.

Учение о кассационной ревизии развивается с советских времен, и помимо идеологической, догматической, имело и прагматическую причину⁵³⁴. Можно сказать, что именно с ним привычно связывать сущность правовой организации этой стадии. Аналогичное можно сказать и о советском надзорном производстве. По поводу пределов полномочий вышестоящей инстанции И.Д. Перлов отмечал, во-первых, право вышестоящего суда (кассационного или надзорного) разрешать любые вопросы дела, в том числе и «основные вопросы», не будучи связанным позицией сторон, и, во-вторых, недопустимость предопределять решение суда по определенному кругу вопросов, указанных в ст.ст. 352, 380 УПК РСФСР⁵³⁵. Мнение советских ученых было единым по вопросу о том, что ревизионность, как проявление принципа публичности, то есть не связанность вышестоящего суда доводами протеста прокурора, жалоб других участников процесса, является общим свойством как кассационного, так и надзорного производств: и тот и другой обязаны устанавливать кассационные (надзорные) основания отмены, изменения приговора⁵³⁶. Как писал М.М. Гродзинский, «советское уголовно-процессуальное право требует, чтобы вышестоящий суд, не ограничиваясь проверкой доводов, содержащихся в кассационном протесте и кассационных жалобах, наряду с этим проверял в ревизионном порядке все дело в полном объеме для

⁵³⁴ См.: *Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография. С. 328.

⁵³⁵ См.: *Перлов И.Д.* Надзорное производство в уголовном процессе. М., 1974. С. 27, 98; *Мухин И.И.* Обжалование, опротестование и пересмотр определений суда первой инстанции. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1958. С. 62.

⁵³⁶ См.: *Банченко-Любимова К.* Пересмотр судебных решений в порядке надзора. М., 1959. С. 52–54; *Грун А.Я.* Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. М., 1969. С. 108; *Маслов В.П.* Пересмотр уголовных дел в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе. М.: Изд-во «Юрид. литература», 1965. С. 25–26; *Ривлин А.Л.* Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958. С. 237, 238; *Зайцев И.* Основания к отмене судебных решений в порядке надзора // Социалистическая законность. 1969. № 8. С. 39–43; *Перлов И.Д.* Указ. соч. С. 27, 28, 145–146.

разрешения вопроса о наличии или отсутствии оснований для отмены либо изменения вынесенного по этому делу решения»⁵³⁷.

Э.Ф. Куцова, характеризуя сущность советской кассации, писала, что осуществление вышестоящими судами руководства судебной практикой требует, чтобы объем проверки, осуществляемой по протестам и жалобам, обеспечивал выявление всех допущенных по делу нарушений, только таким образом может быть обеспечено единообразное понимание и применение закона⁵³⁸.

Согласно советской доктрине ревизионного кассационного производства поворот к худшему допускался по инициативе кассаторов со стороны обвинения при установлении судом кассационной инстанции нарушений как формальной, так и фактической стороны судебного решения нижестоящей инстанции⁵³⁹. В современной уголовно-процессуальной доктрине на первый план все-таки ставится правозащитный аспект ревизионности.

За усиление ревизионности, но прежде всего в пользу осужденного, иного лица, против которого было выдвинуто обвинение и вынесено судебное решение, выступали и выступают многие современные ученые. Как пишет В.Б. Калмыков, является оправданным усиление ревизионного начала в методе кассационной инстанции, но при неуклонном соблюдении запрета на поворот к худшему, смысл которого состоит как в том, чтобы гарантировать подсудимому свободу обжалования приговоров, так и в том,

⁵³⁷ Гродзинский М.М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М.: Госюрид. издат., 1949. С. 16.

⁵³⁸ См.: Куцова Э.Ф. Советская кассация как гарантия законности в правосудии. М.: Гос. издательство юридической литературы, 1957. С. 6, 7 и др.

⁵³⁹ См.: Калашикова Н.Я. Гарантия права обвиняемого на защиту при изменении обвинения и наказания. М., 1975. С. 8, 9; Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства /под ред. П.И. Бородюко. Кемерово, 1962. С. 208–209; Познанский В.А. Вопросы теории и практики кассационного производства в советском уголовном процессе /Под ред. Рассейкина Д.П. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1978. С. 6.

чтобы быть гарантией свободы обжалования приговоров, в которой совпадает как частная, так и публичная заинтересованность⁵⁴⁰.

В высказываниях отдельных ученых-процессуалистов проскальзывают критические оценки в адрес ревизионности: стороны должны полагаться прежде всего на собственные силы и профессионализм своих представителей, но отнюдь не на активность суда⁵⁴¹. Однако, это скорее маргинальная позиция по отношению к доктринальной, господствующей.

К примеру, И.С. Дикарев приходит к выводу, что угрозу принципу состязательности сторон представляет лишь обязательная по всем уголовным делам ревизия (советского образца), в своем нынешнем виде ревизионное начало, предполагающее проверку уголовного дела в полном объеме лишь тогда, когда имеются основания полагать, что были допущены нарушения, на которые не указывается в поданных жалобах и представлениях, не противоречит принципу состязательности сторон⁵⁴².

Аналогичной была и остается позиция ученых относительно действия запрета на поворот к худшему в стадии надзорного производства. По утверждению В.А. Давыдова: «Ревизионные полномочия суд надзорной инстанции вправе применять исключительно по благо осужденного и не вправе по своей инициативе ухудшить его положение»⁵⁴³. М. Т. Аширбекова связывает ревизионность с принципом публичности, определяющим режима надзорного производства⁵⁴⁴.

Правозащитная (гуманистическая) трактовка кассационно-надзорной ревизии, не направленная против запрета на поворот к худшему в этих производствах, а усиливающая его действие в направлении к достижению единой цели – защиты прав человека, может только приветствоваться. В

⁵⁴⁰ См.: *Калмыков В.Б.* Указ. соч. С. 12.

⁵⁴¹ См.: *Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография. С. 329.

⁵⁴² См.: *Дикарев И.С.* Указ. соч. С. 330.

⁵⁴³ См.: *Давыдов В. А.* Пределы прав суда надзорной инстанции в уголовном процессе и ревизионное начало. С. 116.

⁵⁴⁴ См.: *Аширбекова М. Т.* Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дисс. ... д-ра юрид. наук. С. 50.

условиях действия запрета поворота к худшему ревизионный порядок обеспечивает инициативное устранение судом лишь таких нарушений законности, которые затрагивают прежде всего права и законные интересы стороны защиты⁵⁴⁵. Подобную трактовку ревизии в сочетании с запретом на поворот к худшему практикуют в своих исследованиях некоторые авторы. По их мнению, выйти за пределы доводов жалоб, представлений с целью ухудшения положения осужденного, оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, суды кассационной и надзорной инстанций не вправе⁵⁴⁶.

В.Д. Потапов, отмечая, что ревизионный порядок проверки уголовного дела направлен к обеспечению интересов прав и заинтересованных лиц, вместе с тем переносит акцент в определении назначения ревизии на «обеспечение оптимального отправления правосудия; формирование такой процессуальной формы проверки, которая обеспечивает вынесение именно правосудных судебных решений...»⁵⁴⁷.

И возможно, при таком гармоничном, примирительном понимании умозрительно получается снять напряжения между этими двумя противонаправленными правовыми идеями. Только на практике от такой оптимизации запрета на поворот к худшему получается обвинительный уклон⁵⁴⁸.

Мы полагали все же не надеяться на гуманизм ревизионного способа ведения дела в судах вышестоящих судебных инстанций, а на право человека

⁵⁴⁵ См.: *Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография. С. 333.

⁵⁴⁶ См.: *Мерзлякова М.В., Прошляков А.Д.* Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М., 2011. С. 47.

⁵⁴⁷ См.: *Потапов В.Д.* Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: монография. С. 53.

⁵⁴⁸ Статистические данные, иллюстрирующие данное явление, представлены в виде таблиц, которые имеются в приложении к диссертации. См.: Приложение № 1, Таблицы 1.1, 1.2, 1.3.

Наличие этого факта подтверждают и опрошенные нами практики.

См.: Ответы судей на вопросы №№ 4–8, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 8-11, Таблица 2.2; ответы адвокатов на вопросы №№ 4-10, Таблица 2.3.

и гражданина на самозащиту – путем отстаивания процессуальными средствами – жалобами, доводами своих интересов.

Современная кассация и примыкающая к ней надзорная инстанция, представляют собой процессуальный механизм, нацеленный на исправление судебных ошибок по уголовному делу, после вступления по нему окончательного процессуального решения в силу. Этот процессуальный механизм построен на общих принципах и общих свойствах (началах), которые в свое время советские процессуалисты усматривали в современных им кассационном и надзорном производствах⁵⁴⁹, которые продолжает разделять современная уголовно-процессуальная доктрины. Решительной перемены в воззрениях на сущность кассации и надзора не произошло.

Подведем первые, промежуточные итоги.

Одним из «принципов», «начал» производства в исключительных стадиях современного уголовного процесса можно считать запрет на поворот к худшему. Данный запрет, сущностно связанный с обвинением, находится в системе других принципов (общих свойств) стадии, выражающих идеологию смешанного типа уголовно-процессуальной системы.

Разделяем позиции доктрины относительно кассационно-надзорного запрета на поворот к худшему, согласно которым он имеет важное процессуальное значение, поскольку: во-первых, является гарантией свободы обжалования для стороны защиты, которая может не опасаться, что обжалование ею судебного решения приведет к ухудшению положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено; во-вторых, препятствует несовместимому с состязательным строем процесса сращиванию функции правосудия с функцией уголовного преследования.

Для современного типа уголовного процесса характерно ограниченное проявление принципа состязательности (обвинительности). В число главных системных ограничителей состязательности, а вместе с тем и запрета на

⁵⁴⁹ См.: Гехова Д.Х. Указ. соч. С. 10, 72–74.

поворот к худшему, как в кассационном производстве, так и в надзорном, является ревизионное начало.

Рассмотрим, в чем конкретно может проявляться поворот к худшему в современной стадии кассационного производства по уголовному делу.

Изначально кассация задумывалась как процедура, посредством которой должна была быть проверка обжалованных судебных решений только с точки зрения их законности, т.е. правильности применения закона – без пересмотра судом кассационной инстанции фактической стороны уголовного дела. Это отражено в статье 401.1. УПК РФ. Тем самым существенно ограничивается возможность поворота к худшему в данной стадии. Однако, в дальнейшем указанный правовой стандарт был пересмотрен в виду того, что реальная проверка кассационным судом «вопросов права» (законности) оказалась во многих случаях невозможной без проверки тем же судом «вопросов факта» (фактической обоснованности итоговых выводов суда, изложенных в приговоре)⁵⁵⁰.

На такой позиции стоит теперь Пленум Верховного Суда РФ, когда разъясняет, что по смыслу статьи 401.1 УПК РФ во взаимосвязи с положениями части 1 статьи 401.15 УПК РФ под законностью судебных решений как предметом судебного разбирательства в кассационном порядке следует понимать их соответствие требованиям уголовного и уголовно-процессуального законов с учетом оснований, влекущих отмену или изменение судебного решения в кассационном порядке⁵⁵¹.

Возвращение к тому, что суд кассационной инстанции полномочен входить в исследование фактической стороны дела и даже обязан реагировать на ошибки в части обоснованности приговора расширяет возможность для обхода запрета на поворот к худшему. Об этом говорит

⁵⁵⁰ См.: *Идрисов О.Р.* «Поворот к худшему» при пересмотре приговоров в суде кассационной инстанции: вопросы теории и проблемы законодательной регламентации // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: сб. ст. / отв. ред. Н.С. Соколовская. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2013. С. 6–13.

⁵⁵¹ См.: пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021).

разъяснение Пленума Верховного Суда РФ содержания статьи 401.17 УПК РФ⁵⁵².

Далее уточнимся относительно оснований, по которым в течение года суд кассационной инстанции вправе удовлетворить кассационный отзыв, направленный на изменение к худшему положения осужденного, оправданного.

Общий круг кассационных оснований отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке определен в статье 401.15 УПК РФ. Кассационные основания, являющиеся специальными основаниями для отмены приговора с последующим поворотом к худшему, указаны в ст. 401.6 УПК РФ.

Заметим, что по вопросу о выделении особых кассационных оснований для поворота к худшему предшествовала дискуссия относительно необходимости закрепления их в законе. Некоторые авторы настаивали на том, что отсутствует необходимость выделять особые основания поворота к худшему как особые кассационные основания: основаниями отмены приговора для последующего ухудшения положения осужденного должны выступать общие кассационные основания⁵⁵³. Однако, возобладало противоположное мнение, а именно: чтобы поворот к худшему был позволен только при наличии нарушений закона: а) требующих своей оценки как фундаментальных нарушений; б) формально определенных нарушений закона, указанных в п. п. 3 и 6 ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ⁵⁵⁴.

Теперь, как отмечает Пленум Верховного Суда РФ, «круг оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ввиду неправильного применения уголовного закона и (или) существенного нарушения уголовно-процессуального закона в отличие от производства в апелляционной инстанции ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела, в частности на вывод о виновности, на

⁵⁵² См.: пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021).

⁵⁵³ См.: *Нехороших М.Е.* Указ. соч. С. 201–202.

⁵⁵⁴ См.: *Омарова А.С.* Указ. соч. С. 84 и след.

юридическую оценку содеянного, назначение судом наказания или применение иных мер уголовно-правового характера и на решение по гражданскому иску»⁵⁵⁵. В таком случае вытекает вывод о наличии двух условных специальных оснований для отмены кассационной инстанцией приговора с последующим поворотом к худшему: если будут установлены повлиявшие на исход дела «существенные нарушения» закона, искажающие (а) саму суть правосудия и (б) смысл судебного решения как акта правосудия.

Отметим, что Европейским Судом по правам человека при Совете Европы было установлено, что обвиняемый должен извлекать выгоду из ошибок национальных органов. Другими словами, ответственность за любую ошибку, допущенную органами преследования или судом, должно нести государство, и ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица⁵⁵⁶.

Отечественная доктрина, напротив, допускает отмену приговора с целью последующего ухудшения положения осужденного, если такая отмена вызвана ошибками, допущенными национальными судебными органами и органами предварительного расследования. В обоснование этой доктринальной позиции приводятся доводы в защиту справедливости, истины и других прекрасных публичных ценностей. Однако, они перевешиваются ценностью человека и его прав. А правосудие, все уголовно-процессуальные институты должны быть, на наш взгляд, должны иметь правозащитную направленность.

В ходе дискуссии относительно специфики нарушений закона (ст. 401.6 УПК РФ), отличающей ее от других кассационных оснований, не преодолевающих запрета поворота к худшему, указывалось на то, что они: а)

⁵⁵⁵ Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021).

⁵⁵⁶ Постановление Европейского суда по правам человека от 09.04.2009 «Эдуард Чистяков (Eduard Chistyakov) против Российской Федерации» (жалоба № 15336/02) / Консультант Плюс (дата обращения: 15.06.2021).

фундаментальные; б) допущены в ходе всего производства по уголовному делу, а не только в судебном разбирательстве; в) являются основанием для отмены, но не для изменения судебного решения, как это указано в ст. 401.6 УПК РФ; г) применяются только по кассационной жалобе потерпевшего как его претензии к государству⁵⁵⁷.

Разделяем мнение о том, что к числу современных безусловных кассационных оснований надо отнести три основания: первое основание, предусмотрено ч. 7 ст. 247, ч. 2 ст. 401.15 УПК РФ; второе установлено ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ (оно относится к ситуациям, когда в ходе кассационной проверки будут установлены (ранее не выявленные) основания для возвращения уголовного дела прокурору по основаниям ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ и третье закреплено в ст. 401.6, ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ⁵⁵⁸. При отмене судебного решения по первым двум основаниям в ходе дальнейшего производства по уголовному делу может произойти поворот к худшему, хотя не обязательно. Обязательно это произойдет только при отмене обвинительного приговора по третьему основанию: если были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. Введение этого кассационного основания представляет собой гарантию выполнения досудебного соглашения осужденным под угрозой преобразования его положения в худшую сторону, и потому действие его достаточно формализовано.

Нельзя не указать на то, что активность суда кассационной инстанции имеет теперь новые формы проявления, которых заведомо не могло быть ранее. В частности, имеется в виду выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств,

⁵⁵⁷ См.: *Омарова А.С.* Указ. соч. С. 78.

⁵⁵⁸ См.: Уголовный процесс (судебные стадии и производства): Учебник для образовательных организаций высшего юридического образования // колл. авторов; под общ. редакцией канд. юрид. наук, доцента Г.Х. Шаутаевой и докт. юрид. наук, профессора Н.Н. Ковтуна. Нижний Новгород: Изд-е Нижегородской академии МВД России, 2017. С. 300, 301.

предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве (ст. 406.1 УПК РФ). При установлении нарушения ч. 7 ст. 316 УПК РФ суд кассационной инстанции обязан проявить не меньшую активность, чем прокуратура, которой положено требовать применение данного основания. В виду публично-правовой окрашенности указанного основания мы, забегаая вперед, сразу скажем, что его надо относить к безусловным кассационным основаниям, то есть таким, которые ведут к обязательной отмене обвинительного приговора, вынесенного в особом порядке, и направлении уголовного дела в суд первой инстанции для нового рассмотрения по существу в обычном порядке именно с целью ухудшения положения осужденного, поскольку подлежит применению статья 63.1 УК РФ. Добавим, что в порядке апелляции такое преобразование к худшему вряд ли возможно в силу ограниченности сроков апелляционного обжалования. Значит эта деталь кассационного уголовно-процессуального механизма всецело проникнута публичностью и ревизионностью.

Отдельно надо сказать об основании, предусмотренном частью 2 ст. 401.6 УПК РФ. Пересмотр в кассационном порядке постановления суда о возмещении реабилитированному имущественного вреда по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления его в законную силу, которое было введено Федеральным законом от 07.10.2022 № 384-ФЗ⁵⁵⁹.

На наш взгляд, внесенное законодателем дополнение не меняет, по существу, как систему оснований, так и сам вполне сложившийся механизм кассационной проверки судебных решений, вступивших в законную силу.

Следующий аспект действия запрета на поворот к худшему при кассационном производстве связан с пределами компетенции суда этой инстанции в исследовании фактической стороны дела.

Кассационная процедура не предполагает проведение судебного

⁵⁵⁹ Федеральный закон от 07.10.2022 № 384-ФЗ «О внесении изменений в статью 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 6946.

следствия и соответственно - судебного доказывания, подобно тому, как это имеет место в суде первой и апелляционной инстанций.

Это можно сказать естественно-правовой ограничитель поворота к худшему: суд кассационной инстанции не может установить (в отличие от суда первой и апелляционной инстанции) новые обстоятельства, свидетельствующие о необходимости поворота к худшему, включая предъявление более тяжкого обвинения. В научной литературе по данному вопросу в свое время отмечалось, что «когда правильное разрешение правовых вопросов потребует исследования доказательств, необходимо возвращать дело в суд первой инстанции. Недопустимо искажать природу кассационной инстанции и допрашивать в заседании кассационной инстанции отдельных свидетелей, чтобы предотвратить возвращение дела в суд первой инстанции»⁵⁶⁰. Полагаем, что это положение сохраняет актуальность и в современной кассации: через непосредственное представление и исследование доказательств, включая личные, серьезной угрозы для поворота к худшему в кассационном суде не должно быть.

Между тем, суд кассационной инстанции может на основании уже имеющихся в деле материалов убедиться в том, что таковые наличествовали в нижестоящем суде, но не были оценены. Например, было основание для возвращения уголовного дела, но нижестоящий суд этого не сделал. Позиция Пленума Верховного Суда России по данному вопросу состоит в том, что судом кассационной инстанции могут быть рассмотрены не только материалы, имеющиеся в уголовном деле, но и дополнительные материалы, поступившие с жалобой или представлением либо представленные сторонами, если они содержат сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела, и не свидетельствуют о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств⁵⁶¹. Таким образом, существует, хотя и

⁵⁶⁰ См.: *Петрухин И.Л.* Указ. соч. С. 48.

⁵⁶¹ См.: пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021).

ограниченная, возможность изменения судом кассационной инстанции решения нижестоящего суда в худшую сторону на основании дополнительно представленных материалов. В еще большей мере такой поворот возможен при отмене кассационной инстанцией вступившего в силу судебного решения. Не исключен такой вариант, когда на основе материалов уголовного дела и дополнительно представленных стороной документов суд отменив приговор, возвращает прокурору дело для предъявления более тяжкого обвинения (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Очевидно, что это возможно как в том случае, когда сведения о таких обстоятельствах были в материалах дела, но не получили надлежащую оценку нижестоящего суда, так и тогда, когда сведения о них поступили через документы, приложенные к жалобе, представлению. Вероятность такого поворота процесса тем более велика, когда сам прокурор требует возвращения дела для предъявления нового, более тяжкого обвинения.

Решения суда кассационной инстанции, приведенные в статье 401.14 УПК РФ, позволяют суду кассационной инстанции, как изменить судебное решение (пункт 6 указ. статьи), так и отменять решение и направить дело на новое рассмотрение (пункты 3, 4, 5 указ. статьи) либо вернуть дело прокурору (пункт 3 указ. статьи).

При внесении судом изменений в решение суда он жестко ограничен запретом на поворот к худшему. Когда же дело направляется в суд первой или второй инстанции возможности для нарушения запрета на поворот к худшему расширяются. Но наибольшая вероятность того, что по инициативе суда положение осужденного, оправданного или лица, в отношении которого дело было прекращено по реабилитирующему основанию, будет изменено в худшую сторону исходит из решения о возвращении уголовного дела прокурору⁵⁶². Можно в целом согласиться с тем, что главным образом в пункте 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ заключена угроза поворота к худшему при

⁵⁶² См.: Александров А.С., Лапатников М.В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6–12.

отмене судом кассационной инстанции судебного решения по уголовному делу⁵⁶³.

Верховный Суд Российской Федерации в лице кассационной инстанции неоднократно пресекал попытки полного восстановления советской процедуры возвращения судом на доследование уголовного дела, признанной неконституционной⁵⁶⁴.

Наше предложение по нейтрализации угрозы поворота к худшему в случае возвращения уголовного дела прокурору, с которым мы уже ранее выступали в нашем исследовании⁵⁶⁵, сводится к следующему: (1) надо менять следственную модель обвинения на судебную, (2) стадия предания суду должна включать предъявление обвинения, но также и изменение обвинения в худшую для обвиняемого сторону, (3) из суда (кассационной инстанции) уголовное дело подлежит возвращению не прокурору, то есть фактически в стадию предварительного расследования, а на стадию предания суду, в которой предъявлять новое обвинение на тех доказательствах, которые были установлены в судах. Это новое обвинение должно быть связано с первоначальным, вытекать из него. Если же судом устанавливаются факты совершения преступления иным лицом или факты новых преступных деяний, не связанных с обвинением, по которому обвиняемый был предан суду, то требуется начало нового уголовного процесса – по инициативе прокурора.

Далее надо обозначить свою позицию по вопросу о круге участников, которые могут инициировать поворот к худшему, и на которых действие запрета не распространяется.

Важной гарантией соблюдения запрета на поворот к худшему является то, что инициативой подобного развития процесса обладает сторона

⁵⁶³ См.: *Дикарев И.С.* Запрет поворота к худшему при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений // Российская юстиция. 2013. № 3. С. 60–62.

⁵⁶⁴ См., напр.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.09.2019 № 30-УД19-6; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.11.2019 № 58-УД19-14; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.06.2019 № 5-УДП19-63 /Консультант Плюс (дата обращения: 29.09.2022).

⁵⁶⁵ См.: параграф первый главы первой настоящей диссертации.

обвинения. Отмена окончательного акта суда, по мотивам, ухудшающим положение осужденного, оправданного, в суде кассационной или надзорной инстанции может иметь место только по жалобе потерпевшего (его представителя, законного представителя), или по кассационному/надзорному представлению прокурора, которые поданы именно по этим (ухудшающим) мотивам.

Современная судебная практика подтверждает эту давно сложившуюся доктринальную позицию⁵⁶⁶ в том отношении, что суд кассационной инстанции не вправе допустить ухудшение правового положения оправданного лица вопреки требованиям ст. 401.6 УПК РФ⁵⁶⁷.

Между тем, ослабление этого элемента запрета мы видим в расширении круга лиц, потенциально способных поставить перед судом кассационной инстанции вопрос о пересмотре судебного решения по мотиву ухудшения положения лица, в отношении которого оно было вынесено.

Формально круг участников, которые могут поставить вопрос об изменении к худшему, определен в частях 1-2 ст. 401.2 УПК РФ. Однако, в силу актов конституционного правосудия⁵⁶⁸, по сути, аналогичным правом обжалования обладают и иные субъекты, при условии, что обжалуемый акт суда нарушает их интересы.

⁵⁶⁶ См., напр.: *Гродзинский М.М.* Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. С. 77, 78.

⁵⁶⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.09.2019 № 30-УД19-6/ Консультант Плюс (дата обращения: 29.09.2022).

⁵⁶⁸ См.: об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Чалова В.Л. на нарушение его конституционных прав положениями статей 10, 108, 109 и 402 УПК РФ: Определение Конституционного Суда РФ № 62-О от 22 января 2004 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 5. С. 5; по жалобе гражданки Семеновы Л.М. на нарушение ее конституционных прав ч. 4 ст. 354 УПК РФ: Определение Конституционного Суда РФ № 119-О от 22 января 2004 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 5. С. 7.

В данной связи приведенный законодательный перечень инициаторов пересмотра судебных актов не может считаться закрытым. На этот момент обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ⁵⁶⁹.

Из разъяснений Конституционного Суда РФ следует, что искажает правосудие и смысл судебного решения, в том числе, неправильное выявление причиненного вреда и степени вины лица в его причинении, то есть ошибка суда в решении подлежащих его разрешению вопросов, гражданского иска⁵⁷⁰.

В этой связи можно поддержать предложение некоторых ученых о том, чтобы увязать реализацию возможности применения условных (общих) кассационных оснований целью ухудшения положения осужденного только по волеизъявлению потерпевшего. Иными словами, такое решение позволит обеспечить стабильность приговоров, вступивших в законную силу в случае, если конкретное преступление не нарушило частных интересов. В случае же если преступлением был причинен имущественный, физический или моральный вред конкретному лицу, то именно оно и может оценивать вступивший в законную силу приговор как несправедливый и требовать его отмены перед судом кассационной инстанции⁵⁷¹.

Позиция Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу заключается в том, что при производстве в суде кассационной инстанции обвинительный приговор, определение или постановление суда в части конфискации имущества могут быть отменены или изменены в сторону ухудшения положения осужденного или лица, уголовное дело (уголовное преследование) в отношении которого прекращено, не иначе как по

⁵⁶⁹ См.: пункты 1, 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021).

⁵⁷⁰ По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие» общества с ограниченной ответственности «Карелия» и ряда граждан»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.05.2005 № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22, ст. 2194.

⁵⁷¹ См.: *Идрисов О.Р.* Указ соч. С. 10; *Нехороших М.Е.* Указ соч. С. 174-175.

представлению государственного обвинителя (прокурора) и (или) по жалобам иных участников судопроизводства со стороны обвинения. Установленный в статье 401.6 УПК РФ срок распространяется и на случаи отмены или изменения судебных решений в части конфискации имущества с поворотом к худшему в суде кассационной инстанции⁵⁷².

Полагаем, что поставить перед судом вопрос о проверке законности судебного решения в части возмещения ущерба от преступления вправе не только имеющие процессуальный статус участники (потерпевший, гражданский истец, их представители), но и другие лица.

Разрешение вопроса о возмещении ущерба против лица, в отношении которого вынесено судебное решение может произойти непосредственно в стадии кассационного производства. Советская доктрина стояла на данной позиции. Что касается исправления ошибки, допущенной нижестоящим судом при разрешении гражданского иска – то механизм возвращения уголовного дела судом кассационной инстанции прокурору, по нашему мнению, не применим.

К вышесказанному надо добавить позицию Конституционного Суда России, сформулированную им по вопросу о повороте к худшему лица, привлеченного к уголовному преследованию, в связи с решением вопроса о судьбе вещественных доказательств. Конституционный Суд РФ указал, что признание кассационной инстанцией правильным и оставление без изменения постановления суда первой инстанции о прекращении уголовного дела и конфискации принадлежащего обвиняемому (подсудимому) имущества как орудия или иного средства совершения преступления после того, как оно было изменено в апелляционной инстанции, предписавшей передать данное имущество его законному владельцу, фактически означает возврат к санкции, наложенной судом первой инстанции, но впоследствии

⁵⁷² См.: пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» //Российская газета. 2018. от 22 июня. № 134.

отмененной в пользу обвиняемого (подсудимого) апелляционной инстанцией, и, следовательно, может считаться объективно ухудшающим его положение по сравнению с тем, как оно было определено вступившим в законную силу решением апелляционной инстанции, а следовательно, подпадающим под действие установленного статьей 401.6 УПК РФ⁵⁷³.

Наконец отдельно надо сказать о сроках, которые вносят ограничения на возможный поворот к худшему в стадии кассационного производства.

Законодатель, очевидно, осознавая угрозу восстановления советского стандарта применения запрета на поворот к худшему поставил ограничитель для подобного поворота: установления статьей 401.6 УПК РФ годичного срока обжалования, в течение которого при пересмотре судебного решения допускается поворот к худшему. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил смысл этого законодательного положения. Пропуск годичного срока исключает какую-либо возможность постановки вопроса об ухудшении положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено при восстановлении срока, при подаче дополнительных жалоб и других ситуациях. Указанный срок в смысле запрета на поворот к худшему является абсолютно пресекательным⁵⁷⁴.

В связи с другими последовавшими изменениями в порядке кассационного производства и выделением сплошной и выборочной разновидностей кассации появился шестимесячный срок для принесения сторонами кассационных жалоб, введенный Федеральным законом от 24.02.2021 № 15-ФЗ⁵⁷⁵. Он теперь предусмотрен частью четвертой статьи 401.3 УПК РФ.

Инициатива по введению ограничительного, первоначально предполагавшегося двухмесячным, срока на кассационное обжалование,

⁵⁷³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П.

⁵⁷⁴ См.: пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021).

⁵⁷⁵ Федеральный закон от 24.02.2021 № 15-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» /СЗ РФ. 2021. № 9, ст. 1462.

негативно было встречено правозащитниками: как ограничение возможностей прежде всего осужденного на подачу жалобы в своих интересах, а потому – как свертывание гарантий прав человека и новое изъятие из запрета на поворот к худшему. Как отмечает Т. Морщакова: «Это звучит диссонансом в сравнении с легитимной ситуацией действия в уголовном процессе правила благоприятствования защите, включая режимы проведения заседаний и запрет поворота к худшему в вышестоящих судах при проверке вступивших в законную силу приговоров... Теперь это применительно к «сплошной» кассации исчезает»⁵⁷⁶.

Не разделяем подобной оценки, во-первых, по причине того, что шестимесячный срок вполне достаточен для подготовки кассационной жалобы осужденным, его защитником, а во-вторых, этот срок является одинаковым для всех и не создает преимуществ обвинению, и наконец, главное – нельзя не признать правоту довода инициаторов данного дополнения – оно действительно усиливает правовую определенность в сфере пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу.

Выводы по параграфу.

Итак, классическая доктрина о запрете на поворот к худшему в контрольных стадиях уголовного процесса сохраняется в современной стадии кассационного производства, а равно и в надзорном производстве по уголовному делу. При этом наблюдается принципиальная преемственность в понимании этого запрета, равно как и системы изъятий из него в отечественной уголовно-процессуальной доктрине.

Наиболее ярко сходство проявляется во взаимосвязи данного запрета с ревизионным началом кассационного производства, ограничивающим действие состязательности и оправдывающим активность суда в проверке не только юридической, но и фактической стороны пересматриваемого дела, хотя последнее выходит за пределы классического кассационного метода.

⁵⁷⁶ См.: Морщакова Т. Отказаться от ограничения права на кассацию //Адвокатская газета. № 15 (320) 2020. 15 августа.

Аксиома о том, что суд не связан доводами сторон по предмету и основаниям кассации сильнее всего объединяет советскую и современную кассационные модели в том числе и в противостоянии запрету на поворот к худшему, как выразителю состязательной идеологии. Активность суда кассационной инстанции в увязке с требованием об обязательности устранения судебных ошибок открывает простор для обхода запрета на поворот к худшему.

При сохранении общей модели проверки уголовно-процессуальных решений, вступивших в законную силу, изменения произошли в обосновании/апологии ее. Теперь в доктрине господствует тезис о правовой определенности, с некоторых пор трактуемый как самостоятельный принцип, который требует активности суда вышестоящей инстанции в выявлении судебных ошибок и реагирования на них, включая механизм возвращения уголовного дела в нижестоящий суд или прокурору.

Претерпевший ряд метаморфоз институт кассации занял свое место в современной уголовно-процессуальной системе. Это система смешанного уголовного процесса, в котором традиционно суд активен.

Ревизионность и запрет на поворот к худшему являются частью такого кассационного механизма проверки, который имеет своим предметом не только вопросы юридической, но и фактической стороны дела. Суд кассационной инстанции в силу начала ревизионности обязан выявлять ошибки, допущенные в ходе производства по уголовному делу в нижестоящих стадиях. В них входят и такие ошибки, исправление которых самим судом или нижестоящими судами и органами предварительного расследования могут привести к преобразованию к худшему положения лица, в отношении которого было вынесено судебное решение, вступившее в законную силу.

Имеет место различие между апелляционным и кассационным (надзорным) вариантами запрета на поворот к худшему по причине качественного различия методов апелляции и кассации. Кассационный метод

заключается только в юридической проверке законности судебных актов, а потому и поворот к худшему по идее в суде кассационной или надзорной инстанции может состояться только по формальным основаниям, но не из-за судебной ошибки, связанной с доказыванием.

К числу безусловных кассационных оснований, чреватых преобразованием положения осужденного в худшую сторону, надо отнести три основания: первое основание, предусмотрено ч. 7 ст. 247, ч. 2 ст. 401.15 УПК РФ; второе установлено ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ (оно относится к ситуациям, когда в ходе кассационной проверки будут установлены (ранее не выявленные) основания для возвращения уголовного дела прокурору по основаниям ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ и третье закреплено в ст. 401.6, ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ. При отмене судебного решения по первым двум основаниям в ходе дальнейшего производства по уголовному делу может произойти поворот к худшему, хотя не обязательно. Обязательно это произойдет только при отмене обвинительного приговора по третьему основанию: если были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Наибольшая вероятность того, что по инициативе суда положение осужденного, оправданного или лица, в отношении которого дело было прекращено по реабилитирующему основанию, будет изменено в худшую сторону исходит из решения о возвращении уголовного дела прокурору по основанию, предусмотренному в пункте 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Введение шестимесячного срока на подачу кассационной жалобы (представления), в сочетании с годичным сроком, который отпущен законом на поворот к худшему в суде кассационной инстанции, усиливает формализм, а значит категоричность действия запрета на поворот к худшему в стадии кассационного производства.

Разрешение вопроса о возмещении ущерба против лица, в отношении которого вынесено судебное решение может произойти непосредственно в

стадии кассационного производства. Что касается исправления ошибки, допущенной нижестоящим судом при разрешении гражданского иска – то механизм возвращения уголовного дела судом кассационной инстанции прокурору не применим.

В кассационной и надзорной инстанции, запрет на поворот к худшему нельзя обойти под предлогом установления новых фактических обстоятельств против осужденного, оправданного в стадии судебного разбирательства и при апелляционном производстве. К тому же ввиду экстраординарности кассационно-надзорной уголовно-процессуальной формы, не может не быть исключительным и поворот к худшему по результатам проверки уголовного дела как в кассационной, так и надзорной инстанциях. Приоритетом должен быть поворот к лучшему.

Пока отечественная уголовно-процессуальная модель кассации/надзора допускает поворот к худшему. Но надо ставить вопрос о сведении к минимум такой возможности. Усилении категоричности запрета на поворот к худшему должно служить этому.

Кассационно-надзорное производство в идеале должно быть нетерпимым к повороту к худшему и должно служить исключительно цели улучшения положения участника процесса, в отношении которого вступил в силу обвинительный приговор или иное решение, ограничивающее его права и законные интересы. Наши предложения по изменению кассационного запрета на поворот к худшему изложены в Приложении № 3 в виде проекта ряда статей кодекса⁵⁷⁷.

⁵⁷⁷ Отношение практиков к основным нашим предложениям по фиксации в отечественном уголовно-процессуальном праве запрета на поворот к худшему было нами также определено. В общем, оно довольно сдержанное. Только адвокаты вполне разделяют наш проект. Но мы думаем на перспективу, стремимся подготовить научное общественное мнение к переменам в сторону укрепления состязательности и запрета на поворот к худшему.

См.: ответы судей на вопросы №№ 39-41, Таблица 2.1; ответы прокуроров на вопросы №№ 36-37, Таблица 2.2; ответы адвокатов на вопросы №№ 36.1-37, Таблица 2.3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Запрет на поворот к худшему имеет знаковый характер для уголовно-процессуальной системы: он указывает на меру состязательности в ней. Само закрепление этого запрета в законе уже является признаком «нормальности» - справедливости процесса. Ослабление запрета на поворот к худшему означает эрозию правозащитной направленности уголовного процесса и возрастание в нем обвинительного уклона.

Идеологически этот запрет направлен против следственного мировоззрения, оправдывающего активность суда по направлениям процессуальной деятельности, которые должны принадлежать исключительно сторонам. В самом корне запрета на поворот к худшему заложено самоограничение публичной, судебной власти волею частного лица: суд не вправе выходить за пределы правопритязания истца; предмет иска определяет и предмет судебного разбирательства, спорный вопрос, а в широком смысле – «уголовного дела».

Запрет на поворот к худшему сущностно связан с обвинением и его доказыванием: с состязательной или следственной уголовно-процессуальной формой их реализации. В зависимости от типа процесса можно выделить три позитивно-правовых способа существования этого запрета: абсолютный, относительный и формальный (симуляционный, имитационный). В состязательном процессе действует абсолютный запрет суду выходить за пределы обвинения, правопритязаний стороны обвинения и изменять к худшему положение подсудимого по своей инициативе. В смешанном уголовном судопроизводстве запрет обрывается системой исключений, делающих возможным для суда выход за пределы правопритязаний стороны обвинения, прежде всего в части требуемой меры уголовной ответственности.

Запрет действует во всех судебных стадиях - на поворотах и окончательном исходе процесса по уголовному делу, но не в стадиях досудебного производства и не в стадии исполнения приговора. В российском уголовном судопроизводстве, имеющем смешанную форму, данный запрет конструктивно связан с механизмом возвращения судом дела прокурору в связи с необходимостью изменения обвинения в худшую сторону.

Каждое из исключений из запрета на поворот к худшему и все они в совокупности не подрывают его, а должны делать универсальным. Исключения из правила должны быть исключительными и не исключать основное правило, а именно: недопустимость суду выполнять функцию обвинения. Запрет на поворот к худшему как продолжение запрета суду обвинять и изобличать выступает гарантией права на защиту, исправления судебных ошибок, которая делает процесс правовым – цивилизованным инструментом.

Несмотря на то, что запрет на поворот к худшему не является отдельным принципом он совмещает в себе проявление нескольких принципов. Главный корень запрета на поворот к худшему находится в состязательности. В принципе презумпции невиновности находится другой корень данного запрета. Третьим источником и составной частью запрета на поворот к худшему является принцип обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ). Таково принципиальное ядро этого уголовно-процессуального правового запрета.

Кроме того, данный запрет диалектически взаимосвязан с принципом публичности (официальности), который находит развитие в *ревизионном начале* судебной проверки, составляющим противоположность запрету на поворот и вместе с ним определяющим правовой режим деятельности суда в вышестоящих судебных инстанциях.

Форма публичного обвинения есть концентрированное выражение типа процесса и запрет на поворот к худшему следует этой закономерности: чем

более развито состязательное начало в уголовно-процессуальной форме, тем более он категоричен и последовательно выражен. Если же эта форма является следственной, то и запрет на поворот к худшему ослабляется или сводится на нет. Для дел частного обвинения существует особый частно-диспозитивный правовой режим действия данного запрета.

Разделение следственной и прокурорской властей создает предпосылку для появления такого запрета, как средства регулирования отношений представителей этих двух властей государства. Ввиду следственного порядка выдвижения обвинения по делам публичного и частно-публичного обвинения правило о запрете на поворот к худшему начинает действовать только с момента поступления дела прокурору для принятия решения о его направлении в суд. Можно выделить досудебную, прото- или квазимодификацию запрета на поворот к худшему, которая встроена в процедуру возвращения уголовного дела прокурором следователю (дознавателю) и последующее изменение обвинения следователем, дознавателем.

Институт возвращения уголовного дела судом прокурору в принципиальном плане надо оценивать как способ обхода запрета на поворот к худшему. При существующей процедуре изменения обвинения в суде, основанной на предписаниях статей 246, 252, 254 УПК РФ, остается единственный выход из ситуации, когда в ходе рассмотрения уголовного дела выяснилась необходимость преобразования обвинения в сторону ужесточения: возвращение дела на доследование в соответствии с пунктом б части 2 статьи 237 УПК РФ.

Принципиально новое решение проблемы изменения в суде обвинения в худшую для подсудимого сторону требует системной реформы всего уголовного процесса и прежде всего – перехода на судебный порядок выдвижения обвинения.

Запрет на поворот к худшему действует во всех судебных стадиях. В каждой из судебных стадий проявления запрета на поворот к худшему имеют свою специфику.

Запрет на поворот к худшему связан с общим условием судебного разбирательства, изложенным в ст. 252 УПК РФ, действующим в стадии назначения судебного разбирательства и в стадии судебного разбирательства. В первых двух судебных стадиях предмет и верхние пределы судебного разбирательства определяются исключительно формулой публичного обвинения, с которым прокурор направил уголовное дело в суд, и никакими правопритязаниями других участников.

Переход на новое в уголовно-правовом или фактическом отношении обвинение, который произошел без предоставления подсудимому судом реальной возможности по защите от него недопустим. Любое изменение обвинения, включая поворот к лучшему, должно быть зафиксировано в решении суда, которое должно быть разъяснено подсудимому. В совещательной комнате суд должен исходить только из фактов, установленных в судебном следствии и включенных публично в формулу обновленного обвинения, и относительно которых стороны защиты имела возможность возражать и представлять противодоказательства.

Оптимальная правовая организация изменения обвинения в суде первой инстанции в контексте запрета на поворот к худшему представляет трудноразрешимую для отечественной уголовно-процессуальной доктрины проблему. С учетом сказанного о связи запрета на преобразование к худшему с правовой системой уголовно-правовой охраны общества от преступлений подлежит коренному реформированию первая судебная стадия: ей должна быть возвращена классическая форма стадии предания суду, в которой, на наш взгляд, и надлежит устранять все препятствия для рассмотрения дела по существу, связанные, в том числе, и с преобразованием обвинения в худшую для обвиняемого сторону. Стадия предания суду должна стать судебной инстанцией, где должен решаться вопрос о предъявлении подсудимому нового обвинения, связанного с первоначальным, основания для которого были установлены в ходе судебного разбирательства.

Стадию апелляционного производства можно считать центральным, решающим этапом в проявлении сущности запрета на поворот к худшему. Запрет на поворот к худшему выступает общим свойством апелляционного производства. Именно в контексте апелляции происходит раскрытие данного уголовно-процессуального запрета во всей своей полноте, но и противоречивости, что закреплено в позитивном праве. Правомерно говорить об «апелляционном запрете на поворот к худшему» как общем свойстве данной стадии и как специфической разновидности общепроцессуального запрета на поворот к худшему.

Абсолютность запрета на поворот к худшему подрывает произошедшая на практике дифференциация моделей апелляции и соответственно - раздвоение апелляционного запрета на поворот к худшему.

Концептуальные сдвиги в устройстве современной апелляции, включающей запрет на поворот к худшему, состоят, стало быть, в:

- феномене парадоксальности апелляционного запрета, которая проявляется как минимум в трехкратном отрицании его на уровне нормативно-правового регулирования стадии;

- появлении двух форматов апелляции: полной с ординарным судебным расследованием и неполной - с доминированием формально-кассационного метода проверки и установления апелляционных оснований, которая стала доминирующей на практике;

- образовании двух разновидностей апелляционного запрета - сообразно каждой из двух моделей апелляции: (а) полной, состязательной и (б) неполной, ревизионной, из которой выпало судебное доказывание по существу фактов, но восполненной механизмом возвращения уголовного дела в суд первой инстанции или прокурору по мотиву ухудшения положения осужденного, оправданного;

- ослаблении запрета на поворот к худшему в стадии апелляционного производства ввиду господства публично-правовой идеологии и риторики,

легализовавших допущения большей активности суда в инициировании поворота к худшему положения уголовно-преследуемого лица.

Классическая доктрина о запрете на поворот к худшему в контрольных стадиях уголовного процесса сохраняется в современной стадии кассационного производства, а равно и в надзорном производстве по уголовному делу. При этом наблюдается принципиальная преемственность в понимании этого запрета, равно как и системы изъятий из него в отечественной уголовно-процессуальной доктрине.

Наиболее ярко сходство проявляется во взаимосвязи данного запрета с ревизионным началом кассационного производства, ограничивающим действие состязательности и оправдывающим активность суда в проверке не только юридической, но и фактической стороны пересматриваемого дела, хотя последнее выходит за пределы классического кассационного метода.

Ревизионность и запрет на поворот к худшему являются частью кассационного механизма проверки, который имеет своим предметом не только вопросы юридической, но и фактической стороны дела.

Имеет место различием между апелляционным и кассационным (надзорным) вариантами запрета на поворот к худшему по причине качественного различия методов апелляции и кассации. Кассационный метод заключается только в юридической проверке законности судебных актов, а потому и поворот к худшему по идее в суде кассационной или надзорной инстанции может состояться только по формальным основаниям, но не из-за судебной ошибки, связанной с доказыванием.

Кассационно-надзорное производство в идеале должно быть нетерпимым к повороту к худшему и должно служить исключительно цели улучшения положения участника процесса, в отношении которого вступил в силу обвинительный приговор или иное решение, ограничивающее его права и законные интересы.

Мы выступаем за восстановление подвергавшегося в последние годы эрозии концептуального запрета на поворот к худшему до его абсолютных

границ: суд любой инстанции ни прямо ни косвенно не вправе ухудшать положение лица, в отношении которого им ведется дело, без инициативы стороны обвинения. Запрет на поворот к худшему должен быть категоричным после предания обвиняемого суду: в судебных стадиях дело подлежит рассмотрению в пределах обвинения, сформулированного актом о предании обвиняемого суду. Предъявление нового обвинения в случае выявления новых фактов, связанных с первоначальным обвинением, возможно после возвращения уголовного дела судом для предъявления прокурором нового обвинения и предания обвиняемого суду по новому обвинению. Если же в суде были выявлены факты совершения преступлений иными лицами или новые преступления подсудимого, которые не связаны с рассматриваемым обвинением, то прокурор принимает меры для возбуждения уголовного дела органом предварительного расследования. Полагаем, что запрет на поворот к худшему надо распространить и на решение судьи о размере и виде наказания, назначаемого им по делу, поставив судью в зависимость от предложения по этому вопросу стороны обвинения.

Состязательная, справедливая уголовно-процессуальная модель изменения обвинения в судебной стадии в свете запрета на преобразование положения подсудимого в худшую сторону требует, во-первых, судебного порядка предъявления обвинения; во-вторых, реального разделение судебной и обвинительной властей; и в-третьих, самое главное – состязательного, справедливого уголовного судопроизводства.

СПИСОК НОРМАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и их проекты

1. Декларация прав и свобод человека и гражданина: принята Верховным Советом РСФСР [от 22.11.1991] : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 52. – Ст. 1865. – Текст непосредственный.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме [от 04.11.1950, с изм. от 13.05.2004] // СЗ РФ. – 1998. – № 20. – Ст. 2143. – Текст непосредственный.

3. Конституция Российской Федерации [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2024). – Текст электронный.

4. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон [от 31.12.1996 №1-ФКЗ, ред. от 16.04.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023] : принят Государственной думой 23.10.1996 : одобрен Советом Федерации 26.12.1996 // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1. – Текст непосредственный.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [от 18.12.2001 № 174-ФЗ, ред. от 31.07.2020] : принят Государственной думой 22.11.2001 : одобрен Советом Федерации 05.12.2001 // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921. – Текст непосредственный.

6. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон [от 17.01.1992, ред. от 29.12.2022] // СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472. – Текст непосредственный.

7. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон [от 31.05.2002 № 63-ФЗ, ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022]: принят Государственной думой 26.04.2002 : одобрен Советом Федерации 15.05.2002 // СЗ РФ. – 2002. – 10 июня. – № 23. – Ст. 210. – Текст непосредственный.

8. О внесении изменений в статью 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон [от 07.10.2022 № 384-ФЗ] : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 28.09.2022 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 04.10.2022 // СЗ РФ. – 2022. – № 41. – Ст. 6946. – Текст : непосредственный.

9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон [от 11.10.2018 № 361-ФЗ, ред. от 12.11.2018] : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 25.09.2018 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 03.10.2018 // СЗ РФ. – 2018. – № 42 (часть II). – Ст. 6375. – Текст непосредственный.

10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон [от 24.02.2021 № 15-ФЗ] : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 09.02.2021: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 17.02.2021 // СЗ РФ. – 2021. – № 9. – Ст. 1462. – Текст непосредственный.

11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон [от 29.12.2010 № 433-ФЗ, ред. от 31.12.2014] : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22.12.2010 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания

Российской Федерации 24.12.2010 // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 45. – Текст непосредственный.

12. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Сайт Следственного комитета Российской Федерации. – URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1136. – Текст электронный.

13. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт: принят в г. Санкт-Петербурге [17.02.1996] Постановлением 7-6 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Сайт Межпарламентской Ассамблеи СНГ. – URL: <http://iacis.ru>. – Текст электронный.

14. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление ВС РСФСР [от 24.10.1991 № 1801-1] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435. – Текст непосредственный.

15. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ [от 02.07.2021 № 400] // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351. – Текст непосредственный.

16. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ [от 09.11.2022 № 809] // СЗ РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977. – Текст непосредственный.

17. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1924. – № 78. – Ст. 784. – Текст : непосредственный.

18. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Выпуск 4. Статьи 595–764 / под общей ред. проф. М. Н. Гернета. – Москва: Тип. М. М. Зива, 1915. – 1277 с. – Текст : непосредственный.

19. Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий Выпуск 3. Статьи 249–594 / под общей ред. проф. М. Н. Гернета. – Москва: Тип. М. М. Зива, 1914. – 368 с. – Текст : непосредственный.

20. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Выпуск 5. Статьи 765–999 / под общей ред. проф. М. Н. Гернета. – Москва: Тип. М. М. Зива, 1916. – 321 с. // Электронно-библиотечная система Znanium: [сайт]. – URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=136063> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

21. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генпрокуратуры России [от 30.06.2021 № 376] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

22. Дело «Абрамян (Abramyan) против Российской Федерации» (жалоба № 10709/02): Постановление ЕСПЧ [от 09.10.2008] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2009. – № 8. – С. 59-67. – Текст : непосредственный.

23. Дело «Эдуард Чистяков (Eduard Chistyakov) против Российской Федерации» (жалоба № 15336/02): Постановление ЕСПЧ [от 09.04.2009] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2010. – № 1. – С. 81-85. – Текст : непосредственный.

Постановления и определения Конституционного Суда РФ

24. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Чалова Валерия Львовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 10, 108, 109 и 402 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 22.01.2004 № 62-О]

// Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 5. – С. 5. – Текст : непосредственный.

25. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Боровкова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 28.09.2021 № 2095-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

26. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гагарина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации [от 24.12.2012 № 2329-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

27. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голотина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 60 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 6 части первой статьи 73, статьей 252, пунктом 6 части первой статьи 299 и пунктом 3 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 22.04.2010 № 529-О-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

28. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации [от 23.11.2017 № 2736-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

29. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клята Юрия Яковлевича на нарушение его конституционных прав статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 15.01.2015 № 129-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

30. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Алексея Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 72, пунктом 1 части второй статьи 75, пунктом 1 части восьмой статьи 246, статьями 256 и 338, частями первой и шестой статьи 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 18.07.2019 № 1849-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

31. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Андрея Валерьяновича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 29.05.2019 № 1255-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

32. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плотникова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации [от 24.09.2013 № 1487-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

33. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Салтыкова Сергея Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ [от 29.09.2015 № 2258-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

34. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тюляева Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 25.04.2019 № 1137-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

35. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорова Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 254 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Определение Конституционного Суда РФ [от 12.07.2001 № 168-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

36. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Аркадия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24, статьей 252, пунктами 2 и 6 части первой статьи 401.14 и частью третьей статьи 401.16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 24.11.2016 № 2585-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

37. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Андрейки Надежды Васильевны на нарушение ее конституционных прав статьями 90,

125, 252 и 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П: Определение Конституционного Суда РФ [от 27.09.2018 № 2214-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

38. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского областного суда о проверке конституционности части седьмой статьи 246 и части второй статьи 254 УПК Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 14.12.2004 № 393-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

39. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ [от 14.01.2000 № 1-П] // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 5. – Ст. 611. – Текст : непосредственный.

40. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Постановление Конституционного Суда РФ [от 20.04.1999 № 7-П] // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 17. – Ст. 2205. – Текст : непосредственный.

41. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление

Конституционного Суда РФ [от 08.12.2003 № 18-П] // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 51. – Ст. 5026. – Текст : непосредственный.

42. По делу о проверке конституционности положений статей 342, 371, 373, 378, 380 и 382 УПК РСФСР, статьи 41 УК РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ [от 17.07.2002 № 13-П] // СЗ РФ. – 2002. – № 31. – Ст. 3160. – Ст. 8098. – Текст : непосредственный.

43. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ [от 02.07.2013 № 16-П] // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 28. – Ст. 388. – Текст : непосредственный.

44. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера: Постановление Конституционного Суда РФ [от 07.03.2017 № 5-П] // РГ. – 2017. – 17 марта. – Текст : непосредственный.

45. По делу о проверке конституционности ст. 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ [от 11.05.2005 № 5-П] // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 22. – Ст. 2194. – Текст : непосредственный.

46. По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи

321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой: Постановление Конституционного Суда РФ [от 13.04.2021 № 13-П] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

47. По жалобе гражданки Семеновы Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 22.01.2004 № 119-О] // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 5. – С. 7. – Текст : непосредственный.

48. По запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации [от 05.12.2019 № 3271-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

49. По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ [от 10.02.2016 № 226-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

50. По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ [от 14.01.2016 № 15-О] // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

51. По ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 года по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и советского районного суда города Нижний Новгород: определение Конституционного Суда РФ [от 05.07.2000 № 150-О] // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 33. – Ст. 3432. – Текст : непосредственный.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ

52. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 19.12.2017 № 51] // Российская газета. – 2017. – 29 декабря. – Текст : непосредственный.

53. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 27.11.2012 № 26, ред. от 01.12.2015] // Российская газета. – 2012. – 7 декабря. – Текст : непосредственный.

54. О применении судами норм Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [от 05.03.2004 № 1, ред. от 01.06.2017] // Российская газета. – 2004. – 25 марта. – Текст непосредственный.

55. О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 22.12.2009 № 28, ред. от 15.05.2018] // Российская газета. – 2010. – 13 января. – Текст : непосредственный.

56. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 29.04.1996 № 1] (утратил силу) // СПС «Консультант плюс Архив открытого доступа. Санкт-Петербургский государственный университет–Текст : электронный.

57. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 29.11.2016 № 55] // Российская газета. – 2016. – 7 декабря. – Текст : непосредственный.

58. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [от 31 октября 1995 г. № 8, ред. от 03.03.2015] // Российская газета. – 1995. – 28 декабря. – Текст : непосредственный.

59. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 29.06.2010 № 17, ред. от 16.05.2017] // Российская газета. – 2010. – 7 июля. – Текст : непосредственный.

60. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [от 27.06.2013 № 21] // Российская газета. - 2013. - 5 июля. - Текст : непосредственный.

61. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 28.01.2014 № 2] (Документ утратил силу) // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

62. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ [от

25.06.2019 № 19, ред. от 29.06.2021] // Российская газета. – 2019. – 3 июля. – Текст : непосредственный.

63. Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2014 года : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 02.07.2014 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 10 // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

Научная, учебная и справочная литература

64. Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе / А. С. Александров. – Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1997. – 209 с. – Текст : непосредственный.

65. Александров, А. С. Система принципов уголовного процесса / Уголовный процесс России: учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; Науч. ред. В. Т. Томин. – Москва: Юрайт-Издат, 2003. – С. 74-102. – Текст : непосредственный.

66. Александров, А. С. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы и решения / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2000. – 84 с. – Текст : непосредственный.

67. Александров, А. С. Апелляция в русском уголовном судопроизводстве / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун. – Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 1999. – 108 с. – Текст : непосредственный.

68. Александров, А. С. Комментарий к УПК РСФСР / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун; отв. ред. В.И. Радченко; под ред. В.Т. Томина. 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2001. – Разд. XII. – С. 732–814. – Текст : непосредственный.

69. Александров, А. С. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: монография / А. С. Александров, С. А. Фролов. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011. – 176 с. – Текст : непосредственный.

70. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под ред. Н. А. Колоколова. – Москва: Юрист, 2011. – 188 с. – Текст : непосредственный.

71. Бажанов, М. И. Изменение обвинения в советском уголовном процессе / М. И. Бажанов. – Москва, 1954. – 56 с. – Текст : непосредственный.

72. Банченко-Любимова, К. Пересмотр судебных решений в порядке надзора / К. Банченко-Любимова. – Москва, 1959. – 105 с. – Текст : непосредственный.

73. Беззубов, С. И. Порядок производства по уголовному делу в апелляционной стадии уголовного процесса: учебно-практическое пособие / С. И. Беззубов. – Нижний Новгород, 2006. – 75 с. – Текст : непосредственный.

74. Безруков, С. И. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса: монография / С. И. Безруков. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 560 с. – Текст : непосредственный.

75. Безруков, С. И. Принципы уголовного судопроизводства: понятие, система и общая характеристика: учебное пособие / С. И. Безруков, С. С. Безруков; под общ. ред. В. В. Николука. – Омск : Омская академия МВД России, 2005. – 106 с. – Текст : непосредственный.

76. Бутов, В. Н. Уголовный процесс Австрии / В. Н. Бутов; науч. ред. Г. И. Чангули. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1988. – 200 с. – Текст : непосредственный.

77. Васьковский, Е. В. Курс гражданского процесса / Е. В. Васьковский. – Москва, 1913. – Т. 1. – 704 с. – Текст : непосредственный.

78. Вдовин, С. А. Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу: монография / С. А. Вдовин, О. В. Качалова. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 198 с. – Текст : непосредственный.

79. Вернер, Б. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник 6-е издан. с доп. и изм. / Б. Вернер, перевод с нем. Я. М. Плошкиной; под ред. Л. В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. – 352 с. – Текст : непосредственный.

80. Вилкова, Т. Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы: монография / Т. Ю. Вилкова. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 173 с. – Текст : непосредственный.

81. Вилкова, Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства России: правовые основы, содержание, гарантии / Т. Ю. Вилкова. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 328 с. – Текст : непосредственный.

82. Власова, С. В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху: монография / С. В. Власова. – Москва: Юрлитинформ, 2022. – 592 с. – Текст : непосредственный.

83. Воробейников, М. А. Запрет преобразования к худшему в советском уголовном процессе: монография / М. А. Воробейников. – Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1976. – 101 с. – Текст : непосредственный.

84. Газетдинов, Н. И. Принципы уголовного судопроизводства и их система: вопросы теории и практики / Н. И. Газетдинов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. – 210 с. – Текст : непосредственный.

85. Гайворонская, Л. В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе / Л. В. Гайворонская. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 190 с. – Текст : непосредственный.

86. Гальперин, И. М. Направление судом уголовного дела на следствие / И. М. Гальперин. – Москва, 1960. – 170 с. – Текст : непосредственный.

87. Гольмстен, А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства (переиздание) / А. Х. Гольмстен. – СПб., 1907. – 426 с. // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина: [сайт]. – URL: <https://www.prilib.ru/item/722046> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

88. Гордон, В. М. Иски о признании / В. М. Гордон. – Ярославль, 1906. – 392 с. – Текст : непосредственный.

89. Гришин, С. П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты) / С. П. Гришин. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 472 с. – Текст : непосредственный.

90. Гродзинский, М. М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский. – Москва: Госюрид. издат., 1949. – 220 с. – Текст : непосредственный.

91. Грун, А. Я. *Пересмотр* приговоров в порядке судебного надзора / А. Я. Грун. – Москва, 1969. – 159 с. – Текст : непосредственный.

92. Дикарев, И. С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография / И. С. Дикарев, общ. ред. и предисл. В. А. Давыдова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. – 400 с. – Текст : непосредственный.

93. Добровольская, Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики) / Т. Н. Добровольская. – Москва: Юрид. лит., 1971. – 200 с. – Текст : непосредственный.

94. Дорошков, В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности / В. В. Дорошков. – Москва: Норма, 2004. – 320 с. – Текст : непосредственный.

95. Дорошков, В. В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения: монография / В. В. Дорошков. – Москва: Изд-во НОРМА - ИНФРА-М, 2001 – 272 с. – Текст : непосредственный.
96. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – Москва, 1908. – 464 с. – Текст : непосредственный.
97. Зеленецкий, В. С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе / В. С. Зеленецкий. – Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. – 144 с. – Текст : непосредственный.
98. Калашникова, Н. Я. Гарантия права обвиняемого на защиту при изменении обвинения и наказания / Н. Я. Калашникова. – Москва, 1975. – 144 с. – Текст : непосредственный.
99. Калиновский, К. Б., Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / К. Б. Калиновский, А. В. Смирнов, под общ. ред. А. В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2004. – 848 с. – Текст : непосредственный.
100. Катькало, С. И. Судопроизводство по делам частного обвинения / С. И. Катькало, В. З. Лукашевич. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 208 с. – Текст : непосредственный.
101. Ковтун, Н. Н. Апелляция, кассация, надзор: анализ содержания / Апелляция, кассация, надзор новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Н. Н. Ковтун, под ред. Н. А. Колоколова. – Москва: Юрист, 2011. – 188 с. – Текст : непосредственный.
102. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России / Н. Н. Ковтун. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002. – 332 с. – Текст : непосредственный.
103. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2014. – 1087 с. – Текст : непосредственный.

104. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Отв. ред. В. И. Радченко; под ред. В. Т. Томина. 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2001. – 814 с. – Текст : непосредственный.

105. Комментарий к УПК РФ. Вводный / В. Т. Тomin, М. П. Поляков, А. С. Александров; под ред. заслуженного деятеля науки, д.ю.н., профессора В. Т. Томина. – Москва: Юрайт, 2002. – 378 с. – Текст : непосредственный.

106. Корнуков, В. М. Принцип личной неприкосновенности и его реализация в российском досудебном производстве / В. М. Корнуков, В. А. Куликов, Н. С. Манова. – Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2001. – 128 с. – Текст : непосредственный.

107. Крыленко, Н. В. Суд и право в СССР. Часть вторая. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик / Н. В. Крыленко. – Москва: Гос. Изд-во, 1928. – 158 с. – Текст : непосредственный.

108. Крыленко, Н. В. Судостройство РСФСР (Лекции по теории и истории судостройства) / Н. В. Крыленко. – Москва : Юридическое издательство, 1923. – 416 с. – Текст : непосредственный.

109. Кудрявцева, А. В. Апелляционное производство в уголовном процессе России / А. В. Кудрявцева, В. П. Смирнов. – Москва, 2013. – 216 с. – Текст : непосредственный.

110. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. – Москва: Юрид. лит., 1989. – 640 с. – Текст : непосредственный.

111. Куцова, Э. Ф. Советская кассация как гарантия законности в правосудии / Э. Ф. Куцова. – Москва : Гос. Из-во юрид. лит-ры, 1957. – 227 с. – Текст : непосредственный.

112. Левченко, О. В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности: монография / О. В. Левченко. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 176 с. – Текст : непосредственный.

113. Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования): монография / О. В. Левченко. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 176 с. – Текст : непосредственный.

114. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 44. – Москва : Изд. Полит. лит-ры, 1970. – 725 с. // ППС Ленина: [сайт]. – URL: <http://leninvi.com/t44/p398> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

115. Маслов, В. П. Пересмотр уголовных дел в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе / В. П. Маслов. – Москва: Юрид. литература, 1965. – 102 с. – Текст : непосредственный.

116. Машовец, А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / А. О. Машовец. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 456 с. – Текст : непосредственный.

117. Мельников, В. Ю. Права личности в уголовном процессе Российской Федерации: монография / В. Ю. Мельников. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 344 с. – Текст : непосредственный.

118. Мерзлякова, М. В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора / М. В. Мерзлякова, А. Д. Прошляков. – Москва, 2011. – 172 с. – Текст : непосредственный.

119. Мотовиловкер, Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства / Я. О. Мотовиловкер, под ред. П.И. Бородько. – Кемерово, 1962. – 296 с. – Текст : непосредственный.

120. Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России: пособие для прокурорской службы. Т. 1 / Н.В. Муравьев. – Москва : Унив. тип., 1889. – 552 с. – Текст : непосредственный.

121. Мухин, И. И. Кассационное обжалование, опротестование и пересмотр приговоров / И. И. Мухин. – Москва, 1956. – 200 с. – Текст : непосредственный.

122. Мухин, И. И. Обжалование, опротестование и пересмотр определений суда первой инстанции / И. И. Мухин. – Москва: Государст. изд-во юрид. лит-ры, 1958. – 72 с. – Текст : непосредственный.

123. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / В. П. Верин, В. В. Дорошков, В. М. Лебедев и др.; под ред. В. М. Лебедева. – Москва: Норма, 2004. – 448 с. – Текст : непосредственный.

124. Організація та діяльність органів прокуратури України: навч. посіб. П. М. Каркач, В. В. Кривобок, В. С. Бабкова та ін.; за ред. П. М. Каркача. – Харків : Право, 2019. – 500 с. // // «Організація діяльності прокуратури»: [сайт]. – URL: <https://library.nlu.edu.ua> (дата обращения: 09.01.2022). – Текст : электронный.

125. Перлов, И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. – Москва, 1968. – 396 с. – Текст : непосредственный.

126. Перлов, И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе / И. Д. Перлов. – Москва, 1974. – 256 с. – Текст : непосредственный.

127. Петрухин, И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И. Л. Петрухин – Москва : ТК Велби, 2004. – Ч. 1. – 224 с. – Текст : непосредственный.

128. Петрухин, И. Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И. Л. Петрухин, Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова. – Москва: Наука, 1979. – 392 с. – Текст : непосредственный.

129. Познанский, В. А. Вопросы теории и практики кассационного производства в советском уголовном процессе / В. А. Познанский, под ред. Д. П. Рассейкина. – Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 136 с. – Текст : непосредственный.

130. Поляков, М. П. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография / М. П. Поляков, А. Ю. Смолин. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. – 152. – Текст : непосредственный.

131. Полянский, Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – Москва, 1956. – 271 с. – Текст : непосредственный.

132. Полянский, Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – Москва: «Право и жизнь», 1927. – 127 с. – Текст : непосредственный.

133. Потапов, В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: монография / В. Д. Потапов. – Москва, 2012. – 376 с. – Текст : непосредственный.

134. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ. В 2 Ч. Ч. 1. 8-е изд., пер. и доп.: практическое пособие / Отв. ред. Лебедев В. М. – Москва: Юрайт, 2023. – (С. 149 и след.) // Образовательная платформа «Юрайт»: [сайт]. – URL: <https://urait.ru/viewer/> (дата обращения: 21.01.2023). – Текст : электронный.

135. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников; под ред. В. М. Савицкого. – Москва: Наука, 1983. – 223 с. – Текст : непосредственный.

136. Разинкина, А. Н. Апелляция в уголовном судопроизводстве / Н. А. Разинкина. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 160 с. – Текст : непосредственный.

137. Ривлин, А. Л. Пересмотр приговоров в СССР / А. Л. Ривлин. – Москва, 1958. – 312 с. – Текст : непосредственный.

138. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство. 3-е изд., пересм. / Н. Н. Розин. – СПб., 1916. – 603 с. – Текст : непосредственный.

139. Романова, А. А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: монография / А. А. Романова. – Москва, 2018. – 176 с. – Текст : непосредственный.
140. Рязановский, В. А. Единство процесса / В. А. Рязановский, вступит. ст. М. К. Треушников; Фонд «Международный ин-т развития правовой экономики. – Москва: Юрид. бюро «Городец», 1996. – 75 с. – Текст : непосредственный.
141. Сидоренко, М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (состояние и постановка проблемы) / М. В. Сидоренко. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 408 с. – Текст : непосредственный.
142. Сидорова, Н. В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России / Н. В. Сидорова. – Томск: Изд-во НТЛ, 2006. – 208 с. – Текст : непосредственный.
143. Случевский, В. К. Русский уголовный процесс / В. К. Случевский. – Москва, 1910. – 664 с. – Текст : непосредственный.
144. Смирнов, А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе: монография / А. В. Смирнов. – Москва: Норма, 2018. – 240 с. – Текст : непосредственный.
145. Смирнов, А. В. Модели *уголовного* процесса / А. В. Смирнов. – СПб., 2000. – 224 с. – Текст : непосредственный.
146. Соловьева, Н. А. Юридикто-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве / Н. А. Соловьева, Н. Т. Тришина. – Москва, 2013. – 180 с. – Текст : непосредственный.
147. Строгович, М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров / М. С. Строгович. – Москва, 1956. – 319 с. – Текст : непосредственный.
148. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / ред.: И. Л. Петрухин. 2-е изд. – Москва, 2007. – 672 с. – Текст : непосредственный.

149. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учеб. для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. – Москва: Юрайт, 2012. – 476 с. – Текст : непосредственный.

150. Уголовно-процессуальный кодекс: научно-популярный, практический комментарий / под ред. П. И. Люблинского и Н. Н. Полянского. – Москва: «Право и Жизнь», 1928. – 428 с. – Текст : непосредственный.

151. Уголовный процесс (судебные стадии и производства): учебник для образовательных организаций высшего юридического образования // колл. авторов; под общ. редакцией канд. юрид. наук, доцента Г. Х. Шаутаевой и докт. юрид. наук, профессора Н. Н. Ковтуна. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2017. – 200 с. – Текст : непосредственный.

152. Уголовный процесс западных государств / Л. В. Головкин, К. Ф. Гуценко, Б. А. Филимонов; под ред.: К. Ф. Гуценко. – Москва: Зерцало-М, 2001. – 480 с. – Текст : непосредственный. – Текст : непосредственный.

153. Уголовный процесс зарубежных стран. – Т. 3. – Москва: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2020. – 1120 с. – Текст : непосредственный.

154. Уголовный процесс России: учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; науч. ред. В. Т. Томин. – Москва: Юрайт-Издат, 2003. – 821 с. – Текст : непосредственный.

155. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с.

156. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. Вступит. статья В. Д. Зорькина. 8-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 784 с. – Текст : непосредственный.

157. Уголовный процесс: учебник для вузов. – Москва: Спарк, 1998. – 591 с. – Текст : непосредственный.

158. Уголовный процесс. Проблемные лекции В 2 т. Том 1. Общие положения уголовного судопроизводства : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2016. – 366 с. – Текст : непосредственный.

159. Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и судебный приговор / Ф. Н. Фаткулин. – Казань : Издательство Казанского университета. 1965. – 168 с.

160. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2-х т. Изд. 3-е, пересм. и доп. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – Т. 2. – 573 с. – Текст : непосредственный.

161. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2-х т. Изд. 3-е, пересм. и доп. – СПб.: Сенатская типография, 1912. – Т. 1. – 567 с. – Текст : непосредственный.

162. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс: учебник. 4-е изд / М. А. Чельцов. – Москва, 1962. – 503 с. – Текст : непосредственный.

163. Червоткин, А. С. Апелляция и кассация: пособие для судей / А. С. Червоткин. – Москва, 2013. – 336 с. – Текст : непосредственный.

164. Шифман, М. Л. Прокурор в уголовном процессе / М. Л. Шифман, ред.: И. Т. Голяков. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 247 с. – Текст : непосредственный.

Статьи, тезисы, научные сообщения

165. Александров, А. С. Принципы уголовного судопроизводства / А. С. Александров. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 162–175.

166. Александров, А. С. Судебное следствие в процедуре рассмотрения уголовного дела апелляционным судом общей юрисдикции: реальность или юридический симулякр / А. С. Александров. – Текст : непосредственный // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 октября 2020 года / Под

редакцией К.Б. Калиновского. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. – 342 с. – С. 61–71.

167. Александров, А. С., Александрова, И. А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки / А. С. Александров, И. А. Александрова. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 4 (58). – С. 6–19.

168. Александров, А. С., Александрова, И.А., Власова, С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке / А. С. Александров, И. А. Александрова, С. В. Власова. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2019. – № 9. – С. 75–86.

169. Александров, А. С., Андреева, О.И., Зайцев, О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А. С. Александров, О. И. Андреева, О. А. Зайцев. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 199–207.

170. Александров, А. С., Беззубов, С. И. К вопросу о возможных преобразованиях мировой юстиции и апелляционного производства по уголовным делам / А. С. Александров, С. И. Беззубов. – Текст : непосредственный // Мировой судья. – 2005. – № 11. – С. 7–9.

171. Александров, А. С., Варяник, А. А. О факторе экономической целесообразности, подлежащем учету при прекращении публичного уголовного преследования по некоторым нереабилитирующим основаниям / Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения / А. С. Александров, А. А. Варяник. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2004. – № 4. – С. 48–50.

172. Александров, А. С., Ковтун, Н. Н. Апелляционное производство в уголовном процессе / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 153–160.

173. Александров, А. С., Ковтун, Н. Н. Основания к отмене (изменению) приговора в суде апелляционной инстанции / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 55–62.

174. Александров, А. С., Ковтун, Н. Н. Субъекты апелляционного обжалования приговора: пределы процессуальных прав и полномочий / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2002. – № 5. – С. 107–115.

175. Александров, А. С., Лапатников М. В. Восстановление института возвращения судом уголовного дела прокурору на доследование / А. С. Александров, М. В. Лапатников. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 77–79.

176. Александров, А. С., Лапатников М.В. Суд на осуд, а не на россуд / А. С. Александров, М. В. Лапатников. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 4. – С. 6–12.

177. Александров, А. С., Лапатников, М.В., Терехин, В. В. Этапы «большого пути» русского уголовно-процессуального права от полусостязательности – к инквизиции / А. С. Александров, М. В. Лапатников, В. В. Терехин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием (Уфа, институт права БашГУ, 17-18 апреля 2014 г.). – Уфа: БашГУ, 2014. – 356 с. – С. 9–26.

178. Алексеева, Т. Пределы действия принципа правовой определенности в надзорном производстве по уголовным делам / Т. Алексеева. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 99–107.

179. Альшевский, Т. В. Пределы прав суда при рассмотрении уголовных дел в кассационном порядке и в порядке надзора / Т. В. Альшевский. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1956. – № 6. – С. 70–80.

180. Амианц, К.А., Головина, К. А., Гильманов, И.Р. Особенности действия запрета на поворот к худшему в современном апелляционном производстве по уголовному делу / К.А. Амианц, О.А. Головина, И.Р. Гильманов – Текст : непосредственный // Российская наука и образование: проблемы и перспективы. 2015. № 1(4). С. 44–48.

181. Аристархов, А. Проблемы возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения путем предъявления более тяжкого обвинения / А. Аристархов. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2014. – № 1. – С. 93–98.

182. Бабенко, И. А., Плетнев, В.В., Пшава, В. В. К вопросу о пределах прав суда апелляционной инстанции при принятии решений, ухудшающих положение осужденного / И. А. Бабенко, В. В. Плетнев, В. В. Пшава. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2021. – № 8. – С. 25-30.

183. Барабанов, П. К. Изменение обвинения на стадии судебного разбирательства с ухудшением положения обвиняемого / П. К. Барабанов. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2009. – № 3. – С. 13–19.

184. Беззубовов, С. И. Свойства апелляции в российском уголовном судопроизводстве силу / С. И. Беззубовов. – Текст : непосредственный // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов. В 2 ч. / Под ред. проф. В.М. Баранова и доц. М.А. Пшеничнова. – Нижний Новгород: НА МВД России, 2006. – Вып. 12. – Ч. 1. – С. 3–6.

185. Белкин, А. Р. Тонкости и недомолвки производства у мирового судьи / А. Р. Белкин. – Текст : непосредственный // Мировой судья. – 2020. – № 8. – С. 3–10.

186. Благинина, Ю. Н. Некоторые проблемы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения / Ю. Н. Благинина. – Текст : непосредственный // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 8. – С. 396–406.

187. Бордонов, С. А. О праве кассационной инстанции / С. А. Бордонов. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1950. – № 6. – С. 30-31.

188. Будак, Е. Правило запрета поворота к худшему в немецком и австрийском гражданском процессе / Е. Будак. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2008. – № 9. – С. 65–69.

189. Будылин, Н.В. Действие запрета на поворот к худшему в стадии кассационного производства по уголовному делу / Н.В. Будылин – Текст : непосредственный //Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2022. – Том 32. – № 5. – С. 887–893.

190. Будылин, Н.В. Действие запрета на поворот к худшему при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции /Н.В. Будылин – Текст : непосредственный //Общество и право. – 2022. – № 1 (79). – С. 52–58.

191. Бурмагин, С. В. Разделение обвинительной и судебной власти в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней / С. В. Бурмагин. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5. – С. 885–896.

192. Бурмагин, С. В., Барабанов, П. К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства / С. В. Бурмагин, П. К. Барабанов. – Текст: непосредственный // Государство и право. – 2022. – № 12. – С. 45–53.

193. Ванян, К. Д., Лысов, Н. Н., Тащилин, М. Т., Шуйский, А. С., Гильманов, И. Р., Костерин, В. В. Принципиальное значение запрета на поворот к худшему для уголовно-процессуальной системы / К. Д. Ванян, Н. Н. Лысов, М. Т. Тащилин, А. С. Шуйский, И. Р. Гильманов, В. В. Костерин. –

Текст: непосредственный // Правоприменение. – 2022. – №3. – С. 212–221.
[https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(3\).212-223](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(3).212-223)

194. Васильев, О. Л. Справедливость как принцип уголовного процесса / О. Л. Васильев. – Текст: непосредственный // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 28–31.

195. Володина, Л. М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности / Л. М. Володина. – Текст: непосредственный // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. – 2018. – № 2 (42). – С. 16–23.

196. Воскобитова, Л. А. Обязанности следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого / Л. А. Воскобитова. – Текст: непосредственный // Проблемы теории и практики исполнения уголовно-процессуальных обязанностей: сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. XVIII / под ред. С. И. Давыдова, Е. Н. Петухова, В. В. Полякова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. – 404 с. – С. 10–23.

197. Гальперин, И. М. Проблема «*reformatio in rejus*» в уголовном процессе / И. М. Гальперин. – Текст: непосредственный // Советское государство и право. – 1949. – № 3. – С. 50-60.

198. Гири́н, Н. Насильственные действия над правосудием / Н. Гири́н. – Текст: непосредственный // Новая газета. – 2020. – 29 сентября.

199. Головинская, И. В., Поликарпова, М. Ж. Проблемы возбуждения и рассмотрения уголовных дел частного обвинения / И. В. Головинская, М. Ж. Поликарпова. – Текст: непосредственный // Современное право. – 2020. – № 5. – С. 85–93.

200. Головки, Л. В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 3. В стиле новых тенденций / Л. В. Головки. – Текст: непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 2. С. – 19–20.

201. Гольмстен, А. Х. В защиту процессуальной теории Бюлова / А. Х. Гольмстен. – Текст: непосредственный // Журнал министерства юстиции. – 1916. – № 9. – С. 319–320.

202. Григорьев, В. Н., Голубов, И. И., Селютин А. В. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел частного обвинения / В. Н. Григорьев, И. И. Голубов, А. В. Селютин. – Текст: непосредственный // Мировой судья. – 2006. – № 3. – С. 2–4.

203. Гриненко, А. В. Система принципов уголовного судопроизводства / А. В. Гриненко. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2007. – № 2. – С. 63–68.

204. Гробовенко, Я. В., Строгович, М. С. Обвиняемый. Гарантии прав личности в уголовном процессе / Я. В. Гробовенко, М. С. Строгович. – Текст: непосредственный // Демократические основы советского социалистического правосудия / Под ред. члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича. – М. Изд-во «Наука», 1965 – 225 с. – С. 250-254.

205. Гродзинский, М. М. Вопросы кассационного пересмотра приговоров в связи с проектом УПК СССР / М. М. Гродзинский. – Текст : электронный // Социалистическая законность. – 1954. № 10. С. 5-12. // Проект «Исторические материалы»: [сайт]. – URL: https://istmat.org/files/uploads/62596/zakonnost_no10_1954.pdf (дата обращения: 21.01.2023).

206. Давлетов, А. А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности / А. А. Давлетов. – Текст: непосредственный // Правоведение. 2008. № 2. С. 92–102.

207. Давыдов, В. А. Пределы прав суда надзорной инстанции в уголовном процессе и ревизионное начало / В. А. Давыдов. – Текст: непосредственный // Закон. – 2009. – № 10. – С. 114–119.

208. Давыдов, В. А. Принятие Федерального закона № 433-ФЗ - весьма значимый этап судебной реформы / В. А. Давыдов. – Текст: непосредственный // Уголовный процесс. – 2011. – № 3. – С. 10-17.

209. Деришев, Ю. В., Олифиренко, Т. Г. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела как принцип современного уголовного судопроизводства / Ю. В. Деришев, Т. Г. Олифиренко. – Текст: непосредственный // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 1 (30). – С. 56–60.

210. Дикарев, И. С. Апология ревизии в уголовном процессе / И. С. Дикарев. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2012. – № 11. – С. 34–37.

211. Дикарев, И. С. Запрет поворота к худшему при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений / И. С. Дикарев. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2013. – № 3. – С. 60–62.

212. Дикарев, И. С. Об основаниях пересмотра приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке / И. С. Дикарев. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2014. – № 3. – С. 35–38.

213. Дикарев, И. С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе / И. С. Дикарев. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2009. – № 6. – С. 49–52.

214. Дикарев, И. С. Пределы рассмотрения дела судом в уголовном процессе / И. С. Дикарев. – Текст: непосредственный // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 76-80.

215. Дикарев, И. С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией / И. С. Дикарев. – Текст: непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5 Юриспруденция. – 2013. – № 3. – С. 98–103.

216. Дорошков, В. В. Нужна ли ликвидация частного обвинения? / В. В. Дорошков. – Текст: непосредственный // Мировой судья. – 2021. – № 4. – С. 3–11.

217. Жирова, М. Ю. Исковая природа частного обвинения / М. Ю. Жирова. – Текст: непосредственный // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – № 4 (85). – С. 289–295.

218. Зайцев, И. Основания к отмене судебных решений в порядке надзора / И. Зайцев. – Текст: непосредственный // Социалистическая законность. – 1969. – № 8. – С. 39–43.

219. Зайцев, О. А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве / О. А. Зайцев. – Текст: непосредственный // Журнал российского права. – 2019. – № 1. – С. 73–81.

220. Зыкин, В. Возвращение судом дел для дополнительного расследования: состояние и перспективы / В. Зыкин. – Текст: непосредственный // Российский следователь. – 2006. – № 1. – С. 6-9.

221. Идрисов, О. Р. «Поворот к худшему» при пересмотре приговоров в суде кассационной инстанции: вопросы теории и проблемы законодательной регламентации / О. Р. Идрисов. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: сб. ст. / отв. ред. Н.С. Соколовская. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2013. – С. 6–13.

222. Калашникова, Н. Я. Вопрос о запрете преобразования к худшему в УПК РСФСР 1960 г. / Н. Я. Калашникова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. – 1972. – № 1. С. 17-22.

223. Калинин, В. Н. Принцип недопустимости ухудшения положения осужденного при пересмотре судебных решений / В. Н. Калинин. – Текст: непосредственный // Следователь. – 2004. – № 5. – С. 18-22.

224. Калмыков, В. Б. Запрет на поворот к худшему при кассационном пересмотре уголовного дела / В. Б. Калмыков. – Текст: непосредственный // Следователь. – 2006. – № 11. – С. 24–25.

225. Кальницкий, В. В., Куряхова, Т. В. Дополнения ст. 237 УПК РФ и правовая позиция Конституционного Суда РФ / В. В. Кальницкий, Т. В. Куряхова. – Текст: непосредственный // Уголовное право. – № 6. – 2014. – С. 89–94.

226. Кальницкий, В. В., Куряхова, Т. В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения / В. В. Кальницкий, Т. В. Куряхова. – Текст: непосредственный // Следователь. – 2013. – № 9 (185). – С. 7-12.

227. Ковтун, Н. Н. Надзорно-кассационная форма проверки судебных решений в контексте российской «традиции», актов ЕСПЧ и актов конституционного правосудия / Н. Н. Ковтун. – Текст: непосредственный // Уголовная юстиция. – 2016. – №1 (7). – С. 45–55.

228. Ковтун, Н. Н. О сути и назначении самобытной российской кассации: позиции закона, доктрины и практики / Н. Н. Ковтун. – Текст: непосредственный // Мировой судья. – 2020. – № 11. – С. 11–17.

229. Ковтун, Н. Н. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России – стереотипизация правовых установок / Н. Н. Ковтун. – Текст: непосредственный // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 22–26.

230. Ковтун, Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России / Н. Н. Ковтун. – Текст: непосредственный / Е. Будаков. – Текст: непосредственный // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 123–137.

231. Ковтун, Н. Н. Res judicata реформированной российской кассации / Н. Н. Ковтун. – Текст: непосредственный // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4 (5). – С. 121–130.

232. Ковтун, Н. Н., Александров, А. С. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы и решения / Н. Н. Ковтун, А. С. Александров. – Текст: непосредственный // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 38–45.

233. Кондрат, И. Н. Права личности и некоторые общепроцессуальные принципы уголовного процесса / И. Н. Кондрат. – Текст: непосредственный // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 43–54.

234. Корнакова, С. В. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России в свете принципа состязательности уголовного процесса / С. В. Корнакова. – Текст: непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 1 (11). – С. 73–79.

235. Коробка, Е. Апелляция не вправе ухудшать положение подсудимого без инициативы стороны обвинения // Адвокатская газета. 2019. 26 декабря. / Е. Коробка. – Текст : электронный // «Адвокатская газета»: [сайт]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-apellyatsiya-ne-vprave-ukhudshat-polozhenie-podsudimogo-bez-initsiativy-storony-obviniya> (дата обращения: 21.01.2023).

236. Королев, Г. Н. О возможностях влияния прокурора на формирование государственного обвинения в ходе досудебного производства / Г. Н. Королев. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. – 2018. – № 4. – С. 126–130.

237. Костерин, В. В. К вопросу о сущности обвинения и уголовно-процессуальном механизме его формулирования и выдвижения / В. В. Костерин. – Текст: непосредственный // Юридическая наука. – 2021. – № 10. – С. 45-47.

238. Кудрявцева, А. В. О пределах прав суда апелляционной инстанции в уголовном судопроизводстве / А. В. Кудрявцева. – Текст: непосредственный // Судья. – 2020. – № 4. – С. 38–43.

239. Кудрявцева, А. В., Смирнов, В. П. Ревизионность как общее условие апелляционного судопроизводства / А. В. Кудрявцева, В. П. Смирнов. – Текст: электронный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2015. – № 2. // «Киберленинка»: [сайт]. – URL: URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/revizionnost-kak-obschee-usloviye-apellyatsionnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 21.01.2023).

240. Кулишер, А. М. Защита субъективных публичных прав посредством иска / А. М. Кулишер. – Текст: непосредственный // Юридический вестник. – Москва, 1913. – Кн. IV. – С. 78-123.

241. Куряхова, Т. В. Практика применения пункта 6 части 1 статьи 237 УПК РФ о возвращении уголовного дела прокурору для усиления обвинения / Т. В. Куряхова. – Текст: непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 485-489.

242. Кучинская, О. П. Диспозитивность как принцип уголовного процесса / О. П. Кучинская. – Текст: непосредственный // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2011. – № 4. – С. 278–282.

243. Лазарева, Л. И. Принцип недопустимости поворота к худшему / Л. И. Лазарева. – Текст: непосредственный // Правоведение. – 1977. – № 2. – С. 101–104.

244. Лапатников, М. В., Урняева, Г. Ю. Возвращение дела прокурору: анализ судебной практики / М. В. Лапатников, Г. Ю. Урняева. – Текст: непосредственный // Уголовный процесс. – 2018. – № 8. – С. 22–33.

245. Ласкин, К., Козак, Л. Вопрос, требующий теоретической разработки / К. Ласкин, Л. Козак. – Текст: непосредственный // Социалистическая законность. – 1948. – № 10. – С. 21-23.

246. Левченко, О. В. Прокурор как субъект права на выдвижение обвинения и доказывание / О. В. Левченко. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. редакторы: И. Г. Рагозина, Ю. В. Деришев. – Омск, 2022. – С. 44–47.

247. Люблинский, П. И. Процесс, как судебный порядок и процесс, как правоотношение / П. И. Люблинский. – Текст: непосредственный // Журнал министерства юстиции. – 1917. – № 1. – С. 237–265.

248. Манова, Н. С., Баранова, М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности / Н. С. Манова, М. А. Баранова. – Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 45. – С. 564–593.

249. Морщакова, Т. Отказаться от ограничения права на кассацию / Т. Морщакова. – Текст: непосредственный // Адвокатская газета. – 2020. – 15 августа.

250. Морщакова, Т. Г. Запрет поворота к худшему как гарантия прав личности в советском уголовном процессе / Т. Г. Морщакова. – Текст: непосредственный // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Сборник научных трудов. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1985. – С. 36–45.

251. Муравьев, К. В. Суд как орган, исправляющий ошибки в применении уголовного закона / К. В. Муравьев. – Текст: непосредственный // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 50–55.

252. Николюк, В. В., Кальницкий В.В., Куряхова, Т.В. Возвращение дела прокурору для усиления обвинения стало возможным / В. В. Николюк, В. В. Кальницкий, Т. В. Куряхова. – Текст: непосредственный // Уголовное право. – 2013. – № 4. – С. 84–89.

253. Орлова, А. А. Производство по уголовным делам частного обвинения: к вопросу об оптимизации правового регулирования / А. А. Орлова. – Текст: непосредственный // Мировой судья. – 2022. – № 8. – С. 21–25.

254. Панокин, А. М. Основные начала апелляционного производства в уголовном процессе / А. М. Панокин. – Текст: непосредственный // Юридические исследования. – 2017. – № 8. – С. 26–45.

255. Парфенова, М. В. К вопросу о возбуждении уголовных дел частного обвинения / М. В. Парфенова. – Текст: непосредственный // Мировой судья. – 2007. – № 3. – С. 5–7.

256. Пашкевич, П. Ф. Возможность и необходимость расширения прав суда кассационной инстанции с целью повышения эффективности правосудия / П. Ф. Пашкевич. – Текст: непосредственный // Вопросы повышения эффективности правосудия по уголовным делам / под ред. В. З. Лукашевича. – Калининград, 1981. – С. 46–55.

257. Пашкевич, П. Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства надо дифференцировать / П. Ф. Пашкевич. – Текст: непосредственный // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 54–56.

258. Перлов, И. Д. Вопросы судебного разбирательства и кассационного производства в связи с проектом УПК СССР / И. Д. Перлов. – Текст: непосредственный // Социалистическая законность. – 1954. – № 4. – С. 13-16.

259. Петрухин, И. Л. Доследование: расхождения закона и практики / И. Л. Петрухин. – Текст: непосредственный // Уголовный процесс. – 2007. – № 8. – С. 27–30.

260. Петрухин, И. Л. Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – Текст: непосредственный // Государство и право. – 2006. – № 3. – С. 46–53.

261. Победкин, А. В. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы становления / А. В. Победкин. – Текст: непосредственный // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 46-50.

262. Поздняков, М. Л. Принятие решения по существу в суде кассационной инстанции / М. Л. Поздняков. – Текст: непосредственный // Уголовный процесс. – 2007. – № 3. – С. 27-30.

263. Полянский, Н. Н. Вопросы уголовного процесса в связи с проектом УПК СССР / Н. Н. Полянский. – Текст: непосредственный // Социалистическая законность. – 1954. – № 6. – С. 29-37.

264. Полянский, Н. Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом / Н. Н. Полянский. – Текст: непосредственный // Правоведение. – 1960. – № 1. – С. 105–115.

265. Попов, В. П. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции / В. П. Попов. – Текст: непосредственный // Science time. – 2014. – № 7. – С. 329-335.

266. Потапов, В. Д. Категории «существенное нарушение закона» и «фундаментальное нарушение закона» в контексте оснований для отмены окончательных судебных решений в суде надзорной инстанции / В. Д. Потапов. – Текст: непосредственный // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 2. – С. 181–182.

267. Ринчинов, Б. А. Пределы прав суда апелляционной инстанции и поворот к худшему при пересмотре судебных решений, не вступивших в законную силу / Б. А. Ринчинов. – Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 1. – С. 102-108.

268. Романова, А. А. Изъятия из запрета на поворот к худшему в стадии апелляционного производства по уголовному делу / А. А. Романова. – Текст: непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2 (30). – С. 182–186.

269. Рябых, М. Ю. Запрет поворота к худшему в системе уголовно-процессуальных запретов / М. Ю. Рябых. – Текст: непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2007. – № 1. – С. 313–319.

270. Селина, Е. В. Право на защиту в уголовном судопроизводстве / Е. В. Селина. – Текст: непосредственный // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 108–112.

271. Смирнов, Д. В. Ухудшение положения осужденного в суде апелляционной инстанции / Д. В. Смирнов. – Текст: непосредственный // Законность. – 2015. – № 2. – С. 37-38.

272. Тертышник, В., Щерба, С. Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения / В. Тертышник, С. Щерба. – Текст: непосредственный // Уголовное право. – 2001. – № 4. – С. 73-76.

273. Титов, П. М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения / П. М. Титов. – Текст: непосредственный // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 69–77.

274. Томин, В. Т. О понятии принципа советского уголовного процесса / В. Т. Томин. – Текст: непосредственный // Труды Высшей школы МООП РСФСР. – М., 1965. – Вып. 12. – С. 191–200.

275. Тришева, А. А., Решетова, Н. Ю. Возвращение судом уголовного дела прокурору: практика и новая позиция КС РФ / А. А. Тришева, Н. Ю. Решетова. – Текст: непосредственный // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 10-19.

276. Тузов, А. Г. Свобода обжалования приговора и процессуальное положение участников уголовного процесса в Российской Федерации и Чешской Республике / А. Г. Тузов. – Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 2. – С. 91-97.

277. Туркиев, Р. М., Сефикурбанов, К. С. Прокурор в апелляционной инстанции / Р. М. Туркиев, К. С. Сефикурбанов. – Текст: непосредственный // Закон и право. – 2020. – № 4. – С. 122–124.

278. Фомин, М. А. Изменение обвинения в суде: правила, выработанные практикой / М. А. Фомин. – Текст: непосредственный // Уголовный процесс. – 2011. – № 2. – С. 50–55.

279. Хегер, М. Состязательные и инквизиционные элементы в системах уголовного правосудия европейских государств как вызов европеизации уголовного процесса / М. Хегер. – Текст: непосредственный // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 9-12 ноября 2017 г. / БГУ, юридический факультет,

кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора; Берлинский университет им. Гумбольдта; редкол. : В. И. Самарин (отв. ред.), М. Хегер, О. В. Мороз. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 189–205.

280. Чельцов-Бебутов, М. А. Развитие института обжалования и пересмотра приговоров в советском уголовном процессе / М. А. Чельцов-Бебутов. – Текст: непосредственный // Ученые записки Всесоюзного юридического заочного института. – 1948. – С. 103–115.

281. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности и принцип публичности в уголовном процессе / В. С. Шадрин. – Текст: непосредственный // Государство и право. – 1994. – № 4. – С. 96-104.

282. Юнусов, А. А., Калмыков, В. Б. Генезис позиций законодателя в вопросе возвращения уголовного дела прокурору / А. А. Юнусов, В. Б. Калмыков. – Текст: непосредственный // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Серия 3: Правоведение. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2006. – С. 119–130.

Диссертации

283. Апостолова, Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Апостолова Наталья Николаевна. – Москва, 2010. – 369 с. – Текст : непосредственный.

284. Аширбекова, М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Аширбекова Мадина Таукеновна. – Екатеринбург, 2009. – 485 с. – Текст : непосредственный.

285. Баева, Т. Н. Возвращение судом уголовного дела прокурору в механизме обеспечения справедливого судебного разбирательства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Баева Татьяна Николаевна. – Москва, 2006. – 244 с. – Текст : непосредственный.

286. Беззубов, С. И. Производство по уголовному делу в апелляционном суде: проблемы теории, нормативного регулирования и правоприменительной практики : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Беззубов Сергей Иванович. – Нижний Новгород, 2007. – 247 с. – Текст : непосредственный.

287. Безруков, С. С. Принципы уголовного процесса : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Безруков Сергей Сергеевич. – Москва, 2016. – 220 с. – Текст : непосредственный.

288. Бобылев, М. П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бобылев Максим Петрович. – Уфа, 2004. – 200 с. – Текст : непосредственный.

289. Бородинова, Т. Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Бородинова Татьяна Геннадьевна. – Москва, 2016. – 455 с. – Текст : непосредственный.

290. Бравилова, Е. А. Пределы судебного разбирательства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание

ученой степени кандидата юридических наук / Бравилова Екатерина Александровна. – Челябинск, 2004. – 238 с. – Текст : непосредственный.

291. *Вдовин, С. А.* Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного по уголовному делу : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Вдовин Сергей Александрович. – Москва, 2020. – 286 с. – Текст : непосредственный.

292. Гаврилов, Д. Б. Возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования и устранения препятствий его рассмотрения судом : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гаврилов Даниил Борисович. – Москва, 2008. – 233 с. – Текст : непосредственный.

293. Гайворонская, Л. В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гайворонская Лина Вениаминовна. – Москва, 2018. – 239 с. – Текст : непосредственный.

294. Гехова, Д. Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе : генезис и перспективы развития : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гехова Дина Хусеновна. – Москва, 2016. – 219 с. – Текст : непосредственный.

295. Головков, В. Л. Апелляционное производство по уголовным делам в Российской Федерации: проблемы и пути решения : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Головков Вячеслав Леонидович. – Ижевск, 2004. – 314 с. – Текст : непосредственный.

296. Дикарев, И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дикарев Илья Степанович. – Волгоград, 2016. – 258 с. – Текст : непосредственный.

297. Дяденькин, С. В. Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дяденькин Сергей Владимирович. – Челябинск, 2010. – 221 с. – Текст : непосредственный.

298. Ежова, Е. В. Институт возвращения уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ежова Елена Владимировна. – Уфа, 2006. – 250 с. – Текст : непосредственный.

299. Зиннатов, Р. Ф. Реализация судебной власти на стадии подготовки дела к судебному заседанию в современном российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зиннатов Радик Фаритович. – Ижевск, 2006. – 302 с. – Текст : непосредственный.

300. Ивасенко, К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ивасенко Кристина Вадимовна. – Москва, 2014. – 265 с. – Текст : непосредственный.

301. Калмыков, В. Б. Кассационное производство в уголовном процессе: теоретико-прикладной аспект : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Калмыков Виталий Борисович. – Москва, 2010. – 266 с. – Текст : непосредственный.

302. Килина, И. В. Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Килина Ирина Владимировна. – Ульяновск, 2019. – 216 с. – Текст : непосредственный.

303. Лазарева, Л. И. Принцип недопустимости поворота к худшему в советском уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лазарева Людмила Ивановна. – Москва, 1982. – 190 с. – Текст : непосредственный.

304. Лантух, Н. В. Формы проверки не вступивших в законную силу приговоров : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лантух Наталия Викторовна. – Санкт-Петербург, 2001. – 198 с. – Текст : непосредственный.

305. Лисафьева, О. Б. Возвращение уголовного дела прокурору в системе уголовного судопроизводства России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лисафьева Ольга Борисовна. – Нижний Новгород, 2010. – 194 с. – Текст : непосредственный.

306. Масленникова, Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : специальность 12.00.09 «Уголовный

процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Масленникова Лариса Николаевна. – Москва, 2000. – 554 с. – Текст : непосредственный.

307. Машовец, А. О. Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Машовец Асия Океановна. – Екатеринбург, 2018. – 425 с. – Текст : непосредственный.

308. Михеенкова, М. А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Михеенкова Мария Андреевна. – Москва, 2012. – 279 с. – Текст : непосредственный.

309. Муратова, Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Муратова Надежда Георгиевна. – Казань, 2004. – 600 с. – Текст : непосредственный.

310. Нехороших, М. Е. Кассационное производство: сущность, задачи и направления совершенствования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Нехороших Михаил Евгеньевич. – Томск, 2018. – 288 с. – Текст : непосредственный.

311. Омарова, А. С. Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата

юридических наук / Омарова Асель Сабетовна. – Саратов, 2015. – 242 с. – Текст : непосредственный.

312. Палиева, О. Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Палиева Оксана Николаевна. – Москва, 2005. – 218 с. – Текст : непосредственный.

313. Пономаренко, С. С. Диспозитивные начала в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пономаренко Станислав Станиславович. – Оренбург, 2002. – 156 с. – Текст : непосредственный.

314. Потапов, В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Потапов Василий Джонович. – Москва, 2013. – 483 с. – Текст : непосредственный.

315. Разинкина, А. Н. Апелляция в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Разинкина Анна Николаевна. – Москва, 2003. – 194 с. – Текст : непосредственный.

316. Ринчинов, Б. А. Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебной реформы : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ринчинов Баир Александрович. – Москва, 2013. – 256 с. – Текст : непосредственный.

317. Ровнейко, В. В. Изменение обвинения в суде первой инстанции по российскому уголовно-процессуальному законодательству : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ровнейко Вера Владимировна. – Ижевск, 1996. – 259 с. – Текст : непосредственный.

318. Романова, А. А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Романова Анастасия Андреевна. – Нижний Новгород, 2017. – 230 с. – Текст : непосредственный.

319. Сидорова, Н. В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе Российской Федерации: инстанции в уголовном процессе Российской : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сидорова Наталия Викторовна. – Томск, 2005. – 244 с. – Текст : непосредственный.

320. Спиридонов, М. С. Кассационная проверка итоговых судебных решений в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Спиридонов Михаил Сергеевич. – Ульяновск, 2021. – 253 с. – Текст : непосредственный.

321. Терехов, Е. В. Дискреционные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства России и Австрии : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Терехов Евгений Владимирович. – Москва, 2009. – 230 с. – Текст : непосредственный.

322. Термечиков, М. А. Возвращение прокурором уголовного дела для доследования и судом прокурору для восполнения пробелов следствия, не устранимых в суде: по материалам Кыргызской Республики : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Термечиков Мирлан Арстанбекович. – Москва, 2010. – 225 с. – Текст : непосредственный.

323. Тришева, А. А. Возвращение судом уголовного дела прокурору: генезис, современное состояние, пути совершенствования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тришева Антонина Александровна. – Москва, 2010. – 210 с. – Текст : непосредственный.

324. Тришина, Н. Т. Юридикто-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тришина Надежда Тельмановна. – Саратов, 2012. – 243 с. – Текст : непосредственный.

325. Трухин, С. А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Трухин Сергей Алексеевич. – Москва, 2016. – 315 с. – Текст : непосредственный.

326. Хатуаева, В. В. Реализация частного (диспозитивного начала) в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Хатуаева Виктория Владимировна. – Москва, 2006. – 393 с. – Текст : непосредственный.

327. Хохряков, М. А. Пределы судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: законодательство, теория, практика : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хохряков Максим Александрович. – Москва, 2013. – 233 с. – Текст : непосредственный.

328. Шелепанов, Н. И. Правовое регулирование апелляции в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шелепанов Николай Иванович. – Санкт-Петербург, 2005. – 192 с. – Текст : непосредственный.

329. Шмелева, Е. С. Правовое регулирование апелляционного производства в современном уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шмелева Елена Сергеевна. – Челябинск, 2010. – 239 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

330. Алтынникова, Л. И. Особенности реализации принципа состязательности сторон в современном российском апелляционном производстве по уголовным делам : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Алтынникова Лиля Игоревна. – Москва, 2017. – 31 с. – Текст : непосредственный.

331. Аширбекова, М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на соискание ученой степени

доктора юридических наук / Аширбекова Мадина Таукеновна. – Екатеринбург, 2009. – 62 с. – Текст : непосредственный.

332. Комогорцева, К. А. Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Комогорцева Ксения Анатольевна. – Москва, 2013. – 35 с. – Текст : непосредственный.

333. Мазина, Н. Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мазина Наталья Николаевна. – Казань, 2015. – 28 с. – Текст : непосредственный.

334. Михеенкова, М. А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Михеенкова Мария Андреевна. – Москва, 2012. – 32 с. – Текст : непосредственный.

335. Никонов, М. А. Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никонов Максим Андреевич. – Москва, 2014. – 33 с. – Текст : непосредственный.

336. Ретунская, Т. П. Защита частного интереса в уголовном процессе Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ретунская Татьяна Павловна. – Владимир, 2005. – 28 с. – Текст : непосредственный.

Трухин, С. А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Трухин Сергей Алексеевич. – Москва, 2016. – 28 с. – Текст : непосредственный.

Приложение 1
Данные судебной статистики

Таблица 1.1

**Уголовные дела по первой инстанции возвращенные прокурору
при рассмотрении в суде⁵⁷⁸**

Количество дел		2017	2018	2019	2020	2021	1п/г 2022
возвращенных прокурору для устранения недостатков в порядке ст. 237		9689	10881	12889	14151	13761	5370
из них по делам рассмотренным	единолично судьей	9657	10836	12832	14085	13698	5337
	коллекцией из 3-х федеральных судей	8	17	6	11	10	2
	с участием присяжных заседателей	24	28	51	55	53	31

⁵⁷⁸ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2023).

Таблица 1.2

**Отмененные или измененные приговоры по результатам
апелляционного рассмотрения дел⁵⁷⁹**

		2017	2018	2019	2020	2021	1п/г 2022
Отменены обвинительные приговоры		4607	6321	6100	7174	8570	4437
Из них	с возвращением дела прокурору	696	723	697	656	697	420
Отменены обвинительные приговоры по делам с участием присяжных заседателей		0	28	88	80	104	57
Из них	с возвращением дела прокурору	0	0	0	1	0	0
Изменены обвинительные приговоры		14215	17575	15300	15448	16880	8234
Из них	с изменением квалификации с усилением наказания	126	242	172	156	154	81
	без изменением квалификации с усилением наказания	1649	2614	2379	1964	2245	1433
Изменены обвинительные приговоры по делам с участием присяжных заседателей		0	28	65	39	40	32
Из них	с изменением квалификации с усилением наказания	0	0	0	0	0	1
	без изменением квалификации с усилением наказания	0	1	5	3	3	4
Отменены оправдательные приговоры		548	570	579	656	900	393
Из них	с возвращением дела прокурору	21	44	28	20	23	9

⁵⁷⁹ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2023).

Отменены оправдательные приговоры по делам с участием присяжных заседателей		0	30	120	148	255	115
Из них	с возвращением дела прокурору	0	0	0	0	1	1

Таблица 1.3

Отмененные или измененные приговоры по результатам кассационного рассмотрения дел⁵⁸⁰

		2017	2018	2019	2020	2021	1п/г 2022
Отменены обвинительные приговоры		1211	1198	1295	1906	2377	1229
Из них	с возвращением дела прокурору	118	122	102	99	132	103
Отменены обвинительные приговоры по делам с участием присяжных заседателей		0	0	2	21	27	19
Из них	с возвращением дела прокурору	0	0	1	0	0	0
Изменены обвинительные приговоры		4815	4912	4261	4776	5417	2244
Из них	с изменением квалификации с усилением наказания	2	1	12	8	1	1
	без изменением квалификации с усилением наказания	16	24	242	26	6	1
Изменены обвинительные приговоры по делам с участием присяжных заседателей		2	2	0	12	6	11
Из них	с изменением квалификации с усилением наказания	0	0	0	0	0	0
	без изменением квалификации с усилением наказания	0	0	0	1	0	0
Отменены оправдательные приговоры		16	18	6	53	52	28
Из них	с возвращением дела прокурору	10	12	5	22	15	8

⁵⁸⁰ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2023).

Отменены оправдательные приговоры по делам с участием присяжных заседателей		0	0	0	9	8	0
Из них	с возвращением дела прокурору	0	0	0	0	0	0

**Данные соцопросов участников судебных процессов
по уголовным делам**

Таблица 2.1

Результаты анкетирования судей		
Вопросы	Варианты ответов	% отве тов
1. Является ли современное российское уголовное судопроизводство состязательным?	- да, вполне - да, частично - нет, не является - другое - без ответа	18% 41% 19% 13% 9%
2. Является ли современное российское уголовное судопроизводство справедливым?	- да, вполне - не вполне - нет, не является - другое - без ответа	86% 9% 1% 1% 3%
3. Обязан ли судья соблюдать запрет на выполнение функции обвинения?	- да - нет - другое - без ответа	92% 4% 3% 1%
4. Есть ли обвинительный уклон у российского правосудия?	- да, явный - да, частично присутствует - нет - другое - без ответа	14% 21% 56% 12% 3%
5. Если такой уклон есть, то, по вашему мнению, он усиливается?	- да - нет - другое - без ответа	65% 15% 15% 5%
6. Какова роль председательствующего судьи в судебных стадиях, в любых судебных производствах, которые он ведет?	- активная - вспомогательно/дополнительно активная - пассивная - другое - нет ответа	47% 22% 7% 8% 6%
7. Активность суда связана с обвинительным уклоном правосудия	- да - нет - другое - без ответа	26% 66% 5% 3%
8. Причины активности суда и обвинительного уклона, если они есть, вызваны, на Ваш взгляд, причинами (выберите вариант ответа):	- да - нет - без ответа	65% 35% 10%
- типом российского уголовного судопроизводства	- без ответа	10%
- позиционированием судьи как государственного	- да	86%

служащего	- нет - без ответа	12% 2%
- общим устройством российского государства и местом в нем судебной власти	- да - нет - без ответа	78% 13% 9%
- правовой традицией, культурой, психологией судей	- да - нет - без ответа	84% 12% 4%
- следственным порядком формирования доказательств, благодаря которому судья получает основную информацию о предмете процесса из следственных материалов уголовного дела	- да - нет - без ответа	36% 57% 7%
- следственной формой выдвижения обвинения	- да - нет - без ответа	21% 77% 12%
- недостаточная активность публичного обвинителя, частного обвинителя	- да - нет - без ответа	51% 35% 14%
9. Российское уголовное судопроизводство является оптимальным для современного развития России?	- да - нет - другое - без ответа	78% 8% 10% 4%
10. Связан ли суд в судебных стадиях позицией сторон?	- да, полностью - да, в некоторой мере - нет - без ответа	4% 16% 73% 7%
11. Что является предметом судебного разбирательства (проверки в вышестоящей инстанции)?	- обвинение - факты объективной реальности - материалы уголовного дела - позиции, утверждения сторон, т.е. то, что они требуют признать у суда - фактические обстоятельства, относимые доказательства, представленные в судебном заседании - другое - нет ответа	13% 23% 19% 14% 18% 9% 4%
12. Что является целью судебного доказывания по уголовному делу?	- объективная истина - судебная истина - правильное разрешения дела на основании имеющихся доказательств - восстановления справедливости - защиты прав и интересов лиц - другое - без ответа	29% 9% 22% 7% 16% 4% 3%
13. Обязан ли судья принять все меры для всестороннего, полного и объективного установления всех фактических обстоятельств дела?	- да - нет - другое - без ответа	76% 9% 8% 7%

14. Если да, то вправе ли председательствующий судья оказать содействие в доказывании:		
- государственному обвинителю	- да - нет - другое - без ответа	62% 19% 8% 11%
- потерпевшему	- да - нет - другое - без ответа	51% 33% 12% 16%
15. Существует ли для судьи запрет на поворот к худшему положения лица, в отношении которого ведется дело?	- да - нет - другое - без ответа	75% 11% 6% 8%
16. Понимаете ли Вы смысл запрета на поворот к худшему?	- да - нет - другое - без ответа	82% 3% 8% 7%
17. Связаны ли запрет на поворот к худшему и запрет на выполнение судом функции обвинения?	- да - нет - другое - без ответа	78% 9% 6% 7%
18. Насколько обязателен для судьи запрет на поворот к худшему?	- абсолютно обязателен - обязателен, но не абсолютно - не обязателен - другое - без ответа	16% 62% 4% 11% 7%
19. Для судьи является приоритетным запрет на поворот к худшему или начало «ревизионности»?	- ревизионность - запрет на поворот к худшему - оба эти общие свойства значимы в равной мере - затрудняюсь ответить	24% 15% 52% 9%
20. Соблюдаете ли Вы этот запрет в своей практике?	- да, всегда - не всегда - нарушаю - без ответа	9% 63% 11% 17%
21. Что мешает судье соблюдать запрет на поворот к худшему?		
- закон; общая организация уголовного процесса	- да - нет - другое - без ответа	64% 15% 13% 8%
- наличие досудебного производства в структуре судопроизводства	- да - нет - другое - без ответа	53% 36% 13% 8%
- положение судебной власти в государстве	- да - нет - другое - без ответа	45% 30% 15% 10%

- правовой статус судьи	- да - нет - другое - без ответа	42% 27% 14% 18%
- другое – поясните, если можете		
22. Связан ли запрет на поворот к худшему с общим условием, предусмотренным статьей 252 УПК РФ?	- да - нет - другое - без ответа	92% 3% 0% 5%
23. Согласны ли Вы с тем, что судья, принимая решение в совещательной комнате, продолжает быть связан позициями сторон, в окончательном виде сформулированными ими в судебных прениях?	- да - нет - другое - без ответа	65% 26% 12% 7%
24. Связан ли судья при вынесении обвинительного приговора юридической квалификацией, которая предложена стороной обвинения, или вправе переквалифицировать содеянное по своему усмотрению?	- да - да, в некоторой мере - нет - другое - без ответа	9% 12% 73% 2% 4%
25. Вправе ли судья по своей инициативе назначить наказание более чем запрашивал прокурор?	- да - нет - другое - без ответа	78% 11% 5% 6%
26. В каких стадиях уголовного судопроизводства действует запрет на поворот к худшему:		
- стадии назначения судебного заседания	- да - нет - другое - без ответа	84% 6% 3% 7%
- в судебном разбирательстве	- да - нет - другое - без ответа	89% 4% 2% 5%
- в стадии апелляционного производства	- да - нет - другое - без ответа	92% 1% 3% 4%
- исполнения приговора	- да - нет - другое - без ответа	7% 88% 3% 2%
- в стадии кассационного производства	- да - нет - другое - без ответа	92% 3% 3% 2%
- в стадии надзорного производства	- да - нет - другое - без ответа	84% 6% 3% 7%
- в стадии возобновления дела в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств	- да - нет	67% 11%

	- другое - без ответа	9% 13%
27. В какой из судебных стадий действие запрета наиболее сильно (укажите по мере нарастания категоричности запрета)?	- стадия назначения судебного заседания - стадия судебного разбирательства - исполнение приговора - апелляционное производство - кассационное производство - надзорное производство - возобновление дела в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств	3 4 7 1 2 5 6
28. Влияют ли на категоричность запрета на поворот к худшему различия в апелляционном и кассационном методах проверки судом решения (дела)?	- да - нет - другое - без ответа	88% 5% 3% 4%
29. Что определяет предмет, пределы проверки суда апелляционной (кассационной) инстанции:		
- позиция сторон, выраженная в жалобах, представлениях	- да - нет - другое - без ответа	81% 6% 7% 6%
- предмет обвинения, по которому обвиняемый был предан суду	- да - нет - другое - без ответа	90% 2% 1% 3%
- необходимость устранения судом вышестоящей инстанции ошибки нижестоящего суда	- да - нет - другое - без ответа	78% 13% 5% 4%
- факты, установленные вышестоящим судом в ходе проверки дела	- да - нет - другое - без ответа	86% 3% 5% 6%
- другое (поясните)		
30. Суд апелляционной (кассационной) инстанции при изменении или отмене решения вправе выйти за пределы позиции сторон, даже если это приведет к ухудшению положения лица, в отношении которого ведется уголовное дело	- да - нет - другое - без ответа	67% 18% 13% 12%
31. При новом рассмотрении уголовного дела, решение которого было отменено судом вышестоящей инстанции, суд ограничен запретом на поворот к худшему?	- да - нет - другое - без ответа	69% 14% 9% 8%
32. Связан ли орган предварительного расследования при предъявлении нового обвинения по уголовному делу, возвращенному из суда, теми фактами, что были установлены в судебном	- да - нет - другое - без ответа	82% 3% 5% 10%

следствии против обвиняемого?		
33. Обязан ли суд обеспечить стороне защиты возможность защиты от обвинения, которое изменилось в ходе разбирательства (проверки) в суде?	- да - нет - другое - без ответа	87% 9% 6% 4%
34. Если да, то обязан ли суд в каждом случае изменения обвинения в его уголовно-правовой или фактической составляющих, не зависимо от того в какую сторону этим меняется положение лица, в отношении которого ведется дело, предоставить ему реальную возможность для защиты от этого обвинения?	- да - нет - другое - без ответа	47% 28% 7% 18%
35. Можно ли считать процедуру возвращения судом уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ выходом за запрет на поворот к худшему?	- да - нет - другое - без ответа	36% 39% 12% 13%
36. Вправе ли суд вышестоящей инстанции вернуть уголовное дело прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, если апелляционное (кассационное) представление (жалоба) со стороны обвинения содержало только требование об усилении наказания?	- да - нет - другое - без ответа	74% 18% 6% 12%
37. Является ли оптимальным законодательное закрепление запрета на поворот к худшему в УПК РФ?	- да - нет - другое - без ответа	66% 12% 9% 13%
38. Следует ли закрепить в кодексе запрет на поворот к худшему:		
- в качестве отдельного принципа процесса	- да - нет - другое - без ответа	14% 78% 2% 6%
- в виде унифицированного общего свойства (условия) каждой из судебных стадий	- да - нет - другое - без ответа	52% 19% 9% 21%
- другое (укажите что именно)		
39. Поддерживаете ли вы предложение о более категоричном проведении этого запрета в отечественном уголовном судопроизводстве?	- да - нет - другое - без ответа	59% 24% 4% 12%
40. Если да, то согласны ли закрепить в законе следующие положения:		
- суду воспрещается ни прямо ни косвенно преобразовывать положение лица, в отношении которого ведется уголовное дело, в худшую для него сторону по своей инициативе, в отсутствие официально выраженного требования об этом со стороны обвинения	- да - нет - другое - без ответа	38% 32% 12% 17%
- при назначении наказания суд не вправе выйти за	- да	21%

пределы предложения о нем обвинителя	- нет - другое - без ответа	52% 8% 18%
- суд вышестоящий инстанции не вправе изменить решение нижестоящего суда в худшую для лица, в отношении которого ведется уголовное дело, сторону	- да - нет - другое - без ответа	18% 55% 9% 18%
- при рассмотрении уголовного дела суд апелляционной инстанции связан правоприязнаниями и доводами апелляционных жалоб, представлений и вправе проверять судебные решения суда первой инстанции по уголовному делу только в пределах позиций сторон	- да - нет - другое - без ответа	17% 59% 7% 17%
- суд кассационной инстанции связан позицией сторон и пересматривает судебные решения судов первой и апелляционной инстанций в пределах кассационных отзывов и утверждений сторон, изложенных в судебном заседании	- да - нет - другое - без ответа	24% 49% 9% 13%
41. Поддерживаете ли Вы предложение о введении судебного порядка предъявления в суде нового обвинения на основании фактов, установленных в судебном следствии, который предусматривал бы, во-первых, процедуру выдвижения нового обвинения прокурором, и во-вторых, предоставление подсудимому возможности подготовиться к защите от него?	- да - нет - другое - без ответа	31% 42% 9% 18%
42. Ваш стаж работы судьей	- до 2 лет - до 5 лет - до 10 лет - свыше 10 лет	26% 33% 31% 10%

Таблица 2.2.

Результаты анкетирования прокуроров		
Вопросы	Варианты ответов	% ответов
1. Является ли современное российское уголовное судопроизводство состязательным?	- да, вполне - да, частично - нет, преобладает следственный элемент - другое - без ответа	30% 27% 21% 9% 13%
2. Является ли современное российское уголовное судопроизводство справедливым?	- да, вполне - да, частично - не является - другое - без ответа	69% 12% 0% 6% 13%
3. Обязан ли судья соблюдать запрет на выполнение функции обвинения?	- да - нет - другое - без ответа	84% 2% 6% 8%
4. Есть ли обвинительный уклон у российского правосудия?	- да, явный - да, частично присутствует - нет - другое - без ответа	9% 21% 52% 5% 13%
5. Существует ли в отечественном процессе запрет на поворот к худшему положения лица, в отношении которого ведется дело?	- да - нет - другое - без ответа	73% 14% 5% 8%
6. Понимаете ли Вы смысл запрета на поворот к худшему?	- да, вполне - не совсем понимаю - нет - без ответа	71% 15% 0% 14%
7. Кому адресован этот запрет?	- суду - прокурору - вместе суду и прокурору - другое - нет ответа	80% 5% 5% 4% 6%
8. Активность суда при ведении дела, в том числе в доказывании, связана с обвинительным уклоном правосудия?	- да - нет - без ответа	65% 31% 4%
9. Связан ли запрет на поворот к худшему с запретом на выполнение судом функции обвинения?	- да - нет - другое - без ответа	86% 3% 3% 8%
10. Какова роль председательствующего судьи в судебных стадиях, в любых судебных производствах, которые он ведет?	- активная - вспомогательно, дополнительно активная	74% 23%

	- пассивная - другое - без ответа	6% 4% 3%
11.Активность суда при ведении дела, в том числе в доказывании, связана ли с обвинительным уклоном правосудия?	- да - частично да - нет - без ответа	56% 33% 5% 6%
12.Связан ли суд в судебных стадиях позицией сторон?	- да, полностью - да, в некоторой мере - нет - без ответа	9% 23% 51% 7%
13.Что является целью судебного доказывания по уголовному делу?	- объективная истина - судебная истина - другое - без ответа	87% 6% 3% 4%
14.Совпадают ли, по Вашему мнению, цели доказывания государственного обвинителя и суда?	- да, полностью - да, частично - нет совпадения - без ответа	71% 16% 7% 5%
15.Обязан ли судья принять все меры для всестороннего, полного и объективного установления всех фактических обстоятельств дела?	- да - нет - другое - без ответа	86% 4% 3% 7%
16. Если да, то вправе ли председательствующий судья оказать содействие в доказывании:		
- государственному обвинителю	- да - нет - другое - без ответа	18% 71% 4% 7%
17.Насколько категоричен в современном процессе для судьи запрет на поворот к худшему?	- абсолютно категоричен - относительно - необязателен - другое - без ответа	19% 46% 23% % 4% 8%
18.Правомерным ли будет преобразование к худшему положения осужденного по инициативе суда, если это соответствует фактическим обстоятельствам, установленным в судебном заседании?	- да - нет - другое - без ответа	69% 14% 8% 9%
19.Связан ли запрет на поворот к худшему с общим условием, предусмотренным статьей 252 УПК РФ?	- да - нет - другое - без ответа	84% 7% 2% 7%
20.Согласны ли Вы с тем, что судья, принимая решение в совещательной комнате, продолжает быть связан позицией сторон, в окончательном виде сформулированных в судебных прениях?	- да - нет - другое - без ответа	56% 40% 6% 8%
21.Связан ли судья при вынесении обвинительного приговора юридической квалификацией, которая предложена стороной обвинения, или вправе	- да - нет - другое	52% 31% 8%

переквалифицировать содеянное по своему усмотрению?	- без ответа	7%
22.Вправе ли судья по своей инициативе назначить наказание более чем запрашивал прокурор	- да - нет - другое - без ответа	81% 8% 4% 7%
23.В каких стадиях уголовного судопроизводства действует запрет на поворот к худшему:		
- стадии назначения судебного заседания	- да - нет - другое - без ответа	87% 6% 4% 3%
- в судебном разбирательстве	- да - нет - другое - без ответа	92% 1% 2% 5%
- в стадии апелляционного производства	- да - нет - другое - без ответа	94% 4% 0% 2%
- исполнения приговора	- да - нет - другое - без ответа	11% 73% 7% 9%
- в стадии кассационного производства	- да - нет - другое - без ответа	83% 8% 5% 4%
- в стадии надзорного производства	- да - нет - другое - без ответа	81% 8% 5% 6%
- в стадии возобновления дела в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств	- да - нет - другое - без ответа	74% 13% 9% 4%
24.В какой из судебных стадий действие запрета наиболее сильно (укажите по мере нарастания категоричности запрета)?	- стадия назначения судебного заседания - стадия судебного разбирательства - исполнение приговора - апелляционное производство - кассационное производство -надзорное производство - возобновление дела в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств	3 2 7 1 4 5 6
25.Влияют ли на категоричность запрета на поворот к худшему различия в апелляционном и кассационном методах проверки судом дела и решения?	- да - нет - другое - без ответа	72% 10% 3% 15%

26.Суд апелляционной (кассационной) инстанции вправе выйти за пределы позиции сторон в сторону ухудшения положения лица, в отношении которого ведется уголовное дело, из изменении решения нижестоящего суда?	- да - нет - другое - без ответа	24% 55% 8% 13%
27.При новом рассмотрении уголовного дела, решение которого было отменено судом вышестоящей инстанции, суд ограничен запретом на поворот к худшему?	- да - нет - другое - без ответа	77% 9% 7% 5%
28.Связан ли орган предварительного расследования при предъявлении нового обвинения по уголовному делу, возвращенному из суда, теми фактами, что были установлены в судебном следствии против обвиняемого?	- да - нет - другое - без ответа	93% 0% 2% 5%
29.Обязан ли суд обеспечить стороне защиты возможность защиты от обвинения, которое изменилось в ходе разбирательства (проверки) в суде?	- да - нет - другое - без ответа	84% 5% 4% 7%
30.Если да, то обязан ли суд в каждом случае изменения обвинения в его уголовно-правовой или фактической составляющих, не зависимо от того в какую сторону этим меняется положение лица, в отношении которого ведется дело, предоставить ему реальную возможность для защиты от этого обвинения?	- да - нет - другое - без ответа	73% 13% 6% 8%
31.Можно ли расценивать процедуру возвращения судом уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, как выход за запрет на поворот к худшему?	- да - нет - другое - без ответа	64% 17% 8% 11%
32.Вправе ли суд вышестоящей инстанции возвратить уголовное дело прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, если апелляционное (кассационное) представление (жалоба) со стороны обвинения содержало только требование об усилении наказания?	- да - нет - другое - без ответа	78% 8% 2% 15%
33.Является ли оптимальным законодательное закрепление запрета на поворот к худшему в кодексе?	- да - нет - другое - без ответа	83% 5% 3% 19%
34.Следует ли закрепить запрет на поворот к худшему:		
- в качестве отдельного принципа процесса	- да - нет - другое - без ответа	58% 30% 2% 10%
- в виде унифицированного общего свойства (условия) каждой из судебных стадий	- да - нет - другое - без ответа	47% 41% 3% 9%
- другое (укажите что именно)		

35. Поддерживаете ли вы предложение о более категоричном проведении этого запрета в отечественном уголовном судопроизводстве?	- да - нет - без ответа	33% 38% 9%
36. Если да, то согласны ли закрепить в законе следующее положения:		
- суду воспрещается ни прямо, ни косвенно преобразовывать положение лица, в отношении которого ведется уголовное дело, в худшую для него сторону по своей инициативе, в отсутствие официально выраженного требования об этом со стороны обвинения	- да - нет - другое - без ответа	75% 9% 4% 13%
- при назначении наказания суд не вправе выйти за пределы предложения о нем обвинителя	- да - нет - другое - без ответа	31% 42% 3% 6%
- суд вышестоящий инстанции не вправе изменить решение нижестоящего суда в худшую для лица, в отношении которого ведется уголовное дело, сторону	- да - нет - другое - без ответа	26% 53% 9% 12%
- при рассмотрении уголовного дела суд апелляционной инстанции связан правоприязнаниями и доводами апелляционных жалоб, представлений и вправе проверять судебные решения суда первой инстанции по уголовному делу только в пределах позиций сторон	- да - нет - другое - без ответа	38% 52% 3% 7%
- суд кассационной инстанции связан позицией сторон и пересматривает судебные решения судов первой и апелляционной инстанций в пределах кассационных отзывов и утверждений сторон, изложенных в судебном заседании	- да - нет - другое - без ответа	32% 54% 6% 8%
37. Поддерживаете ли Вы предложение о введении судебного порядка предъявления в суде нового обвинения на основании фактов, установленных в судебном следствии, который предусматривал бы, во-первых, процедуру выдвижения нового обвинения прокурором, и во-вторых, предоставление подсудимому возможности подготовиться к защите от него?	- да - нет - другое - без ответа	26% 65% 3% 6%
38. Ваш стаж работы в должности сотрудника прокуратуры	- до 2 лет - до 5 лет - до 10 лет - свыше 10 лет	12% 21% 33% 34%

Таблица 2.3

Результаты анкетирования адвокатов		
Вопросы	Варианты ответов	% отве тов
1. Является ли современное российское уголовное судопроизводство состязательным?	- да, вполне - да, частично - нет, не является - другое - без ответа	8% 42% 37% 2% 11%
2. Является ли современное российское уголовное судопроизводство справедливым?	- да, вполне - да, частично - не является - другое - без ответа	23% 32% 36% 2% 7%
3. Обязан ли судья соблюдать запрет на выполнение функции обвинения?	- да - нет - другое - без ответа	96% 0% 1% 3%
4. Есть ли обвинительный уклон у российского правосудия?	- да, явный - да, частично присутствует - нет - другое - без ответа	38% 43% 7% 4% 8%
5. Если обвинительный уклон присутствует, то он имеет тенденцию к	- усилению - ослаблению - без изменений - другое - нет ответа	31% 11% 56% 3% 9%
6. Существует ли в отечественном процессе запрет на поворот к худшему положения лица, в отношении которого ведется дело?	- да - нет - другое - без ответа	74% 11% 6% 9%
7. Понимаете ли Вы смысл запрета на поворот к худшему?	- да - нет - другое - без ответа	78% 9% 2% 11%
8. Кому адресован этот запрет?	- суду - прокурору - государству - другое - без ответа	73% 6% 8% 3% 10%
9. Запрет на поворот к худшему благоприятен защите?	- да - нет - другое - без ответа	86% 0% 5% 9%
10. Запрет на поворот к худшему, по Вашему мнению, имеет тенденцию к	- усилению - ослаблению	7% 37%

	- без изменений - другое - нет ответа	49% 2% 5%
11. Российское уголовное судопроизводство является оптимальным для современного развития России?	- да - нет - другое - без ответа	37% 32% 7% 24%
12. Какова роль председательствующего судьи в судебных стадиях, в любых судебных производствах, которые он ведет?	- активная - вспомогательно, дополнительно активная - пассивная - другое - без ответа	28% 32% 8% 15% 17%
13. В пользу какой стороны как правило идет активность суда?	- прокурора - стороны защиты - других участников процесса - без ответа	81% 7% 4% 8%
14. В вашей практике были случаи проявления судом активности в поддержку обвинения и против стороны защиты?	- да - нет - без ответа	55% 29% 16%
15. Активность суда при ведении дела, в том числе, в доказывании, связана с обвинительным уклоном правосудия?	- да - нет - без ответа	78% 10% 12%
16. Активность суда при ведении дела, в том числе в доказывании, ослабляет запрет на поворот к худшему?	- да - нет - без ответа	83% 8% 9%
17. Связаны ли запрет на поворот к худшему и запрет на выполнение судом функции обвинения?	- да - нет - другое - без ответа	89% 4% 4% 3%
18. Связан ли суд в судебных стадиях позицией сторон?	- да, полностью - да, в некоторой мере - нет - без ответа	3% 29% 63% 5%
19. Имели ли место в вашей практике случаи, когда суд содействовал преобразованию к худшему положения вашего подзащитного?	- да - нет - другое - без ответа	65% 18% 9% 18%
19.1. Если да, то в чем это проявилось:		
- назначил наказание более строгое, чем требовал прокурор	- да - нет - другое - без ответа	37% 41% 3% 19%
- способствовал установлению фактов против подсудимого, что стало основанием для возвращения уголовного дела прокурору	- да - нет - другое - без ответа	63% 23% 5% 9%
- способствовал установлению фактов против подсудимого, осужденного, которые привели к отмене оправдательного приговора, прекращения уголовного дела и направления дела на новое	- да - нет - другое - без ответа	56% 21% 7% 16%

рассмотрение		
- изменил обвинительный приговор нижестоящего суда в сторону ухудшения положения осужденного, выйдя за пределы требований прокурора, потерпевшего	- да - нет - другое - без ответа	10% 46% 28% 16%
- другое (укажите что именно)		
20.Ограничивает ли угроза поворота к худшему в суде вышестоящей инстанции свободу обжалования приговоров?	- да - нет - другое - без ответа	86% 5% 3% 8%
21.Связан ли запрет на поворот к худшему с общим условием, предусмотренным статьей 252 УПК РФ?	- да - нет - другое - без ответа	88% 4% 1% 7%
22.Согласны ли Вы с тем, что судья, принимая решение в совещательной комнате, продолжает быть связан позицией сторон, в окончательном виде сформулированных в судебных прениях?	- да - нет - другое - без ответа	75% 9% 3% 8%
23.Связан ли судья при вынесении обвинительного приговора юридической квалификацией, которая предложена стороной обвинения, или вправе переквалифицировать содеянное по своему усмотрению?	- да - нет - другое - без ответа	73% 13% 6% 8%
24.Вправе ли судья по своей инициативе назначить наказание более чем запрашивал государственный обвинитель?	- да - нет - другое - без ответа	84% 7% 6% 3%
25.В каких стадиях уголовного судопроизводства действует запрет на поворот к худшему:		
- стадии назначения судебного заседания	- да - нет - другое - без ответа	89% 2% 3% 6%
- в судебном разбирательстве	- да - нет - другое - без ответа	93% 3% 0% 4%
- в стадии апелляционного производства	- да - нет - другое - без ответа	91% 4% 3% 2%
- в стадии исполнения приговора	- да - нет - другое - без ответа	23% 43% 6% 28%
- в стадии кассационного производства	- да - нет - другое - без ответа	84% 3% 9% 4%
- в стадии надзорного производства	- да - нет	81% 4%

	- другое - без ответа	8% 7%
- в стадии возобновления дела в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств	- да - нет - другое - без ответа	78% 5% 3% 9%
26.В какой из судебных стадий действие запрета наиболее сильно (укажите по мере нарастания категоричности запрета)	- стадия назначения судебного заседания - стадия судебного разбирательства - исполнение приговора - апелляционное производство - кассационное производство - надзорное производство - возобновление дела в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств	4 2 7 1 3 5 6
27.Влияют ли на категоричность запрета на поворот к худшему различия в апелляционном и кассационном методах проверки судом дела и решения	- да - нет - другое - без ответа	41% 30% 6% 23%
28.По Вашему мнению, при новом рассмотрении уголовного дела, решение которого было отменено судом вышестоящей инстанции, суд должен быть ограничен запретом на поворот к худшему?	- да - нет - другое - без ответа	47% 39% 6% 8%
29.Связан ли орган предварительного расследования при предъявлении нового обвинения по уголовному делу, возвращенному из суда, теми фактами, что были установлены в судебном следствии против обвиняемого?	- да - нет - другое - без ответа	39% 53% 7% 11%
30.Обязан ли суд обеспечить стороне защиты возможность защиты от обвинения, которое изменилось в ходе разбирательства (проверки) в суде?	- да - нет - другое - без ответа	81% 0% 8% 11%
31.Если да, то обязан ли суд в каждом случае изменения обвинения в его уголовно-правовой или фактической составляющих, не зависимо от того в какую сторону этим меняется положение лица, в отношении которого ведется дело, предоставить ему реальную возможность для защиты от этого обвинения?	- да - нет - другое - без ответа	77% 2% 8% 13%
32.Можно ли расценивать процедуру возвращения судом уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, как выход за запрет на поворот к худшему?	- да - нет - другое - без ответа	69% 18% 5% 8%
33.Вправе ли суд вышестоящей инстанции вернуть уголовное дело прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, если апелляционное (кассационное) представление (жалоба) со стороны обвинения содержало только требование об усилении наказания?	- да - нет - другое - без ответа	73% 8% 3% 6%

34. Является ли оптимальным законодательное закрепление запрета на поворот к худшему в кодексе?	- да - нет - другое - без ответа	51% 39% 4% 6%
35. Следует ли закрепить запрет на поворот к худшему		
- в качестве отдельного принципа процесса	- да - нет - другое - без ответа	73% 12% 4% 11%
- в виде унифицированного общего свойства (условия) каждой из судебных стадий	- да - нет - другое - без ответа	70% 9% 7% 14%
- другое (укажите что именно)		
36. Поддерживаете ли вы предложение о более категоричном проведении этого запрета в отечественном уголовном судопроизводстве?	- да - нет - другое - без ответа	83% 8% 3% 6%
36.1. Если да, то согласны ли закрепить в законе следующее положения		
- суду воспрещается ни прямо, ни косвенно преобразовывать положение лица, в отношении которого ведется уголовное дело, в худшую для него сторону по своей инициативе, в отсутствие официально выраженного требования об этом со стороны обвинения	- да - нет - другое - без ответа	93% 4% 0% 3%
- при назначении наказания суд не вправе выйти за пределы предложения о нем обвинителя	- да - нет - другое - без ответа	93% 4% 2% 1%
- суд вышестоящий инстанции не вправе изменить решение нижестоящего суда в худшую для лица, в отношении которого ведется уголовное дело, сторону	- да - нет - другое - без ответа	95% 2% 1% 2%
- при рассмотрении уголовного дела суд апелляционной инстанции связан правопритязаниями и доводами апелляционных жалоб, представлений и вправе проверять судебные решения суда первой инстанции по уголовному делу только в пределах позиций сторон	- да - нет - другое - без ответа	92% 2% 1% 5%
- суд кассационной инстанции связан позицией сторон и пересматривает судебные решения судов первой и апелляционной инстанций в пределах кассационных отзывов и утверждений сторон, изложенных в судебном заседании	- да - нет - другое - без ответа	91% 3% 2% 4%
37. Поддерживаете ли Вы предложение о введении судебного порядка предъявления в суде нового обвинения на основании фактов, установленных в судебном следствии, который предусматривал бы, во-первых, процедуру выдвижения нового	- да - нет - другое - без ответа	83% 7% 4% 6%

обвинения прокурором, и во-вторых, предоставление подсудимому возможности подготовиться к защите от него?		
38.Ваш стаж работы адвокатом:	<ul style="list-style-type: none"> – до 2 лет – до 5 лет – до 10 лет – свыше 10 лет 	<ul style="list-style-type: none"> 17% 23% 28% 32%

**Проект законодательных изменений, направленных
на усиление запрета на поворот к худшему
в российском уголовном судопроизводстве**

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1. Дополнить статью пятую УПК РФ пунктом 24.2 следующего содержания: «Поворот судебного процесса в худшую сторону для лица, в отношении которого ведется уголовное дело» – это такое решение суда, в результате которого его положение в процессе юридически или фактически стало ухудшим по сравнению с тем, в котором он находился до поворота, что осложняет защиту им своей позиции, негативно влияет на исход дела в отношении него. Поворот к худшему может быть осуществлен судом первой инстанции при пересмотре дела, после отмены вышестоящим судом приговора по этому делу, в пределах обвинения, по которому изначально обвиняемый был предан суду и отзывает сторону обвинения, удовлетворенных вышестоящим судом».

2. Дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 24.2 следующего содержания: «Отзыв (апелляционный, кассационный) стороны в деле» – это требования, изложенные участником процесса в жалобе, представлении на решение суда, которая подана в вышестоящую судебную инстанцию».

3. Дополнить статью 15 УПК РФ частью третьей.1 следующего содержания: «3.1. Суду воспрещается ни прямо ни косвенно преобразовывать положение лица, в отношении которого ведется уголовное дело, в худшую для него сторону по своей инициативе, в отсутствие официально выраженного требования об этом со стороны обвинения. При назначении наказания суд не вправе выйти за пределы предложения о нем обвинителя».

4. Дополнить статью 15 УПК РФ частью третью.2 следующего содержания: «3.2. Суд вышестоящий инстанции не вправе изменить решение нижестоящего суда в худшую для лица, в отношении которого ведется уголовное дело, сторону».

5. Дополнить статью 16 УПК РФ частью 1.1 следующего содержания: «1.1. В каждом случае изменения обвинения в материально-правовом или фактическом отношении суд обязан предоставить лицу, в отношении которого ведется дело, реальную возможность подготовиться к защите от нового обвинения».

6. Дополнить статью 252 УПК РФ частью четвертой, «допускается изменение обвинения в суде лишь в пределах установленных в судебном следствии новых фактов, с соблюдением условий и процессуального порядка выдвижения обвинения».

7. Дополнить статью 318 УПК РФ следующей нормой: «6.1. Мировой судья по просьбе заявителя вправе оказать ему содействие в получении сведений, необходимых для формулирования обвинения и конкретизации сведений, предусмотренных частью 5 наст. статьи, как до принятия его заявления к производству, так и до назначения судебного заседания».

8. Включить в статью 318 УПК РФ также следующие нормы: «3.1. Мировой судья при подготовке дела к слушанию обязан оказать содействие сторонам в получении доказательств посредством направления запросов в органы государственной власти и в организации о представлении информации, в том числе получение у сотовых операторов информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, цифровой информации, полученной автоматизированные системами контроля и наблюдения, принадлежащим как государственным органам, так и частным организациям. 3.2. После назначения судебного заседания для рассмотрения дела по существу мировой судья вправе получать новые доказательства по делу только для проверки доказательств, представленных сторонами».

9. Часть третью статьи 319 УПК РФ изложить в следующем виде: «3. При наличии оснований для назначения судебного заседания мировой судья в течение 10 суток после вынесения постановления о принятии заявления вызывает лицо, в отношении которого подано заявление, знакомит его с материалами уголовного дела, вручает копию поданного заявления, разъясняет права подсудимого в судебном заседании, предусмотренные статьей 47 настоящего Кодекса».

10. Изложить статью 389.19. «*Пределы полномочий суда апелляционной инстанции*» в следующем виде: «1. При рассмотрении уголовного дела суд апелляционной инстанции связан правопритязаниями и доводами апелляционных жалоб, представлений и вправе проверять судебные решения суда первой инстанции по уголовному делу только в пределах позиций сторон. 2. Суд апелляционной инстанции не вправе рассматривать обвинение, которое не было выдвинуто и поддержано обвинителем в суде первой инстанции. 3. Суд апелляционной инстанции вправе по своей инициативе выйти за пределы апелляционных отзывов сторон в пользу лица, в отношении которого ведется уголовное дело или лица, не подавшего апелляционную жалобу. 4. Суд апелляционной инстанции вправе изменить приговор, иное решение суда первой инстанции, если этим не ухудшается положение лица, в отношении которого ведется уголовное дело. 6. Суд апелляционной инстанции при наличии оснований, предусмотренных законом, которые были указаны стороной обвинения в представлении, жалобах, может отменить приговор, иное решение суда, не вступившее в законную силу, и направить уголовное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. 7. Назначая новое рассмотрение в суде первой инстанции, суд апелляционной инстанции не имеет права предрешать вопросы о доказанности обвинения, убедительности и доброкачественности доказательств, применении судом первой инстанции закона, вида и размера наказания. 8. Выводы и мотивы, по которым судом апелляционной

инстанции было отменено судебное решение, являются обязательными для суда первой инстанции при новом рассмотрении уголовного дела».

11. Изложить статью 389.24 УПК РФ в следующей редакции: «Статья 389.24. Недопустимость ухудшения правового положения лица, в отношении которого ведется уголовное дело, при апелляционном пересмотре уголовного дела.

1. Суд апелляционной инстанции своим решением не вправе изменить к худшему положение лица, в отношении которого ведется уголовное дело.

2. Приговор, иные решения суда первой инстанции, могут быть отменены судом апелляционной инстанции по мотиву поворота к худшему положения лица, в отношении которого ведется уголовное дело только в случае, если такое требование, было заявлено в апелляционных отзывах участников процесса со стороны обвинения.

3. После отмены судом апелляционной инстанции оправдательного приговора суд первой инстанции может вынести обвинительный приговор, если приговор был отменен в результате удовлетворения апелляционного отклика со стороны обвинения. После отмены обвинительного приговора при новом рассмотрении в суде первой инстанции допускается применение закона о более тяжкое уголовное преступление и ужесточение наказания только при условии, если приговор был отменен по апелляционным отзывам участников стороны обвинения в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении или усилении наказания.

12. Изложить статью 401.16 УПК РФ «Пределы прав суда кассационной инстанции» в следующей редакции:

«1. Суд кассационной инстанции проверяет правильность применения судами первой и апелляционной инстанций норм уголовного и уголовно-процессуального законов, а также юридической оценки фактических обстоятельств дела.

2. Суд кассационной инстанции связан позицией сторон и пересматривает судебные решения судов первой и апелляционной инстанций

в пределах кассационных отзывов и утверждений сторон, изложенных в судебном заседании.

3. Суд кассационной инстанции вправе выйти за пределы кассационных требований, если этим не ухудшается положение лица, в отношении которого ведется уголовное дело.

4. Суд кассационной инстанции обязан принять решение в пользу других кассаторов, а также лица, не обжаловавшего решение нижестоящего суда, если удовлетворение поданного кассационного отзыва дает основание для принятия такого решения в их пользу.

5. Суд кассационной инстанции при изменении обвинительного приговора может смягчить назначенное осужденному наказание или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении. Суд кассационной инстанции вправе изменить в пользу лица, в отношении которого ведется уголовное дело, любое иное решение суда первой, апелляционной инстанции.

6. Суд кассационной инстанции не вправе применить закон о более тяжком преступлении, назначить более суровое наказание или иным образом повернуть к худшему положение лица, в отношении которого ведется уголовное дело.

7. Суд кассационной инстанции может при установлении в ходе пересмотра дела оснований, предусмотренных законом, которые были указаны в кассационных отзывах стороной обвинения, отменить как оправдательный, так и обвинительный приговор, иное решение суда, не вступившее в законную силу, и направить уголовное дело на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции.

4. Возвращая уголовное дело на новое рассмотрение, суд кассационной инстанции должен указать, в суд какой инстанции возвращается данное уголовное дело. В случае отмены оправдательного приговора уголовное дело подлежит направлению для нового рассмотрения в суд первой инстанции.

6. Указания суда кассационной инстанции обязательны при повторном рассмотрении данного уголовного дела судом нижестоящей инстанции.

7. В случае отмены судебного решения суд кассационной инстанции не вправе предрешать вопросы о доказанности обвинения, убедительности и доброкачественности доказательств, применении судом первой инстанции закона, вида и размера наказания.

8. Пересмотр в кассационном порядке приговора, иного решения нижестоящего суда по основаниям, влекущим ухудшение положения, лица, в отношении которого ведется уголовное дело, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу».